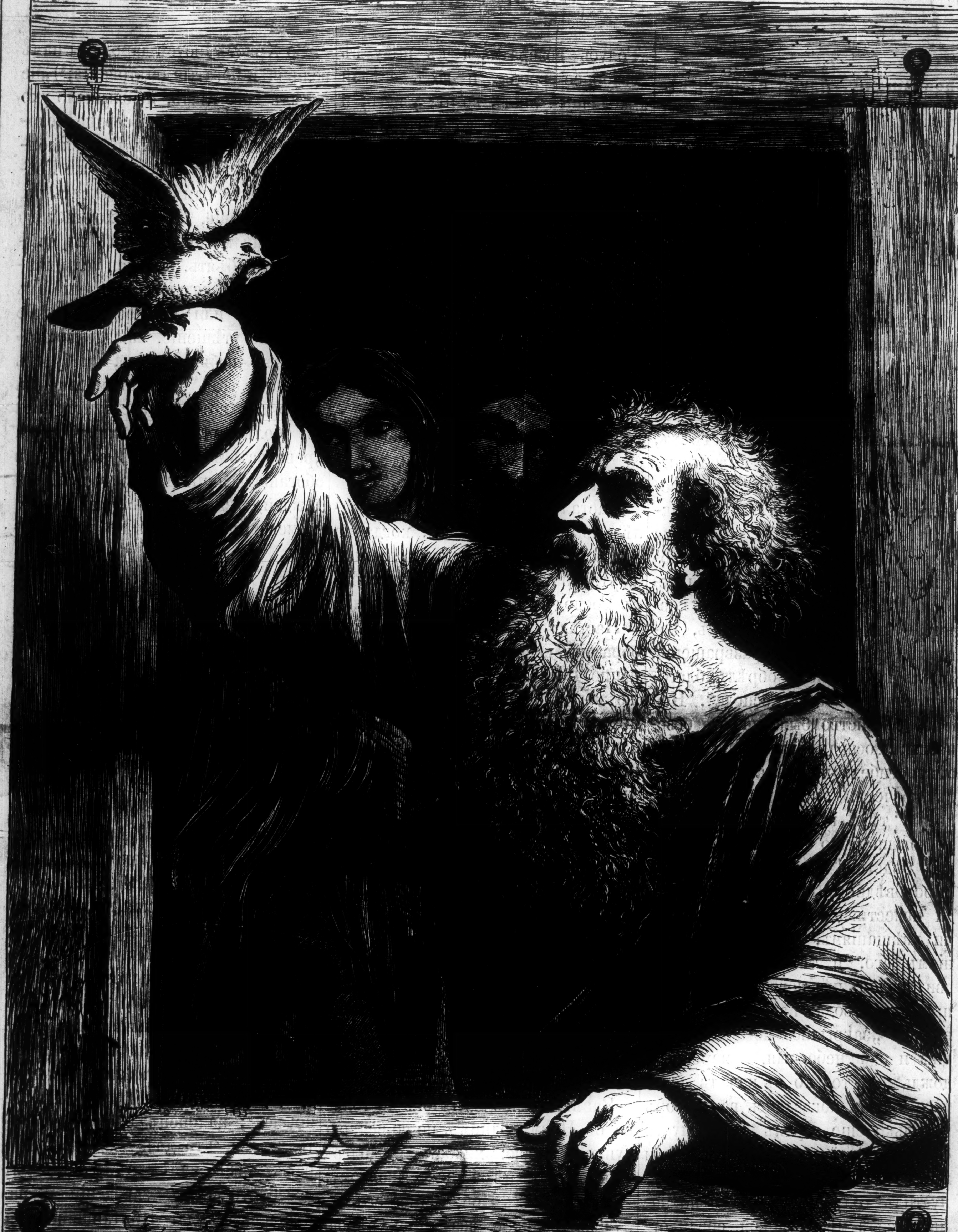
II 28/10

№ 1. 1883 г. **РУССКІЙ РАБОЧІЙ.** Цѣна 5 коп.



ВОЗВРАЩЕНІЕ ГОЛУБЯ ВЪ КОВЧЕГЪ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ГОЛУБЯ ВЪ КОВЧЕГЪ.

(Кн. Бытія, гл. 6—9).

Цѣлый міръ подъ водой! „Раскаялся Господь, что создалъ человѣка на землѣ, и возскорбѣлъ въ „сердцѣ Своемъ... и сказалъ Богъ: „конецъ всякой плоти насталъ".

Дома, города, поля и горы—все было залито грознымъ дождемъ, посланнымъ съ неба, чтобы затопить страшный, тяжкій грѣхъ человѣческій. Сколько различныхъ звуковъ, сколько голосовъ раздавалось по землѣ со всѣхъ сторонъ, и всѣ они сливались въ одинъ общій грѣхъ, который непрестанно взывалъ къ Богу и навлекъ Его гнѣвъ на нечестивыхъ людей. Теперь все умолкло; все умерло, погибло; вездѣ одна только вода, необъятная, все поглотившая; на этой водѣ носится деревянный ковчегъ, и въ этомъ ковчегѣ—единственный человѣкъ, который, среди общаго развращенія, „жилъ непорочно и обрѣлъ благодать передъ очами Господа". Ной и его семейство были вполнѣ безопасны; Господь Самъ укрылъ ихъ отъ погибели и, когда они вошли въ ковчегъ, „затворилъ за ними дверь;" тѣмъ не менѣе, какъ тяжело должно было быть имъ пережить это бѣдствіе! Тяжело было Ною, „проповѣднику правды", жить среди нечестивцевъ, не внимающихъ ни увѣщаніямъ, ни предостереженіямъ его, и тяжело было быть свидѣтелемъ ихъ погибели. 150 дней прибывала вода; наконецъ остановилась: „закрылись источники бездны и окна небесныя, и пересталъ дождь"; но только въ началѣ десятаго мѣсяца показались верхи горъ и только еще сорокъ дней спустя открылъ Ной окно въ ковчегѣ и выпустилъ ворона. Затѣмъ, онъ выпустилъ голубя, но голубь не нашелъ себѣ мѣста покоя среди огромной водяной пустыни и возвратился въ ковчегъ. Ной „помедлилъ „еще семь дней другихъ и опять „выпустилъ голубя изъ ковчега. „Голубь возвратился къ нему въ „вечернее время; и вотъ свѣжій „масличный листъ во рту у него; и „Ной узналъ, что вода сошла съ „земли".

Вѣстникомъ мира и надежды возвратился голубь; и этотъ одинъ „свѣжій, масличный листокъ во рту у него" былъ какъ бы знакомъ того, что Господь возстановитъ жизнь на землѣ и заключитъ завѣтъ милости съ людьми. Этотъ свѣжій листокъ, какое ободреніе принесъ онъ Ною! Онъ предвозвѣщалъ богатую растительность, обиліе плодовъ, конецъ разрушенію, и, глядя на этотъ масличный листокъ, Ной могъ надѣяться на то, чего еще не видѣлъ, и ожидать въ терпѣніи.[1])

Насталъ день, когда Богъ повелѣлъ выйти изъ ковчега; когда на обновленной землѣ воздвигнутъ былъ жертвенникъ и отъ него вознеслось къ Господу всесожженіе и хваленіе.

Насталъ день, когда, видимымъ образомъ, исполнилось для Ноя обѣщаніе Божіе: „съ тобою Я поставлю завѣтъ Мой"; исполнилось въ преизбыткѣ, сверхъ всякаго ожиданія, когда онъ услышалъ эти чудныя слова: „Я полагаю радугу Мою „въ облакѣ, чтобъ она была знаменіемъ завѣта между Мною и между землею. И будетъ: когда Я „наведу облако на землю, то явится „радуга въ облакѣ. И Я вспомню „завѣтъ Мой, который между Мною „и между вами, и между всякою „душою живою во всякой плоти. „И будетъ радуга въ облакѣ и Я „увижу ее, и вспомню завѣтъ вѣчный между Богомъ и между всякою душою живою во всякой плоди, которая на землѣ".

Завѣтъ заключилъ Богъ не только съ Ноемъ однимъ, но со всякою душою живою; милость и долготерпѣніе отнынѣ обѣщается всякому.

Вѣрою жилъ Ной; и вѣра его получила великое воздаяніе; вѣрою да живемъ и мы, и не постыдимся во вѣкъ.

[1]) Римл. 8, 25.

Во Христѣ Іисусѣ дарованы намъ великія и богатыя обѣтованія;[2]) „не видѣлъ того глазъ, не слышало ухо и не приходило то на сердце человѣку, что приготовилъ Богъ любящимъ Его";[3]) но и теперь уже Господь даетъ намъ предвкусить то, чего мы еще, пока находимся во плоти, не можемъ вполнѣ ни вмѣстить, ни объять. Каждая услышанная молитва, каждое избавленіе отъ искушенія или опасности, каждое духовное утѣшеніе, каждое доказательство любви Божіей, да будетъ для насъ тотъ „свѣжій масличный листокъ", который заставитъ насъ все болѣе утверждаться въ вѣрѣ, „ревновать въ добромъ всегда" и обогащаться крѣпкой, радостной надеждой, взирая не на видимое, а на невидимое, доколѣ Господь придетъ.

МЕНЯ НЕКОМУ ИСКАТЬ.

Часовъ въ одиннадцать вечера, бѣдная женщина, съ блѣднымъ, озабоченнымъ лицемъ, пробиралась по улицамъ большаго города. Она шла торопливо, нигдѣ не останавливаясь и только иногда съ безпокойствомъ всматривалась въ прохожихъ. Чего ей нужно было? У нея была дочь, единственная, любимая, которая годъ тому назадъ ее покинула и отправилась въ городъ. Сначала она жила въ услуженіи, потомъ пристрастилась къ нарядамъ, къ веселью, перестала работать и впала въ грѣхъ.

Мать долго ждала извѣстій, не дождалась и пошла сама розыскивать. Ходила долго, разспрашивала повсюду; наконецъ она отъ кого-то узнала, что дочку ея по вечерамъ можно найти въ одномъ изъ увеселительныхъ заведеній и направилась туда. Притаившись къ стѣнѣ, бѣдная мать простояла весь вечеръ у входа въ ожиданіи, что вотъ она выйдетъ, но напрасно.

[2]) 2 Петр. 1 ч. [3]) 1 Кор. 2. д.

Слѣдующій вечеръ она прождала также и много вечеровъ сряду, въ дождь и вѣтеръ, возвращалась все къ тому же мѣсту и все ждала.

Наконецъ разъ, когда толпа хлынула изъ двери и стала расходиться, мимо нея прошла нарядно одѣтая молодая дѣвушка, которая такъ походила на ея дочь, что она бросилась къ ней. Та оглянулась; бѣдная мать протянула было къ ней руки, чтобъ обнять ее, но вдругъ свѣтъ отъ фонаря, упавшій на лице дѣвушки, показалъ ей, что это не ея дочь, а чужая. „Боже мой“! вскричала она съ горестью,—„это не она! Я искала свою дочь, а вы—чужая“.

Молодая дѣвушка посмотрѣла на нее съ участіемъ и, увидавъ такое глубокое горе, выраженное на лицѣ старушки, она вдругъ закрыла лице руками и заплакала.

— „У меня нѣтъ матери“,—сказала она сквозь слезы „меня некому искать“.

Бѣдная женщина взяла ее за руку, отвела въ сторону отъ толпы, долго уговаривала ее ласковыми словами и повела ее къ себѣ домой „вмѣсто роднаго дитятки“. Искала свою, нашла чужую, и приняла ее изъ рукъ Божіихъ въ осиротѣвшее свое сердце ради Бога, ради дочери, не переставая молиться о родной, заблудшей овцѣ.

Прошло время, и разъ утромъ получено было изъ городской больницы письмо, по которому старушка опять снарядилась въ городъ и такъ спѣшила, что, не смотря на долгій путь пѣшкомъ, она къ вечеру уже стояла у кровати дочери и поддерживала ея голову на груди своей. Дочка умирала, раскаявшись во грѣхахъ своихъ, и на рукахъ матери мирно скончалась.

— „Одну искала, двухъ нашла“, повторяла старушка, возвращаясь домой. „Не я нашла, Господь нашелъ; одну въ Своемъ Царствіи отъ зла укрылъ, другой на землѣ пристанище послалъ. Была она мнѣ чужая и стала своя, а моя была Богу чужая и стала Ему Своя“.

„Меня некому искать“! Правда-ли это? У меня нѣтъ ни отца, ни матери, — скажетъ, можетъ быть, иной человѣкъ,—что бы со мной ни было, людямъ все равно; гдѣ-бы я ни затерялся, меня никто искать не станетъ. Открой Евангеліе[1]) и ты увидишь, что тамъ Господь называетъ Себя Пастыремъ добрымъ, потому что Онъ душу Свою положилъ за овецъ, пришелъ искать ихъ, гдѣ-бы они ни были разсѣяны, и нашедши, взять ихъ на руки Свои съ радостію и отнести въ Свой домъ на небесахъ. Не говори, что тебя некому искать, когда тебя ищетъ и призываетъ къ Себѣ Тотъ, чья любовь крѣпка, какъ смерть, и превосходитъ всякое твое разумѣніе; такая любовь, которая проникаетъ въ глубину твоего одиночества и твоего грѣха, которая „прощаетъ всѣ беззаконія твои и исцѣляетъ всѣ немощи твои“ и которая, не смотря на то, что ты еще не откликался на нее, до сихъ поръ бодрствуетъ надъ тобой и ищетъ тебя.

Если-же ты, по милости Божіей, все это для себя уже знаешь и принялъ, оглянись, не увидишь-ли ты гдѣ-нибудь брата, который блуждаетъ во тьмѣ и думаетъ, быть можетъ, что его некому искать. Родные отъ него отступились и онъ самъ, махнувъ на себя рукой, доживаетъ свои грѣшные дни то въ безпечности, то въ горькомъ отчаяніи. Пойди къ нему, скажи ему, что его ищетъ Тотъ, Кто за него на крестѣ душу положилъ; какъ знаешь ты, что не тронется каменное сердце и что не пріютится погибшая душа около Того, Кто пришелъ погибшихъ взыскать и спасти.[2]) Пойди къ нему съ любовью; пусть тотъ, кто по равнодушію твоему, былъ тебѣ чужой, станетъ тебѣ, какъ свой, ради Того, Кто пришелъ призвать пришельцевъ, далекихъ, чужихъ[3]) и принять ихъ, какъ родныхъ, въ Царство Отца.

[1]) Луки 15. Іоан. 10. [2]) Луки 19, 10. [3]) Ефес. 2. 13, 17—19.

УБОГАЯ ПОЛЯ.

„Анна Петровна, вы здѣсь, кто бы думалъ!“ воскликнула пожилая женщина, которая, съ корзиной въ рукахъ, торопилась въ лавку, но остановилась, встрѣтивъ неожиданно старую знакомую.

— „Да, я здѣсь“, весело отвѣчала Анна Петровна“; недавно только съ господами на жительство въ городъ пріѣхала и хочу теперь разыскать вашу сестру Лизу: мы вѣдь съ ней такіе друзья были“.

— „Лизу не трудно найти“, отвѣчала Прасковья, „вонъ, въ концѣ этого переулка, маленькая суровская лавочка; тамъ она и сидитъ“.

— „А какъ она поживаетъ?“ спросила Анна съ участіемъ; „я ее такъ давно не видала“.

— „Плохо поживаетъ, да и сама виновата“, отвѣчала Прасковья рѣзко.

— „Я слышала, что ея старшая дѣвочка больная?“

— „Не больная, а дурочка; совсѣмъ глупая, какъ грудной ребенокъ, такъ что только и возись съ ней. А муженекъ пьянствуетъ...

— „Пьянствуетъ!“ вскричала Анна, „неужели Дмитрій пьянствуетъ? Онъ вѣдь былъ такой славный малый и работалъ хорошо“.

— „Мало ли что было прежде; зато теперь сталъ хуже животнаго“, сказала Прасковья сухо. „Лиза измучилась и все отъ того, что моего совѣта не принимаетъ. Я ей давно говорю: пора тебѣ, Лиза, за умъ взяться: ты видишь, что тебѣ твоя Поля только руки связываетъ и что толку отъ нея никогда не будетъ никакого; вотъ ее и надо опредѣлить куда нибудь или отправить въ деревню къ бабушкѣ, а тебѣ съ маленькой идти въ услуженіе. На Дмитрія же смотрѣть нечего; хочетъ онъ пить, такъ пусть и пропадаетъ одинъ. Но Лиза такая странная: съ дѣвчонкой разстаться не хочетъ: другіе, говоритъ, обидятъ ее; и съ мужемъ все нянь-

чится, все терпитъ отъ него; такъ себя и сгубитъ".

— „Побѣгу я къ ней, а то у меня времени не очень много", сказала Анна, выслушавъ длинную рѣчь Прасковьи, и, простившись съ ней, она направилась къ суровской лавочкѣ. Какая бѣдная лавочка! Товару въ окошкѣ такъ мало, да и тотъ незавидный; видно, не на что свѣжаго припасти. Анна вздохнула и растворила дверь. За прилавкомъ стояла женщина еще молодая, но такая блѣдная, съ такимъ печальнымъ, изнуреннымъ лицомъ, что жаль было смотрѣть. Неужели это прежняя веселая, здоровая Лиза! Она не подняла глазъ на Анну, потому что съ безпокойствомъ перебирала нѣсколько дѣтскихъ чепчиковъ и показывала ихъ покупательницѣ.

— „Ни одинъ не годится", сказала та недовольнымъ голосомъ, „совсѣмъ пожелтѣли, пойду поищу въ другомъ мѣстѣ", съ этими словами она повернулась уходить и рукавомъ смахнула одинъ изъ неугодившихъ ей чепчиковъ на полъ. Анна нагнулась, чтобы поднять его; въ эту минуту изъ сосѣдней комнаты раздался трескъ и вслѣдъ за нимъ громкій крикъ. Лиза бросилась туда и черезъ дверь послышался ея голосъ, успокоивающій ребенка.

— „Моя крошечка, моя Поленька; не плачь, моя милая".

— „Мама, я не виновата", лепеталъ другой дѣтскій голосокъ" я ее на стулъ не пускала, а она все-таки влѣзла".

Анна только что собиралась пройти въ комнату на помощь Лизѣ, какъ въ лавку вошелъ человѣкъ, сердитой наружности и, стукнувъ палкой объ полъ, позвалъ: „Трофимова здѣсь"?

— „Иду, иду, сейчасъ", отвѣчала Лизавета и показалась въ дверяхъ, держа на рукахъ плачущую дѣвочку лѣтъ семи: жалкое дитя съ безсмысленнымъ, тупымъ взглядомъ; а изъ за платья матери выглядывало другое, дѣтское личико, съ быстрыми голубыми глазами, которые заботливо смотрѣли на сестру.

— „Заставьте вы ее замолчать", сказалъ вошедшій господинъ, съ нетерпѣніемъ, указывая на Полю.

Бѣдная мать посмотрѣла на него умоляющими глазами и крѣпче прижала къ себѣ дитя.

— „Вы на счетъ квартиры, Иванъ Петровичъ", начала она робкимъ голосомъ.

— „Да, на счетъ квартиры", повторилъ тотъ сердито, „недѣля вамъ сроку, а тамъ и выѣзжайте, коли платить не умѣете".

— „Потерпите еще мѣсяцъ", просила Лиза; „Богъ дастъ, торговля лучше пойдетъ и мы заплатимъ".

— „Знаю, знаю я, какъ вы заплатите. Нѣтъ, матушка, мужъ въ кабакѣ денегъ не наживетъ и торговлю вашу тамъ не поправитъ, а я больше недѣли ждать не стану; такъ и знайте".

Поля еще громче закричала, а хозяинъ, погрозивъ ей палкой, захлопнулъ дверь и вышелъ.

— „Боже мой, со всѣхъ сторонъ только горе, горе", прошептала Лизавета. Въ эту минуту Анна подошла къ ней и, обнявъ ее крѣпко, сказала:

— „Милая, бѣдная моя, узнаешь ли ты меня?"

— „Неужели это Аннушка"? вскричала Лиза, пристально всматриваясь ей въ лицо; „вотъ, не ожидала я тебя!"

Она повела ее въ комнату, поручивъ маленькой Сонѣ стеречь лавочку, а Поля засмотрѣлась на Анну, перестала плакать и скоро такъ съ ней освоилась, что перешла къ ней на колѣни.

— „Какъ мало ты перемѣнилась, Аннушка", сказала Лиза, „все такая же бодрая, спокойная, довольная; а я... для меня все перемѣнилось".

— „Господь все Тотъ же, хотя бы все земное и перемѣнилось", отвѣчала Анна твердымъ голосомъ.

— „Ахъ, мнѣ иной разъ кажется, будто и Онъ перемѣнился, будто Онъ отъ меня совсѣмъ отвернулся, а сердце такъ и ноетъ, такъ и рвется на части".

Долго сдерживала бѣдная женщина свое горе, но тутъ оно полилось рѣкою и она зарыдала. Анна глядѣла на нее съ глубокимъ сожалѣніемъ и молча ласкала бѣдную, убогую дѣвочку, которая съ безсознательной улыбкой на лицѣ, повторяла какія-то несвязныя слова. Анна прислушалась къ нимъ; „Папа домой", разобрала она; „Папа—домой", твердила Поля, много разъ сряду, все тѣмъ же заунывнымъ голосомъ.

— „Она больше ничего не умѣетъ говорить", сказала Лизавета, поднимая голову; „только эти два слова и заучила съ тѣхъ поръ, какъ маленькая была. Ахъ, тогда было не то, что теперь; теперь, совсѣмъ затопило горе; и кругомъ-то такъ темно, что ни шагу впередъ не видать".

— „Помнишь ли", сказала Анна", какъ мы съ тобой въ былое время, въ Евангеліи, читали про то, какъ ученики были ночью въ лодкѣ на морѣ, и ты мнѣ часто говорила: это мое любимое мѣсто въ Евангеліи. Помнишь, какъ имъ было страшно и вокругъ темно и они думали, что Господь не заботится о нихъ и дастъ имъ погибнуть. А Господь былъ тутъ и какъ только они воззвали къ Нему, Онъ отвѣтилъ имъ, успокоилъ ихъ и усмирилъ бурю такъ, что вокругъ лодки стало совсѣмъ тихо.

Ты, можетъ быть, для того этотъ разсказъ прежде и любила чтобы онъ тебя утѣшилъ теперь, когда и тебя буря постигла. Твоя душа, какъ лодочка, качается на морѣ; ее заливаетъ волнами, но Господь близокъ; и если ты призовешь Его, Онъ тебя успокоитъ такъ, что и въ твоей душѣ станетъ тихо".

— „Господь не творитъ теперь такихъ чудесъ какъ прежде", сказала Лизавета печально. „Еслибы Онъ былъ на землѣ, я бы свела къ Нему моего бѣднаго мужа, мое бѣд-

ное неразумное дитя; я бы положила ихъ къ ногамъ Его и Онъ-бы вѣрно не оттолкнулъ ихъ. Онъ призрѣлъ бы на нихъ и исцѣлилъ бы ихъ. А теперь, совсѣмъ не то".

— „Нѣтъ, Лиза, Господь и теперь творитъ чудеса; только мы слѣпы и не умѣемъ ихъ видѣть и цѣнить. Сколько чудесъ творитъ Онъ каждый день: сколькихъ Онъ питаетъ, хранитъ, утѣшаетъ, избавляетъ. Сколькимъ посылаетъ исцѣленіе и обновленіе сердца. Ты и теперь можешь въ молитвѣ принести къ Нему и мужа, и ребенка, положить ихъ, какъ ты говоришь, къ ногамъ Его; и если ты будешь вѣровать, Онъ и теперь можетъ надъ ними обоими чудо сотворить! Помнишь, твоя дочка какъ только закричала, ты сейчасъ же побѣжала къ ней на помощь. Неужели же Господь не отвѣтитъ на крикъ нашъ и не поможетъ намъ!"

— „Правда, правда, Аннушка", отвѣчала Лиза, „Боже мой, какъ я могла это все забыть! Все, все забыла, кромѣ своей тоски; но ты мнѣ все напомнила, спасибо тебѣ. Пусть тебя Господь такъ всегда утѣшаетъ, какъ ты меня сегодня утѣшила".

Аннѣ пора было уходить; Лиза ее горячо благодарила; и потомъ, когда осталась одна, она долго молилась.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ, она просила прощенья за свой ропотъ, за свое маловѣріе, и, возложивъ на Господа всѣ заботы свои, молила Его, если Ему угодно, послать ей избавленіе; если же нѣтъ, то успокоить ея сердце въ совершенномъ смиреніи и уповаціи на Него.

Отвѣтъ на молитву не замедлилъ: въ душѣ Лизаветы стало тихо и даже радостно, такъ что, когда она вышла въ лавку смѣнить терпѣливую маленькую Соню, дѣвочка, взглянувъ на нее, спросила съ удивленіемъ: „мама, что съ тобой? Ты веселая стала"!

— Меня Господь развеселилъ, душечка", отвѣчала мать.

Прошло нѣсколько часовъ; стемнѣло, а Дмитрій все не возвращался. Лиза, сидя за шитьемъ, вспоминала угрозу хозяина и бѣдное сердце ея опять стало сжиматься при мысли, что мужъ, получивъ недѣльную плату въ заводѣ, пропиваетъ, можетъ быть, въ эту минуту послѣднюю копѣйку. Что дѣлать? Нельзя ли остановить его? „Пойду я сама за нимъ, пока еще не все пропито", рѣшила она. „Попробую уговорить его; попробую увести его домой; можетъ быть, Господь смягчитъ ему сердце и Онъ пожалѣетъ насъ".

Лиза встала, надѣла платокъ и, попросивъ сосѣдку присмотрѣть за дѣтьми и за лавкой, вышла на улицу. Холодно было и сыро; но она этого не замѣчала и бодро шла впередъ, все повторяя въ сердцѣ: „Помоги, Господи"! Вдругъ за ней послышались шаги, — торопливые, знакомые дѣтскіе шаги; она остановилась; черезъ минуту двѣ маленькія руки охватили ее и она узнала свою дочку—Полю. Бѣдное дитя часто безпокоилось и тосковало безъ матери и теперь, должно быть, полу-безсознательно, отправилось по слѣдамъ ея.

— „Поля, Поля, что я буду съ тобой дѣлать"? вскричала Лиза. „Теперь такъ холодно, а ты въ одномъ платьѣ выбѣжала; куда я съ тобой дѣнусь"?

Поля ничего не понимала, ничего не сознавала; она только чувствовала, что она мать свою нашла, и держась за нее крѣпко обѣими руками, она смотрѣла на нее съ своей жалкой, безсмысленной улыбкой и твердила: „Папа—домой! Папа—домой"! Лиза стояла въ раздумьи, не зная что дѣлать: если отнести Полю домой, такъ не поспѣешь къ мужу; если взять ее съ собой безъ теплой одежды, она простудится.

— „Вотъ что:" придумала она; „тутъ недалеко живетъ сестра; занесу я Полю къ ней; она тамъ скоро заснетъ и перестанетъ скучать". Она взяла дѣвочку на руки, бережно закутала ее въ свой изношенный платокъ и поспѣшила къ сестрѣ.

— „Откуда ты съ ребенкомъ?" спросила Прасковья, отворяя ей дверь.

— „Некогда разсказывать, голубушка", торопливо отвѣчала Лиза; побереги ты мнѣ Полю до утра, а я за ней завтра рано приду."

— „Что тебѣ вздумалось въ такую пору съ ней выходить? Пусть ночуетъ у меня, конечно. А мужъ-то вѣрно опять въ кабакѣ угощается".

Но Лиза послѣднихъ словъ не слыхала. Передавъ сестрѣ ребенка, она выбѣжала на улицу и спѣшила къ трактиру, гдѣ она знала, что Дмитрій имѣлъ обыкновеніе пропивать съ товарищами свои заработки.

Черезъ дверь, которая часто растворялась слышались шумныя рѣчи и громкій хохотъ. Лиза заглянула въ дверь и въ окно; много толпилось тамъ людей, но Дмитрія между ними не было.

— „Его нѣтъ, неужели, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ", шептала бѣдная жена, не вѣря своимъ глазамъ. Она еще постояла, прислонившись къ стѣнѣ, и нѣсколько разъ украдкой заглядывала въ освѣщенную комнату, чтобы убѣдиться, что мужа дѣйствительно тамъ нѣтъ. Да, Дмитрія не было.

— „Слава Богу", твердила Лизавета; „товарищи его хоть и тутъ, а его нѣтъ; значитъ, онъ устоялъ, мой Дмитрій. Вѣрно онъ на заводѣ задержался и прямо домой прошелъ. Побѣгу и я скорѣй домой".

Лиза повернула назадъ; на сердцѣ было легко, и когда она, усталая, продрогшая, остановилась у двери своей квартиры и постучала, сердце радостно забилось при мысли, что вотъ сейчасъ Дмитрій, трезвый, ласковый, отворитъ ей дверь. Но нѣтъ, дѣтскій голосъ спросилъ: „Мама, это ты?" и слабая, дѣтская рука медленно повернула ключъ въ замкѣ.

— „Мама“, вскричала заботливая Соня, „а что же ты Полю не привела? Она за тобой побѣжала.

— „Поля у тети осталась“, отвѣчала Лизавета; „а отецъ не заходилъ безъ меня?“

— „Нѣтъ, мама, никого не было, только письмо тебѣ принесли“.

Письмо было отъ Анны,—очень краткое, только эти слова:

„Что унываешь ты, душа моя, и что смущаешься? Уповай на Бога. Ибо я буду еще славить Его, Спасителя моего и Бога моего“. (Псал. 41. 12).

— „Добрая Анна“, подумала Лиза, „какъ она заботится обо мнѣ! Да, Господи, я буду уповать на Тебя; хоть и сердце болитъ, а всетаки буду надѣяться, что ты дашь и мнѣ прославить тебя. Господи, умножь мою вѣру, спаси моего бѣднаго мужа!“

— „Мама“, позвала Соня, „тамъ кто-то въ дверь стучитъ“.

— „Дмитрій“, подумала Лиза и побѣжала отворять. Въ дверяхъ стояла Прасковья.

— „Поля пришла домой?“ спросила она смущеннымъ голосомъ.

— „Поля!“ вскричала испуганная мать, „вѣдь я же ее у тебя оставила“.

— „Да, я знаю“, отвѣчала Прасковья съ замѣшательствомъ, „но я только пошла въ кухню за водой, а она куда-то пропала. Я ее вездѣ искала, нигдѣ не могла найти и подумала, что она вѣрно домой убѣжала“.

— „Поленька моя, гдѣ ты, гдѣ ты?“ и съ этимъ горестнымъ крикомъ Лизавета бросилась на улицу искать свое дитя...

А гдѣ же все это время Дмитрій? Вотъ, онъ сидитъ въ трактирѣ, гдѣ сгубилъ столько трудовыхъ денегъ, гдѣ нажилъ себѣ столько стыда и семьѣ столько горькой нужды,—и разговариваетъ онъ весело съ товарищами и уже не первый стаканъ подноситъ къ губамъ. Было время, когда Дмитрій былъ не таковъ; былъ онъ степенный смирный, трудолюбивый, такъ что Лизу поздравляли съ хорошимъ мужемъ и увѣряли, что она за нимъ никогда горя не узнаетъ. Но Дмитрій не умѣлъ сказать: нѣтъ; не умѣлъ оттолкнуть отъ себя худой совѣтъ. Покуда онъ знался съ людьми хорошими, то и самъ былъ хорошъ, а какъ, на работѣ, связался съ дурными товарищами, то и сталъ имъ подражать. Бывало утромъ обѣщаетъ женѣ: „не буду, Лиза, пить, вотъ увидишь, всѣ деньги домой принесу“, а вечеромъ, сманятъ товарищи, и Дмитрій опять въ трактирѣ сидитъ.

Въ этотъ самый день еще, Лиза утромъ со слезами молила его: „Принеси ты хоть сегодня жалованіе домой, надо вѣдь за квартиру отдать, и въ лавкѣ нечѣмъ торговать“.—„Хорошо, хорошо“, отвѣчалъ онъ, „непремѣнно принесу“, а вмѣсто того, вотъ онъ въ трактирѣ сидитъ и деньги на вино уходятъ! Въ то время, когда Лиза заглядывала въ окно и искала его, онъ былъ во внутренней комнатѣ и бесѣдовалъ съ хозяиномъ, поэтому, она его и не видала. Теперь онъ опять вышелъ въ переднюю комнату и наливаетъ себѣ еще стаканъ. Только что поднесъ его къ губамъ и вдругъ остановился. Что это за странный звукъ, въ родѣ стона, слышитъ онъ сквозь шумный говоръ окружающихъ. Такой жалобный звукъ, который вдругъ почему-то напомнилъ ему жену и дѣтей!„ Слышите, ребята, что это такое?“ спросилъ онъ товарищей.

— „Ровно ничего не слышимъ, съ ума ты сошелъ“, засмѣялись тѣ.

— „Какъ не слышите? Вотъ опять, опять кто-то стонетъ“.

Дмитрій оттолкнулъ отъ себя полный стаканъ и всталъ съ мѣста. Какое-то странное безпокойство овладѣло имъ: вѣрно жена молилась въ эту минуту, вѣрно Рука Божія коснулась несчастнаго пьяницы; онъ взялъ шапку и вышелъ на улицу. Темно было; Дмитрій у самой двери споткнулся обо что-то и почувствовалъ, что наступилъ на что-то мягкое. Послышался крикъ. Онъ отшатнулся назадъ, нагнулся и увидалъ, у ногъ своихъ, свою убогую дочку Полю, которую чуть не раздавилъ въ темнотѣ.

Бѣдное, безразсудное дитя,—она должно быть и отъ тетки ушла вслѣдъ за матерью, сама того не понимая, дошла до трактира и тутъ ужъ не могла дальше идти: упала въ изнеможеніи около двери и стонала тамъ жалобно, въ страхѣ и тоскѣ, пока отецъ нашелъ ее. Поля судорожно плакала, когда онъ взялъ ее на руки и сквозь рыданія повторяла: „Папа—домой! Папа—домой!“ Дмитрій цѣловалъ ее, утѣшалъ какъ умѣлъ, пока она успокоилась и наконецъ у него на плечѣ заснула.

Ахъ, чего только ни передумалъ онъ, пока несъ ребенка домой! Мысль о томъ, что малютка его, въ темную, холодную ночь лежала, одна, и стонала у самой двери того мѣста, гдѣ онъ губилъ себя душой и тѣломъ,—эта мысль была ужасная. Она рѣзала ему душу. И онъ чуть было не задавилъ, не затопталъ до смерти своего ребенка! Да, точно такъ давилъ онъ, топталъ онъ всю семью свою, своимъ пьянствомъ, давилъ ихъ всѣхъ нищетой и горемъ и чуть было не задавилъ ихъ всѣхъ до смерти.

Несчастный отецъ горько заплакалъ о своемъ грѣхѣ, о своей жестокости. Слезы катились на холодныя, сложенныя ручки спящей Поли, а изъ сердца грѣшника вырывался къ Богу крикъ о помилованіи, о прощеніи, о спасеніи отъ грѣха. Дмитрій подходилъ къ дому, какъ вдругъ на него бросилась Лизавета съ радостнымъ восклицаніемъ: „Это ты и Поля тутъ, слава Богу!“

Она только что выбѣжала искать дѣвочку и встрѣтилась съ Дмитріемъ. Голосъ матери разбудилъ Полю, она потянулась къ ней и, охвативъ ее за шею, стала съ живостью повторять: „Папа—домой“.

— „Да, моя душечка, домой пришелъ“, повторила съ благодарностью мать.

„Домой пришелъ“, повторила весело маленькая Соня, увидавъ радость на лицѣ матери и кидаясь цѣловать отца.

Да, съ того дня Дмитрій, въ самомъ дѣлѣ, и сердцемъ и душой домой пришелъ. Пришелъ, какъ еще до сихъ поръ никогда не приходилъ; пришелъ домой—навсегда, и не только въ земной домъ вернулся,—но и въ небесный, къ небесному Отцу возвратился.

Сбылись слова Анны: „Господь и теперь можетъ надъ ними обоими чудо сотворить“.

Сотворилъ Онъ чудо, избравъ неразумное, по людскому мнѣнію, никуда не пригодное дитя, Своимъ орудіемъ для спасенія виновнаго отца. Сотворилъ Онъ чудо освободивъ его отъ власти лукаваго. Осушились слезы Лизаветы, повеселѣла Соня, разбогатѣла лавочка; а Поля хоть человѣческаго ума-разума и не нажила, а была счастлива, въ своемъ убожествѣ. Ее дома держали въ почетѣ, берегли и лелѣяли; даже тетка Прасковья перестала совѣтовать сбыть ее съ рукъ, а ужъ отецъ, бывало, какъ взглянетъ на нее или услышитъ: „Папа—домой“,—вспомнитъ прошлое и заплачетъ.

ПАДШИМЪ ГРѢШНИКАМЪ ОДНА НАДЕЖДА—ГОСПОДЬ РАСПЯТЫЙ.

(Изъ твореній преподобнаго Ефрема Сирина). (4, 257).

Оплачьте наготу мою, возлюбленные братіе мои! Прогнѣвалъ я Христа порочною жизнію своею. Какъ благій сотворилъ Онъ меня и далъ мнѣ свободу; а я, злоупотребивъ ею, воздалъ Ему зломъ—нечестивыми дѣлами своими.

Господь всяческихъ сотворилъ меня совершеннымъ и содѣлалъ оружіемъ славы своей, чтобы я служилъ Ему и святилъ имя Его, а я, несчастный, содѣлалъ члены свои орудіями грѣха, и творилъ ими всякую неправду. Увы мнѣ, потому что Онъ праведно осудитъ меня.

Срамныя дѣла мои предварятъ меня на судѣ, и будутъ обвинять бѣдную душу мою. Неотступно умоляю Тебя, Спаситель мой, осѣни меня крылами своими и не обнаруживай скверну моихъ на великомъ судѣ Твоемъ, чтобъ прославилъ я благость Твою.

Злыя дѣла, какія дѣлалъ я предъ Господомъ всяческихъ, отлучаютъ меня отъ сообщества святыхъ. И поелику жизнію своею не служилъ я Богу, какъ они, то и не имѣю никакой чести въ добрыхъ дѣлахъ ихъ. Увы, я погибъ!

Теперь постигаетъ меня горе, чего и достоинъ я. А если-бы подвизался вмѣстѣ съ ними, то подобно имъ былъ бы прославленъ. Но поелику былъ я нерадивъ и служилъ похотямъ; то и не принадлежу къ сонму побѣдителей, а сталъ наслѣдникомъ геены.

Тебя, пронзенный гвоздями на крестѣ, Побѣдитель, взывающій грѣшникамъ: пріидите, получайте отпущеніе даромъ, — Тебя неотступно молю, Спаситель мой, отврати очи Твои отъ нечестія моего; страданіями же Твоими уврачуй язвы мои, чтобы прославилъ я власть Твою.

О, Всеблагій, чья благость безмѣрно выше неправдъ міра, уповаіемъ на благость Твою укрѣпи бѣдную душу мою, которая обезсилена и въ конецъ истощена тяжкими недугами неправды и грѣха, и держится только упованіемъ на Тебя, въ Тебѣ надѣясь найти себѣ утѣшеніе!

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Привѣтствуя нашихъ читателей, въ новомъ году, и желая каждому изъ нихъ «всякаго даянія добраго и всякаго дара совершеннаго нисходящаго свыше отъ Отца свѣтовъ», — желаемъ также благодарить ихъ снова, за многія отрадныя письма, полученныя отъ нихъ въ это послѣднее время.

„Какъ хорошо слово, сказанное во время“! говоритъ Св. Писаніе.

Какъ хороши и какъ дороги были для насъ многія ободряющія слова, посланныя изъ разныхъ мѣстъ, и какъ утѣшительно знать что нашъ листокъ имѣетъ такихъ друзей, которые, вспоминаютъ о немъ въ молитвахъ и этими молитвами насъ поддерживаютъ и укрѣпляютъ.

Господь, знающій насколько велико было это утѣшеніе и насколько оно приходило „во время“,— да воздастъ каждому сторицей, за каждое доброе слово, за каждую молитву и да утѣшитъ каждаго по нуждѣ его, обиліемъ утѣшенія Христова.

Снова повторяемъ, для тѣхъ изъ нашихъ подписчиковъ, которые въ 1882 году „Русскій Рабочій“ не получали, что мы готовы, по требованію обращенному въ редакцію, высылать желающимъ и книги Св. Писанія, по слѣдующимъ цѣнамъ:

СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ:

Новый Завѣтъ малаго формата въ клеенкѣ	40 к.
Новый Завѣтъ большаго формата въ клеенкѣ	70 „
Новый Завѣтъ съ псалтиремъ малаго формата въ клеенкѣ.	45 „
Новый Завѣтъ съ псалтиремъ больш. формата въ клеенкѣ.	45 „
Вся Библія въ клеенкѣ . . .	3 р. —

Прежніе годовые экз. журнала: 1876 — 1880 гг., по 25 коп. съ пересылкой.

ЧТО ТЫ СѢЕШЬ?

Прочитай въ Евангеліи про сѣятеля [1])! Онъ сѣялъ сѣмя благое, живое, безсмертное; та почва, которая не принимала этого сѣмени или заглушала его, оставалась сухой и безплодной. Тотъ плодъ, который приносило это сѣмя на доброй землѣ, былъ плодъ обильный, благодатный, пребывающій въ жизнь вѣчную.

Каждый человѣкъ что нибудь да сѣетъ. Слова имъ сказанныя, поступки его—это сѣмена, которыя падаютъ—падаютъ ежедневно и не пропадутъ безслѣдно: они дозрѣютъ къ жатвѣ; тогда пшеница будетъ убрана въ небесную житницу, а сорная трава будетъ брошена въ огонь.

Но люди мало объ этомъ заботятся: иной цѣлыми горстями сѣетъ зло, а о жатвѣ никогда не думаетъ; другой, въ невѣдѣніи своемъ, воображаетъ, что хоть онъ и сѣетъ зло, а все-таки изъ этого, въ концѣ концовъ, выростетъ добро; наблюдаетъ же за всѣмъ этимъ глазъ Божій. Господь видитъ, какія обильныя сѣмена грѣха падаютъ ежедневно на землю; Онъ знаетъ, какая ужасная готовится жатва и словомъ Своимъ останавливаетъ и предупреждаетъ безразсудныхъ сѣятелей.

„Не обманывайтесь“, взываетъ Его Слово; „Богъ поругаемъ не бываетъ. Что посѣетъ человѣкъ, то и пожнетъ. Сѣющій въ плоть свою отъ плоти пожнетъ тлѣніе, а сѣющій въ духъ отъ духа пожнетъ жизнь вѣчную [2])“.

„Такъ какъ они сѣяли вѣтеръ, то и пожнутъ бурю [3])“.

Бурю пожнешь ты, бѣдный братъ мой, если ты теперь сѣешь сѣмена неугодныя Богу,—сѣмена грѣха и тлѣнія; и кто укроетъ отъ этой бури твою беззащитную голову! Пшеница укроется въ житницу, а ты гдѣ будешь?!

Да поможетъ тебѣ Господь оглянуться на себя, пока еще не поздно, а главное, обратиться къ Господу и воззвать къ Нему: „Сердце чистое сотвори во мнѣ Боже и духъ правый обнови внутри меня [4])“.

Когда Господь обновитъ тебя Духомъ Своимъ,—тогда ты станешь не отъ плоти, а отъ духа сѣять,—и пожнешь жизнь вѣчную.

ЧТО ТЫ СѢЕШЬ.

[1]) Матѳ. 13. з. Луки 8. 5.

[2]) Галат. 6. 7. 8.
[3]) Осіи 8. 7.
[4]) Псал. 50. 12.

Условія подписки: „Русскій Рабочій“ выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Подписка принимается въ конторѣ Редакціи Журнала (Сергіевская ул., д. № 20, кв. 7) отъ 9 до 12 час. утра. Цѣна годовой подп. безъ достав. 60 к., съ дост. въ Спб. 75 к., съ перес. иног. 1 р.

Редакторъ-Издательница А. И. Пейкеръ.

Дозволено цензурою. Спб., 26 января 1882 года. Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 11—2.

ПОЛУНОЧНЫЙ КРИКЪ.

(Матѳ. 25. 1, 13:)

„Подобно будетъ царство небесное десяти дѣвамъ, которыя, взявъ свѣтильники свои, вышли на встрѣчу жениху. Изъ нихъ пять было мудрыхъ и пять неразумныхъ. Неразумныя, взявъ свѣтильники свои, не взяли съ собою масла. Мудрыя же вмѣстѣ со свѣтильниками своими, взяли масла въ сосудахъ своихъ. И какъ женихъ замедлилъ, то задремали всѣ и уснули. Но, въ полночь раздался крикъ: „вотъ женихъ идетъ, выходите на встрѣчу ему“. Тогда встали всѣ дѣвы тѣ и поправили свѣтильники свои. Неразумныя же сказали мудрымъ: „дайте намъ вашего масла, потому что свѣтильники наши гаснутъ“. А мудрыя отвѣчали: „чтобы не случилось недостатка и у насъ и у васъ, пойдите лучше къ продающимъ и купите себѣ“. Когда же пошли онѣ покупать, пришелъ женихъ, и готовыя вошли съ нимъ на брачный пиръ, и двери затворились. Послѣ приходятъ и прочія дѣвы, и говорятъ: „Господи, Господи, отвори намъ“ Онъ же сказалъ въ отвѣтъ: „истинно говорю вамъ, не знаю васъ. Итакъ бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, въ который прійдетъ Сынъ человѣческій“.

Много было сходства, повидимому, между мудрыми и неразумными дѣвами. Одинаковое названіе, одинаковая одежда; у тѣхъ и у другихъ въ рукахъ сосуды и свѣтильники; тѣ и другія задремали и заснули. Когда раздался полуночный

ВЪ ПОЛНОЧЬ РАЗДАЛСЯ КРИКЪ:

ВОТЪ ЖЕНИХЪ ИДЕТЪ,

ВЫХОДИТЕ НА ВСТѢЧУ ЕМУ.

Бодрствуйте;
потому что не знаете ни дня ни часа, въ который прійдетъ
Сынъ человѣческій.

крикъ: „вотъ Женихъ идетъ, выходите на встрѣчу Ему", онѣ вмѣстѣ пробудились и встали; но тутъ оказалось между ними различіе, — не сразу замѣтное, но очень, очень важное: у однихъ **было масло** въ сосудахъ; у другихъ—**не было**. У однихъ, въ самый темный, полуночный часъ, свѣтильники горѣли ярко; у другихъ они стали гаснуть, и тутъ онѣ сознали великую нищету свою, и принялись искать масла; но было **поздно**: Женихъ уже пришелъ, Онъ взялъ къ Себѣ готовыхъ и **двери затворились!** „Святый и Истинный.... затворяетъ и **никто не отворитъ** 1)", сказано въ книгѣ Откровенія; никакія просьбы, ни слезы, ни усилія не могли отворить неразумнымъ дѣвамъ ту дверь которую затворила Рука Господня. „Отвори намъ", молили онѣ; „не знаю васъ", былъ отвѣтъ.

Пусть каждый вникнетъ сердцемъ въ эту притчу Спасителя и вразумится ею. — Не къ невѣрующимъ относится она; не къ такимъ, которые открыто грѣшатъ, хулятъ Имя Божіе и даже личины христіанской на себѣ не носятъ; которые и сосуды отбросили, и свѣтильники выронили и явно выказываютъ себя богопротивниками. Нѣтъ;—эти неразумныя дѣвы представляютъ такихъ людей, у которыхъ все, какъ будто, въ исправности и носитъ подобіе истиннаго благочестія. Такихъ людей, которыхъ другіе хвалятъ и которые сами себя одобряютъ; которые Имя Божіе устами произносятъ, Евангеліе, по привычкѣ, въ руки берутъ, у которыхъ, по наружности, все есть; одного только, самаго главнаго, недостаетъ: нѣтъ жизни, нѣтъ духа, нѣтъ искренней, сердечной преданности Богу; нѣтъ истиннаго съ Нимъ общенія; снаружи сосудъ красивъ, внутри онъ пустъ: **нѣтъ масла**. Не красота сосуда нужна въ темную ночь: нуженъ **огонь**; нужно пламя, нуженъ свѣтъ, который разливается отъ этого пламени и побѣждаетъ тьму. Всякій пустой сосудъ разобьется въ послѣдній день; постоитъ только тотъ, который будетъ горѣть свѣтомъ Христовымъ. Загляни въ твое сердце, и посмотри: свѣтло тамъ или темно? Если темно—то да обратитъ Господь къ тебѣ сегодня эти слова Свои: „Я Свѣтъ пришелъ въ міръ, чтобы всякій вѣрующій въ Меня не оставался во тьмѣ"; „Кто послѣдуетъ за Мною, тотъ не будетъ ходить во тьмѣ, но будетъ имѣть свѣтъ жизни". И да дастъ тебѣ Господь не только про этотъ свѣтъ узнать, но его **просить** и **получить**.

Раздастся и для тебя полуночный крикъ; пусть онъ тебя застанетъ **бодрствующимъ** и **готовымъ**.

1) Откр. 3. 7.

ТРИ МѢСТА.

Много различныхъ мѣстъ существуетъ на землѣ и много разсказываютъ про нихъ занимательнаго; для иныхъ оно имѣетъ значеніе, для другихъ—нѣтъ; но есть три мѣста, которыя имѣютъ или будутъ имѣть огромное значеніе для всѣхъ людей:

I. Мѣсто, гдѣ очень много плачутъ;

II. Мѣсто, гдѣ всегда плачутъ;

III. Мѣсто, гдѣ никогда не плачутъ.

I., Мѣсто, гдѣ очень много плачутъ,—это наша земля, тотъ міръ, въ которомъ мы съ вами живемъ, который намъ съ виду кажется прекраснымъ, роскошнымъ, веселымъ, а какъ посмотришь поближе или прислушаешься повнимательнѣе, услышишь много, много плача. Маленькій ребенокъ безпечно тѣшится своими игрушками и сердце его не слышитъ еще окружающаго плача; но лишь только подростетъ немного, привыкнетъ къ своимъ или къ чужимъ слезамъ, какъ къ хлѣбу насущному, какъ къ воздуху, которымъ онъ дышетъ.

Много плача описано намъ въ Священномъ Писаніи. Агарь плакала, когда сынъ ея Исмаилъ томился жаждой въ пустынѣ. Аврамъ плакалъ, когда умерла Сара. Іосифъ плакалъ, когда братья продали его въ Египетъ. Давидъ плакалъ, когда погибъ Авессаломъ. Въ Виѳлеемѣ многіе плакали, когда царь Иродъ велѣлъ избить младенцевъ. Спаситель нашъ, когда переселился на-время въ нашъ скорбный міръ и принялъ плоть человѣческую, плакалъ надъ умершимъ Лазаремъ и надъ грѣшнымъ Іерусалимомъ.

И теперь по всему міру раздается плачъ. Маленькія дѣти плачутъ отъ боли или нужды, плачутъ безсознательно, не надолго, а все таки плачутъ. Молодые и старые плачутъ отъ болѣзни, отъ сердечной боли, отъ грѣховъ своихъ и чужихъ; въ слезахъ родятся, въ слезахъ свой вѣкъ проживаютъ и въ слезахъ умираютъ. Пойдите на кладбище, посмотрите, сколько тамъ могилъ разнаго вида и размѣра; около каждой изъ нихъ проливались слезы, около иныхъ такія слезы, которыхъ долгіе годы осушить не могли.

Откуда весь этотъ плачъ? Гдѣ ему начало? Начало ему было положено давно, много вѣковъ тому назадъ, въ тотъ день, когда люди совершили первый грѣхъ и съ плачемъ покидали райское жилище, назначенное для нихъ Богомъ. Съ того времени полились на землѣ обильные потоки грѣха и обильные потоки слезъ. Начало всей скорби людской, всѣхъ несчастій, всѣхъ бѣдствій, всей нищеты, болѣзни и смерти—грѣхъ. Какъ странно послѣ того подумать, что есть такъ много людей, которые тѣшатся грѣхомъ, которые пристрастились къ нему всѣмъ сердцемъ, служатъ ему всю жизнь и разстаться съ нимъ не хотятъ! Какъ понятны увѣщанія Слова Божія: бодрствовать **противъ** грѣха, бѣжать отъ него, ненавидѣть его, избѣгать его всегда и вездѣ, опасаться всякаго вида, всякой тѣни, всякаго прикосновенія

его. „Отвращайтесь зла [1];“ „почитайте себя мертвыми для грѣха [2];“ „иди и впредь не грѣши [3].“ „Если будутъ склонять тебя грѣшники, не соглашайся [4].“

Нѣкоторые люди живутъ безпечно, весело, и ожидаютъ весело прожить до конца. Не забудьте, что въ этомъ мірѣ живетъ грѣхъ, и плачъ, и что рано или поздно вы узнаете горечь и того и другаго.

II., Поговоримъ теперь о томъ мѣстѣ, гдѣ всегда плачутъ;—то мѣсто, которое въ Писаніи называется адомъ и про которое говорится, что тамъ вопль, и плачъ, и скрежетъ зубовъ. Тамъ нѣтъ покоя, нѣтъ ни луча свѣта, одна только глубокая тьма, жгучія угрызенія совѣсти и отлученіе отъ Бога.

Къ этому мѣсту ведетъ путь пространный, широкія врата и, по словамъ Евангелія, „многіе идутъ ими [5].“ Каковъ путь, таково и окончаніе его: начало — широкія врата и пространный путь грѣха, конецъ — погибель. Грустно говорить объ этомъ, но нельзя скрывать отъ людей ту истину, которую такъ ясно являетъ Слово Божіе Не надо, говорятъ иные, пугать своихъ ближнихъ; надо щадить ихъ. Если слѣпой будетъ приближаться къ пропасти, самъ того не зная, пощадятъ-ли его истинно тѣ, которые не предостерегутъ его? Они будутъ молчать, а онъ погибнетъ. Между тѣмъ Христосъ, Который любилъ людей безконечной любовью, Тотъ Самый, Который, изъ любви, за нихъ душу положилъ, сказалъ имъ про „плачъ, и вопль, и скрежетъ зубовъ;“ тѣ самыя уста, которыя призывали погибшихъ грѣшниковъ, произнесли и эти слова: „уже и сѣкира при корнѣ деревъ лежитъ; всякое дерево, не приносящее добраго плода, срубаютъ и бросаютъ въ огонь [6].“ Ап. Павелъ, который неусыпно трудился для ближнихъ и самъ написалъ, что онъ передалъ имъ не только благовѣстіе Божіе, но и душу свою, онъ-же самый пишетъ, что нераскаяннымъ грѣшникамъ предстоитъ „нѣкое страшное ожиданіе суда и ярость огня, готоваго пожрать противниковъ [7].“ Истинная любовь говоритъ всю правду; она предостерегаетъ неотступно и не умолкаетъ, пока еще есть малѣйшая надежда.

Читатель! Спаситель принялъ на Себя крестное страданіе и сошелъ въ темную могилу для того, чтобы избавить тебя отъ мѣста вѣчнаго мрака. Онъ скорбѣлъ смертельно, такъ что потъ Его былъ какъ капли крови, падающія на землю, для того, чтобы избавить тебя отъ того мѣста, гдѣ вѣчный плачъ. Итакъ если ты попадешь туда, то это будетъ по твоей доброй волѣ; не потому, что тебя Господь мало возлюбилъ или мало претерпѣлъ для твоего спасенія, а потому что ты самъ избралъ пространный путь и, не смотря на предостереженія Христовы, направляешься въ погибель. Хочешь-ты провѣрить себя, отвѣть добросовѣстно самому себѣ на слѣдующіе вопросы.

1) Любишь-ли ты Господа тою живою, сознательною любовью, которая привязала къ Нему твое сердце и отвратило это сердце отъ грѣха? Если нѣтъ, если твое сердце привязано къ другому и для Господа не открывается, берегись: наступитъ такое время, когда Его дверь для тебя затворится, и ты пойдешь въ то мѣсто, гдѣ всегда плачутъ.

2) Молишься-ли ты? бесѣдуешь-ли ты съ Богомъ, исповѣдуя Ему грѣхи свои и прося Его очистить и просвѣтить твою душу? молишься-ли ты такъ, какъ человѣкъ, которому дорого получить просимое и который проситъ духовнаго, потому что онъ „ищетъ прежде всего Царствія Божія и правды Его.“ Одинъ ребенокъ насадилъ полный садикъ цвѣтовъ, но онъ никогда не пололъ грядокъ, и вышло то, что онѣ поросли сорной травой, и густая трава такъ заглушила цвѣты, что они погибли. Если ты не молишься, твое сердце скоро станетъ подобно такой грядкѣ; оно поростетъ терніемъ и сорной травой. Берегись: сорной травѣ не будетъ мѣста въ небесной житницѣ; она будетъ брошена въ огонь.

3) Читаешь-ли ты Слово Божіе? читаешь-ли его, какъ драгоцѣнное писаніе Божіе, которое можетъ умудрить тебя къ спасенію и сохранить тебя отъ зла? читаешь-ли его, какъ выраженіе воли Божьей, которую ты желаешь познать и исполнить? Давидъ сказалъ: „откровенія Твои—утѣшеніе мое, и уставы Твои — совѣтники мои; слово Твое — свѣтильникъ ногѣ моей и свѣтъ стезѣ моей. Откровенія твои я принялъ, какъ наслѣдіе на вѣки, ибо они—веселье сердца моего. [8].“ Христосъ сказалъ: „изслѣдуйте Писанія, ибо они свидѣтельствуютъ о Мнѣ [9].“ Ап. Павелъ увѣщевалъ Тимофея преуспѣвать въ познаніи Священнаго Писанія, которое научаетъ, обличаетъ, исправляетъ, наставляетъ въ праведности. Всѣ тѣ, которые прославили Бога на землѣ, утверждали вѣру свою на Священномъ Писаніи, питались имъ, какъ хлѣбомъ насущнымъ, и „мечемъ духовнымъ, который есть Слово Божіе“, отражали нападенія лукаваго. Если ты любишь Господа, тебѣ дорого будетъ каждое слово Его; ты будешь читать его съ благоговѣніемъ, съ постоянствомъ, съ благодарностью; слова эти станутъ для тебя живыми, потому что ты будешь ими жить. Если-же ты предпочитаешь читать пустыя мірскія книги, то, значитъ, ты не имѣешь желанія ни познать, ни исполнить волю Божію; значитъ, ты не понялъ, что Онъ любитъ тебя, не оцѣнилъ того, что Онъ совершилъ для тебя; значитъ,—ты Его не любишь. Какъ-же пойдешь ты оби-

[1]) Римл. 12. 9. [2]) Римл. 6. 11. [3]) Іоан. 8. 11. [4]) Пр. 1. 10. [5]) Матѳ. 7. 13. [6]) Матѳ. 3. 10.

[7]) Евр. 10. 27.

[8]) Псал. 118. 24, 105. 111. [9]) Іоан. 5. 39.

тать съ Нимъ въ вѣчности, когда тебѣ чуждъ Господь, чуждо Его слово. Берегись: тобой завладѣетъ врагъ души твоей; онъ сначала будетъ соблазнять и тѣшить тебя, а потомъ приведетъ тебя въ то мѣсто, гдѣ вѣчный плачъ.

III. Теперь, обратимся къ тому мѣсту, гдѣ никогда не плачутъ: блаженное жилище всѣхъ святыхъ. Смертью Христовой открылись туда врата для грѣшниковъ, Христосъ призываетъ ихъ туда; Священное Писаніе много говоритъ про эту небесную обитель, описываетъ всѣ красоты ея и нѣсколько разъ повторяется, что тамъ не будетъ больше плача, что исчезнетъ даже всякій слѣдъ земнаго плача, потому что „Самъ Богъ отретъ всякую слезу съ очей.“ [10])

„Самъ Богъ отретъ всякую слезу съ очей“—эти слова послалъ Онъ на нашу плачущую землю для того, чтобы утѣшить сердца надеждою и крѣпко привязать ихъ къ небесному.

Не будетъ болѣзни, страданій и смерти на небѣ; не будетъ тяжелаго труда; изнурительная работа ради насущнаго хлѣба прекратится, и труженическія руки отдохнутъ на вѣки; тяжелыя думы, гнетущія заботы, тревоги, томленія, все прекратится; отдохнетъ голова и сердце и успокоятся на вѣки.

Грѣха не будетъ на небѣ: ни досады, ни зависти, ни лукавства; всякій врагъ будетъ побѣжденъ, всякое искушеніе — удалено. Тамъ будетъ одна только любовь всеобъемлющая, и святость совершенная, и радость безконечная.

Радость будетъ безконечная, потому что пришедшіе отъ великой скорби увидятъ тамъ Спасителя своего лицомъ къ лицу. „Онъ будетъ обитать съ ними; они будутъ Его народомъ; они будутъ служить Ему, и узрятъ лицо Его, и имя Его будетъ на челахъ ихъ, и ночи не будетъ тамъ, и не будутъ имѣть нужды ни въ свѣтильникѣ, ни въ свѣтѣ солнечномъ, ибо Господь Богъ освѣщаетъ ихъ, и будутъ царствовать во вѣки вѣковъ... Сіи слова вѣрны и истинны; и Господь Богъ святыхъ пророковъ послалъ ангела Своего показать рабамъ Своимъ то, чему надлежитъ быть вскорѣ. [11])“

Читатель, ты, можетъ быть, уже не мало плакалъ и не мало грѣшилъ на своемъ вѣку; приложилъ ты свою долю грѣховъ къ великому грѣху человѣчества и принялъ свою долю страданій и слезъ. Думалъ-ли ты когда-нибудь, что для тебя, грѣшника, уготовано то мѣсто, гдѣ никогда не плачутъ? Возможнымъ-ли кажется тебѣ, земному страдальцу, оскверненному многими грѣхами, когда-либо обитать въ жилищѣ совершенной святости и радости безконечной. Не для меня это, скажешь ты, можетъ быть; не видать мнѣ этого никогда, грѣхи не дозволятъ.

При окончаніи земной жизни Своей, Іисусъ Христосъ въ своей послѣдней предсмертной молитвѣ произнесъ слово: „хочу“. Чего Онъ хотѣлъ въ такую минуту? „Тѣхъ, которыхъ Ты далъ мнѣ“, сказалъ Онъ, „**хочу**, чтобы тамъ, гдѣ Я, и они были со Мной, да видятъ славу Мою [12])“. Господь, идя на смерть, пожелалъ Себѣ одной радости: принять грѣшныхъ людей въ Свое царство. Господь сказалъ: „хочу“; Господь сказалъ это громко, для того, чтобы люди слышали, чего Онъ для нихъ желалъ. Господь пролилъ кровь ради того, чтобы это „хочу“ исполнилось. Затѣмъ послѣдовало время ужаснаго страданія: всѣ Его оставили; тѣ, которымъ Онъ добро дѣлалъ, отступились отъ Него или осыпали Его насмѣшками. „Теперь ваше время и власть тьмы“, сказалъ Господь, и эта власть разразилась надъ Нимъ въ полной силѣ. Ведутъ Его на распятіе, поднимаютъ на крестъ, насталъ послѣдній, горькій часъ; отъ людей одна только злоба и жестокость, вдругъ слышится голосъ съ другаго креста, взывающій: „Помяни меня, Господи, когда прійдешь во Царствіе Твое“. Захотѣлось погибающему грѣшнику въ то мѣсто, гдѣ не грѣшатъ и не плачутъ; откликнулся человѣкъ на то: „хочу“, которое въ молитвѣ Своей сказалъ Господь; единственный голосъ, который утѣшилъ Его въ смертный часъ, былъ голосъ кающагося разбойника. Онъ попросился въ то жилище, которое Христосъ пришелъ открыть для грѣшниковъ, про которое Онъ сказалъ: „хочу, чтобы они тамъ были“,—и Господь подтвердилъ выраженное Имъ прежде желаніе и сказалъ: „истинно говорю тебѣ; сегодня ты будешь со Мною въ раю“. [13]).

Подыми и ты глаза свои отъ многострадальной, многогрѣшной земли къ тому мѣсту, гдѣ никогда не плачутъ. Призови Того, Кто открылъ туда путь, Кто желаетъ, чтобы Его блаженная обитель стала и твоимъ наслѣдіемъ. Онъ приметъ тебя туда ради Своего страданія; Онъ прежде всего привяжетъ туда твое сердце, обратитъ туда твои мысли и желанія, направитъ туда каждый шагъ твой, такъ что гдѣ родина твоя, тамъ будетъ и сокровище твое и жизнь твоя.

Нашелъ ты для себя эту родину,—такъ призывай и другихъ туда и „убѣди ихъ войти“, ибо тамъ „еще есть мѣсто [14]).“

„ЕЩЕ УСПѢЕШЬ!“

Въ одинъ субботній вечеръ странное событіе приключилось съ человѣкомъ уже пожилымъ, который, сидя въ покойномъ креслѣ, отдыхалъ послѣ своихъ дневныхъ занятій и заботъ. Заботы были обыкновенныя, житейскія, весь день поглощенъ былъ ими, и не только этотъ день, но многіе дни, и мѣ-

[10]) Откр. 21. 4.

[11]) Откр. 22. 5. 6. [12]) Іоан. 17, 24.

[13]) Луки 23. 42, 43. [14]) Луки 4. 22.

сяцы, и годы. Однако-же въ этотъ день случилось что-то не вполнѣ обычное съ Николаемъ Петровичемъ. Онъ получилъ письмо, которое на время заставило его призадуматься и теперь лежало раскрытое передъ нимъ. Письмо было отъ стараго друга, отъ котораго давно не было извѣстій; письмо, полное участія, которое заканчивалось этими словами: „умоляю тебя, подумай о безсмертной душѣ твоей, которой придется предстать на праведный судъ Божій; подумай, какъ коротка земная жизнь, какъ безконечна вѣчность, какъ ужасно промѣнять ее на нѣсколько годовъ, нѣсколько дней, можетъ быть, быстро проходящаго и часто грѣховнаго наслажденія“.

— „Правду говоритъ пріятель“; подумалъ Николай Петровичъ, „но только не совсѣмъ во-время для меня; столько важныхъ дѣлъ на рукахъ, и если не приложить къ нимъ заботы, то, пожалуй, все пойдетъ ко дну. Конечно, придетъ время: надо будетъ и о вѣчности подумать, но теперь еще не до того: еще успѣю“.

Размышляя такимъ образомъ, Николай Петровичъ задремалъ, и тутъ представилось ему, что онъ вдругъ попалъ въ какое-то странное, мрачное мѣсто; вокругъ него-толпа злыхъ духовъ, и эти духи усердно совѣщались о томъ, какія средства употребить для того, чтобы сгубить какъ можно больше душъ человѣческихъ. Одинъ за другимъ, предлагали различные способы, придуманные ими на погибель людей, а старшій изъ нихъ, наиболѣе мрачнаго и грознаго вида, выслушивалъ другихъ и произносилъ окончательное рѣшеніе.

— „Я пойду на землю и скажу человѣку, что нѣтъ Бога“, сказалъ одинъ.

— „Это будетъ напрасный трудъ“, возразилъ старшій духъ; „человѣкъ тебѣ не повѣритъ: земля, и небо, и собственная душа свидѣтельствуютъ ему, что есть Богъ“.

— „Я скажу ему, что нѣтъ суда послѣ смерти и что онъ можетъ безнаказанно грѣшить“, предложилъ второй.

— „И это не удастся“, возразилъ опять начальствующій; „у человѣка есть совѣсть, и ее заглушить трудно. Эта совѣсть обличаетъ его во грѣхахъ, и что-бы ты ему ни говорилъ, онъ все таки будетъ сознавать, что придется за эти грѣхи отвѣтить“.

— „Я ослѣплю человѣка“, предложилъ третій духъ; „я скрою отъ него искупительную жертву и безсмертныя заслуги Христа и заставлю его превозноситься своимъ ничтожествомъ, такъ что онъ не увидитъ себя погибшимъ грѣшникомъ, не будетъ просить помилованія и въ такомъ заблужденіи умретъ“.

— „Пожалуй, нѣкоторыхъ удастся тебѣ этимъ сгубить“, былъ отвѣтъ, „но немногихъ; у людей въ рукахъ есть Слово Божіе; оно ихъ учитъ совсѣмъ другому, и каждый искренній человѣкъ скоро убѣдится въ томъ, что Слово Божіе истинно.

— „Я придумалъ совсѣмъ другое“, замѣтилъ четвертый, болѣе другихъ лукавый духъ. „Я возьмусь за дѣло иначе: я скажу человѣку, что есть и Богъ, и небо, и адъ; я не помѣшаю ему вѣрить, что спасеніе во Христѣ одномъ, что Евангеліе — истина, что за грѣхи его ему угрожаетъ осужденіе. Но лишь только онъ этимъ сколько-нибудь растревожится, лишь только онъ задумаетъ покаяться во грѣхахъ своихъ и обратиться къ Богу, я ему шепну только два слова: **еще успѣешь**; и этимъ я буду его успокоивать и удерживать далеко отъ Бога, если можно до послѣдняго вздоха, а тамъ—уже будетъ поздно“.

— „Хорошо ты придумалъ“, отвѣтилъ старшій духъ одобрительно; „ступай на землю и дѣлай, какъ ты сказалъ: ты этимъ многихъ приведешь сюда въ адъ“.

Мрачный духъ взмахнулъ крыльями и полетѣлъ на землю. Николаю Петровичу показалось будто онъ, пролетая мимо, задѣлъ его чернымъ крыломъ своимъ такъ сильно, что онъ вздрогнулъ и проснулся. „Только сонъ“, — этимъ старался онъ успокоить свое замирающее сердце; но нѣтъ, сердце не хотѣло утихнуть, совѣсть растревожилась, вся душа была потрясена. Онъ всталъ съ мѣста, досталъ съ полки давно не читанное Евангеліе и раскрылъ его. „**Сегодня** день спасенія“, сказало ему Слово Божіе и это слово побѣдило: тѣ же уста, которыя такъ недавно произнесли слова: „еще успѣю“, теперь взывали къ Богу о прощеніи и просили Его принять кающуюся душу.

Съ того дня началась новая жизнь, и многіе дивились этой перемѣнѣ.

Прежде, бывало, придетъ кто нибудь къ Николаю Петровичу, и начинался длинный разговоръ о томъ, какъ нажить побольше богатства и повыгоднѣе устроить земныя дѣла; теперь же многимъ, многимъ передавалъ онъ знаменательный сонъ свой, многихъ настоятельно призывалъ къ Богу и часто повторялъ: „Берегись этихъ словъ: еще успѣешь; ихъ самъ лукавый на погибель людямъ придумалъ“.

Кому не приходилось слышать эти слова въ своемъ сердцѣ или изъ устъ своихъ ближнихъ! Пусть каждый остережется ихъ во время!

ДЕНЬ СВАДЬБЫ ИВАНА КУЗЬМИНА.

„Сегодня день нашей свадьбы, Иванъ“, сказала Таня, ставя на столъ самоваръ, „кто бы думалъ, что ужъ пять лѣтъ прошло, какъ мы повѣнчались. Не успѣешь оглянуться, какъ и старость подойдетъ“.

— „Хорошо, кабы сперва ума немножко подошло“ отвѣчалъ Иванъ; „но этого, пожалуй, не дождешься; пять лѣтъ прошло, а въ домѣ все таки настоящей хозяйки нѣтъ“.

Таня ничего не отвѣчала; она привыкла уже къ упрекамъ мужа и часто повторяла про себя: „Ну, ужъ Иванъ все ворчитъ; ему никакъ не угодишь“.

Между тѣмъ, Иванъ оглядывалъ комнату и жену свою, и лицо его становилось все мрачнѣе.

Правда, нечѣмъ тутъ было повеселиться: все было въ безпорядкѣ, дѣтскія платья валялись по стульямъ, посуда лежала разбросанная гдѣ попало, маленькая дѣвочка спала въ колыбели на изорванной подушкѣ безъ наволочки, и чего тутъ только не было въ этой колыбели: кусочки булки, обломки игрушекъ, и всякая всячина; а трехлѣтній мальчикъ, неумытый, не причесаный, каталъ по полу грязный картофель. Сама же Таня грязнымъ передникомъ смахивала со стола крошки послѣ вчерашняго ужина, потомъ принялась не вытертымъ ножемъ рѣзать хлѣбъ.

Иванъ смотрѣлъ и хмурился; наконецъ онъ съ досадой выхватилъ у жены изъ рукъ хлѣбъ и отрѣзалъ себѣ чистымъ ножемъ другой ломоть; потомъ, онъ просунулъ руку въ порванный карманъ своего пиджака, вспомнилъ, что этотъ карманъ уже не первый день въ такомъ видѣ, и тутъ неудовольствіе его снова разразилось:

— „Экая бѣда съ такой женой", сказалъ онъ съ горечью, „во время не встанетъ, ничего во время не сдѣлаетъ; зналъ бы я впередъ, какая ты, такъ лучше бы согласился на каторгу идти, чѣмъ на тебѣ жениться".

— „Ты все напрасно меня обижаешь", начала жалобиться Таня, „я сегодня въ шесть часовъ встала".

— „Ты бы хоть до вечера пролежала, такъ все бы на одно вышло. Давай мнѣ поскорѣе чистую рубашку; я тебѣ сказалъ, что мнѣ сегодня надо къ хозяину идти".

— „Ахъ, я про рубашку то совсѣмъ позабыла", вскричала Таня; „подожди до вечера; я къ вечеру приготовлю".

Иванъ, ничего не отвѣтивъ, всталъ изо стола, оставилъ не допитый стаканъ чаю и вышелъ.

Таня горько заплакала. Правда, что Иванъ былъ угрюмъ и нетерпѣливъ; никогда не говорилъ съ нею ласково, напротивъ часто оскорблялъ ее; но онъ не всегда былъ таковъ. Было время, когда онъ жилъ въ счастливой, дружной семьѣ и самъ былъ счастливъ. Мать его была разумная, благочестивая женщина и воспитывала дѣтей въ страхѣ Божіемъ. Она рано овдовѣла, и ей подчасъ трудно бывало управиться съ большой семьей и прокормить ее скудными средствами; но Богъ, на котораго она уповала, помогалъ ей. Она, съ ранняго возраста, пріучила дочерей къ порядку и обучила ихъ всякой домашней работѣ; сына Ивана она нѣсколько лѣтъ посылала въ школу, потомъ поставила его на честный трудъ и любила и берегла его какъ зѣницу ока. Большой уже былъ Иванъ, а придетъ бывало съ работы и прямо къ матери бѣжитъ, какъ маленькій. Сядетъ около нея, читаетъ ей вслухъ, а вокругъ соберется цѣлый рой ласковых сестеръ, кто съ вязаніемъ, кто съ шитьемъ, Ивану все починятъ, приберутъ, во время приготовятъ, и весело было имъ вмѣстѣ. Пришло время разлуки: двѣ сестры вышли замужъ въ сосѣдній городъ, вскорѣ послѣ этого умерла добрая мать, остальныя сестры пошли въ услуженіе, Иванъ остался одинъ. Тутъ приглянулась ему дочь сосѣдки булочницы, Таня, и онъ вздумалъ на ней жениться.—Таня была кроткая, привѣтливая дѣвушка, одѣта всегда была чисто и причесана гладко, такъ что Иванъ радовался, думая; „вотъ заведется и у насъ такое же хозяйство, какъ у матушки". Онъ не зналъ, что хоть Таня съ виду и была похожа на его сестеръ, но сама то она тутъ была не при чемъ: все это было дѣло рукъ ея матери. Мать на нее шила, гладила, стирала; мать за нее всякую трудную работу дѣлала; и нѣжила ее такъ, что Таня вставала поздно, долго причесывалась и одѣвалась, потомъ смѣняла мать въ булочной или, сидя за легкой работой, распѣвала пѣсенки, а мать трудилась въ потѣ лица, радуясь, что ея любимица живетъ безъ заботъ.

Таня была добрая дѣвушка, часто ласкалась къ матери и вовсе не по лѣни или своеволію вела такую праздную жизнь; а просто ее такъ пріучили. Возьмется, бывало, за кастрюлю или за полѣно дровъ, а мать изъ рукъ вынимаетъ и говоритъ: "Оставь, Таничка, ты платье запачкаешь", или — „тебѣ тяжело, а я старуха ужъ привыкла".

Такъ Таня и стала думать, что кастрюли и дрова не для ея рукъ, и не притрогивалась къ нимъ никогда. Вышла она замужъ за Ивана, и первое время все шло хорошо. Мать наняла въ булочную работницу, и каждый день, пока Иванъ былъ на работѣ, приходила къ дочкѣ, приводила все ея хозяйство въ порядокъ и всѣ домашнія хлопоты принимала на себя. Но, не задолго до рожденія внучки, она захворала и умерла, и тутъ начались всѣ Танины невзгоды. Она не умѣла справиться ни съ дѣтьми, ни съ хозяйствомъ; Иванъ сталъ раздражаться все чаще и чаще; Таня, вмѣсто того чтобы стараться поправить дѣло, обижалась, плакала и, когда мужа не было дома, утѣшалась тѣмъ, что вынимала изъ шкатулки портретъ матери, долго на него смотрѣла и твердила: „ахъ, мама, мама, не знаешь ты, какъ горько живется теперь твоей Танѣ; пожалѣла бы хоть ты ее"!

Разъ Иванъ засталъ ее съ карточкой въ рукахъ и, вмѣсто добраго слова, сталъ насмѣхаться.

—„Экая барыня какая; дѣло стоитъ, а она блажитъ надъ портретомъ; пожалуйся-ка ей хорошенько, что она тебя избаловала такъ, что ты теперь никуда не годишься."

Эти слова, глубоко оскорбили Таню; она поспѣшно спрятала карточку, но зато стала все чаще вынимать ее, украдкой, и все болѣе накоплялось на сердцѣ горечи противъ Ивана. Между тѣмъ, Иванъ былъ человѣкъ по природѣ не злой, на работѣ его цѣнили за честность и справедливость, вина онъ не пилъ; только въ одномъ бѣда: много накипѣло у обоихъ досады на сердцѣ, а любви Божіей, смягчающей и примиряющей, въ сердцѣ не было.

Такъ шло дѣло все хуже и хуже, до того дня—годовщины свадьбы,—когда Иванъ одними только упреками поздоровался съ женой, а она, послѣ ухода его, долго плакала въ неприбранной комнатѣ и вмѣсто того, чтобы принятся за работу, повторяла: „Кабы не дѣти, я бы сейчасъ убѣжала, просто убѣжала бы, куда глаза глядятъ."

Маленькій Вася тоже расплакался, Таня принялась его унимать; въ эту минуту кто-то постучалъ въ дверь, и въ комнату вошла жена сосѣдняго сапожника Матрена.

—„Вотъ, ваши башмаки готовы", сказала она; „я ихъ сама занесла, думая что они вамъ нужны поскорѣе. Что съ вами?" заботливо спросила она, увидавъ заплаканные глаза Тани.

Таня была еще молода, не умѣла терпѣть молча; давно хотѣлось ей излить кому нибудь свое горе;

она вновь расплакалась и стала жаловаться на то, что она такъ горько обманулась: думала быть счастливой замужемъ, а вышло не такъ; мужъ до свадьбы былъ такой хорошій, привѣтливый, а теперь такъ измѣнился, что и не узнать прежняго Ивана Кузьмина.

—„Не станемъ другихъ винить,“ тихо сказала Матрена; „оглянемся-ка на себя; вѣдь и мы жены такія-же. Простите меня за откровенность: я васъ видѣла, когда вы еще дѣвицей были,—вижу васъ теперь, и также скажу, что прежней Татьяны Семеновны и слѣда не осталось“. Таня невольно опустила глаза на свое порванное, испачканное платье и покраснѣла; дѣйствительно, какъ стыдно было бы ей прежде хоть кому-нибудь на глаза показаться въ такомъ видѣ; а въ душѣ какъ измѣнилась она,—ужасно и подумать!

—„Это правда,“ сказала она; „и я уже не та, что была; да что дѣлать: меня жизнь скрутила. Я-бы рада какъ-нибудь горю пособить, да не умѣю. Когда матушка была жива, она все за меня дѣлала; мнѣ теперь одной и трудно. А Иванъ мнѣ ни въ чемъ не помогаетъ, только все свою мать и сестеръ передо мной выхваляетъ, такъ что мнѣ ему никакъ не угодить. Иной разъ я въ имянины или праздникъ одѣнусь почище, а онъ на меня и не смотритъ.“

—„А вы-бы старались всегда быть поаккуратнѣе,“ сказала Матрена; „день-другой онъ, можетъ быть, не замѣтитъ, а тамъ, Богъ дастъ, и смягчится.“

—“Ахъ, у меня отпала охота и стараться!“ отвѣчала Таня; „я ужъ столько наслышалась брани, что привыкла къ ней. Конечно, къ инымъ словамъ нельзя привыкнуть; они всякій разъ снова душу рѣжутъ. При матушкѣ было лучше; она готова была съ утра до ночи работать, лишь-бы только онъ меня не бранилъ; а теперь онъ даже вспоминать ее не даетъ, такъ что я и на портретъ ея при немъ смотрѣть не смѣю. Хотите, я вамъ покажу ее?“

И Таня вынула изъ шкатулки завѣтную карточку, бережно завернутую въ тонкую, бѣлую бумагу.

—„Мама тутъ еще молодая,“ сказала она, цѣлуя портретъ и показывая его Матренѣ. „Я часто гляжу на нее и разговариваю съ ней, какъ будто она живая; мама, говорю я, ты помнишь, когда ты была молодая, какъ тебѣ тяжело было-бы жить такъ, какъ я теперь живу, безъ любви, безъ радости. Бѣдная мама меня къ ласкѣ пріучила, а ужъ я свою Марфушу такъ не воспитаю: пусть лучше засохнетъ у нея сердце, пусть она никого не любитъ; по крайней мѣрѣ, плакать не будетъ, когда выростетъ.“

—„Не говорите такъ!“ вскричала съ испугомъ Матрена; „не гнѣвите Бога: Богъ велѣлъ всѣхъ любить. Онъ вамъ ребенка далъ, чтобы вы ее этому научили. Какъ мнѣ васъ жаль; видно, вамъ очень тяжело, что вы хотите у ребенка изъ сердца любовь вырвать.“ Она сказала эти послѣдніе слова со слезами; Таня была тронута ея участіемъ и опять спросила:—„что-же мнѣ дѣлать?“

—„Безъ Господа ничего не подѣлаешь,“ отвѣчала Матрена съ глубокимъ чувствомъ, „а съ Нимъ все возможно. Я послѣ матери осталась дома старшая, а всѣхъ насъ было шестеро; батюшка цѣлую зиму лежалъ больной, такъ что еле-еле было чѣмъ прокормиться. Но мы каждый день всѣ вмѣстѣ молились, и Господь чуднымъ образомъ пронесъ насъ черезъ всѣ скорби, такъ что чаще приходилось благодарить, чѣмъ просить. Вотъ и съ вами было-бы такъ-же, если-бы вы искали помощь тамъ, гдѣ она для васъ готова. На будущей недѣлѣ у меня будетъ свободный денекъ; если позволите, я приду помочь вамъ въ работѣ и мы тогда еще поговоримъ; а теперь прощайте.“

Но Матрена не пришла на слѣдующей недѣлѣ, потому что Таня захворала вскорѣ послѣ ихъ разговора, сперва слегка, потомъ сильнѣе, и наконецъ у нея оказалась горячка. Многія сосѣдки, и первая изъ нихъ Матрена, предлагали свои услуги ходить за больной, но Иванъ всѣмъ отказывалъ: онъ боялся чужихъ глазъ въ своемъ хозяйствѣ и боялся языковъ, которые станутъ пересуживать и осуждать его семейную жизнь. Поэтому онъ вызвалъ письмомъ одну изъ своихъ сестеръ, которая была временно безъ мѣста, и объявилъ объ этомъ Танѣ.

„Катя—хорошая дѣвушка“ сказалъ онъ, „когда мы жили дома, она была правой рукой у матушки“.

У матушки! Таня замѣтила какъ смягчился голосъ у Ивана при одномъ воспоминаніи о матери.

Раньше это ее обижало; но теперь болѣзнь ее смирила, и ей только стало его жаль. Жаль было думать, что она не съумѣла ни въ чемъ замѣнить ему любовь и заботы матери, по которой онъ до сихъ поръ такъ часто тосковалъ. „Пріѣдетъ сестра; еще хуже будетъ“, подумала она съ горестью, „она ему все прошлое припомнитъ, и ему послѣ нея дома еще тошнѣе покажется“.

Пріѣхала сестра, и Таня изъ другой комнаты услыхала, какъ суровый Иванъ встрѣтилъ ее словами: „Голубушка Катя, спасибо тебѣ, что пріѣхала“. Черезъ минуту Катя, веселая, бодрая, подошла къ ея постели и ласково сказала: „Богъ дастъ, скоро поправишься, Таня, а я покуда буду хлопотать, чтобы ты никакихъ заботъ не имѣла“.

Принялась Катя за дѣло; скоро вся квартира стала неузнаваема, и всѣмъ стало хорошо. Иванъ былъ вполнѣ доволенъ, дѣти повеселѣли, самой Танѣ лучше стало отъ заботливаго ухода.—Катя работала неутомимо, но никогда не суетилась, не волновалась; все у нея поспѣвало во время, и она еще вечеркомъ находила время съ Иваномъ потолковать и съ дѣтьми поиграть. Одѣта она всегда была чисто; между тѣмъ, никакой работой не брезгала: и полы сама мыла, и печки топила, и кастрюли чистила. Таня молча наблюдала за ней и надивиться не могла: бывало, она все жаловалась, что съ работой невозможно управиться, и обижалась, что Иванъ не соглашася нанять работницу; а Катя со всѣмъ дѣломъ справляется и вдобавокъ еще за больной ухаживаетъ.

„Какая я глупая, неумѣлая, ни на что не годная“, шептала бѣдная больная Таня, и обильныя слезы ея лились на подушку; „лучше бы мнѣ умереть; а то каково Ивану будетъ, послѣ Кати, со мной опять жить“! Въ эту минуту Катя заглянула въ комнату, увидала Танины слезы, и, обнявъ ее, спросила: „о чемъ горюешь“?

— „Ахъ, Катя“, воскликнула Таня; „мнѣ такъ тяжело; я хочу исправиться, хочу быть хорошей женой и не знаю, съ чего начать. Бывало, я обижалась на Ивана, когда онъ изъ-за меня бѣдную матушку

винитъ. А теперь я вижу, что я одна всему виной. Рада бы я ему угодить, да не умѣю—ты сестра его, онъ любитъ тебя, помоги мнѣ, Катя; меня онъ больше не любитъ". И Таня опять горько заплакала.

— „Милая Таня, тебѣ Господь поможетъ, и ты увидишь, какъ у васъ все хорошо уладится. Лишь бы у тебя было желаніе и усердіе, а умѣніе само придетъ. Просила ли ты когда-нибудь помощи у Господа"?

— „Нѣтъ, никогда; я думала, что Господа можно только о спасеніи души просить".

— „Не только о спасеніи души, Таня, но и о томъ чтобы душа укрѣпилась на служеніе Ему и на исполненіе Его заповѣдей на землѣ. — Матушка часто, когда мы еще дѣтьми были, намъ повторяла: „къ Богу идите, дѣти, со всякой бѣдой; Онъ никого съ пустыми руками не отошлетъ". Мы такъ и привыкли: не только для спасенія души, но и для всякаго дѣла на Господа полагаться и такъ жить хорошо, очень хорошо", сказала Катя съ искреннимъ убѣжденіемъ".

— „Да: ужъ мнѣ одна сосѣдка объ этомъ говорила, да я не знаю съ чего начать", отвѣчала Таня.

— „Начни съ самаго начала: проси Господа простить все прошлое и дать силу начать новую жизнь; потомъ, когда поправишься, примись бодро, терпѣливо за дѣло. Сначала будетъ трудновато; но ты не унывай, снова и снова прибѣгай къ Господу, старайся переломить свои старыя привычки, дѣлай не то, что хочется, а то, что нужно, и все пойдетъ хорошо".

— „Дай Богъ, дай Богъ", сказала Таня. Она сложила руки и закрыла глаза, а Катя оставила ее одну съ Богомъ. Весь этотъ день добрая сестра внутренно молила Бога, чтобы Онъ далъ ей случай поговорить съ братомъ; и Господь услышалъ: братъ самъ началъ разговоръ.

— „Горе мнѣ будетъ, когда ты уѣдешь, Катя", сказалъ онъ; „я только свѣтъ увидалъ съ тѣхъ поръ, какъ ты здѣсь.

Таня бѣдная ничего дѣлать не умѣетъ, да и научиться не хочетъ: сама хуже ребенка, гдѣ же ей съ дѣтьми и съ хозяйствомъ сладить. Было время, я надѣялся, что это поправится, а теперь ужъ я рукой махнулъ. Конечно, она не совсѣмъ виновата: ее такъ мать воспитала; ахъ, ужъ эти неразумныя матери, какъ онѣ губятъ дѣтей своихъ!"

— „Правда, Иванъ; но ты много ли помогъ исправить то, что было испорчено? Таня молода, неопытна; ты ее часто бранилъ, а много ли ты ее ободрялъ? имѣлъ ли ты къ ней терпѣніе? Вѣдь бранью ничего не добьешься, а ласковымъ словомъ иной разъ каменное сердце расшибешь."

— „Она тебѣ вѣрно нажаловалась на меня, такъ что и ты теперь на меня напустилась", сказалъ Иванъ раздраженнымъ голосомъ.

— „Нѣтъ, Иванъ, Таня винила себя кругомъ и много плакала о томъ, что не умѣетъ тебѣ угодить."

Въ эту минуту маленькій Вася, который игралъ въ уголку, подбѣжалъ къ тетѣ и, показывая ей что-то, сказалъ: „посмотри, тетя, какая картинка: это бабушка."

— „Не надо трогать мамины вещи", сказала Катя; „положи назадъ картинку."

— „Поцѣлуй бабушку, тетя," лепеталъ ребенокъ; „бѣдная бабушка, папа не любитъ бабушку," и онъ поглядѣлъ на отца. Катя поцѣловала карточку и положила ее въ шкатулку. Иванъ отошелъ къ окну. Только что доказывалъ онъ сестрѣ, что онъ былъ правъ, а слова ребенка показали ему все въ настоящемъ видѣ.

„Папа не любитъ бабушку"; какъ живо напомнило это ему всѣ его горькія, оскорбительныя слова, насмѣшки, суровое обхожденіе съ Таней; какъ ясно представилось ему несогласіе между ними: онъ высказывалъ постоянную непріязнь къ той, которую любила жена, и высказывалъ эту непріязнь такъ рѣзко, что даже дитя замѣтило и почувствовало разладъ между отцемъ и матерью. Ивану стало жалко и стыдно; онъ постоялъ у окна, потомъ прошолъ въ сосѣднюю комнату къ женѣ. Долго длилась тамъ тихая бесѣда; въ это время Катя пѣсенкой укачивала Марфушу, и сердце ея радовалось. Черезъ нѣсколько времени Иванъ пришелъ позвать ее къ женѣ. Таня лежала вся въ слезахъ, но съ радостнымъ, свѣтлымъ лицомъ; когда Катя подошла, она крѣпко ее обняла и сказала:

— „Спасибо тебѣ, родная; ты намъ въ домъ новую жизнь принесла." Иванъ стоялъ подлѣ и улыбался.

Прошелъ годъ, и опять насталъ день свадьбы Ивана Кузьмина. Квартира его все та же, а между тѣмъ какъ будто не та: все прибрано; Таня въ чистомъ платьѣ и бѣломъ передникѣ накрываетъ столъ къ ужину; Вася качаетъ колыбельку; въ комнатѣ завелся клеенчатый диванъ, а надъ диваномъ въ рѣзной рамкѣ виситъ портретъ Таниной матери, и Таня часто поглядываетъ туда и улыбается. Это подарокъ Ивана; онъ купилъ рамку и въ это самое утро, покуда жена уходила въ лавку, повѣсилъ портретъ на стѣнѣ. А вотъ и онъ самъ идетъ съ работы; и его также узнать нельзя; такой сталъ веселый, ласковый. Заплакалъ ребенокъ; оба подошли къ колыбели; тамъ лежитъ не Марфуша, а крошечное, шестинедѣльное дитя; Марфуши нѣтъ; ее Богъ взялъ. Таня вспомнила, какъ она, годъ тому назадъ, говорила Матренѣ, что хочетъ воспитать дѣвочку безъ любви, чтобы у нее засохло сердце; хотѣла она засушить свой цвѣточекъ, а Господь перенесъ его въ небесную страну, гдѣ онъ будетъ вѣчно цвѣсти въ лучахъ Божіей любви. Слезы полились изъ глазъ матери; но Иванъ взялъ ее за руку и утѣшилъ. „Ей тамъ лучше, Таня", сказалъ онъ; „а придетъ время, и мы всѣ къ ней пойдемъ."

БУДЬТЕ ДРУГЪ КЪ ДРУГУ ДОБРЫ, СОСТРАДАТЕЛЬНЫ, ПРОЩАЙТЕ ДРУГЪ ДРУГА КАКЪ И БОГЪ ВО ХРИСТѢ ПРОСТИЛЪ ВАСЪ.

(Ефес. 4. 32).

Условія подписки: «Русскій Рабочій» выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Подписка принимается въ конторѣ Редакціи Журнала (Сергіевская ул., д. № 20, кв. 7) отъ 9 до 12 час. утра. Цѣна годовой подп. безъ достав. 60 к., съ дост. въ Спб. 75 к., съ перес. иног. 1 р.

Редакторъ-Издательница А. И. Пейкеръ.

Дозволено цензурою. Спб., 8 марта, 1883 года. Типографія Кесневиля и Балашева, Надеждинская, 39.

ПРОРОКЪ ИЛІЯ питаемый воронами.

ПРОРОКЪ ИЛІЯ.

Когда Господь, во время земной жизни Своей, преобразился на горѣ Ѳаворѣ, такъ что „видъ лица Его измѣнился и одежда Его сдѣлалась бѣлою, блистающею,... два мужа бесѣдовали съ Нимъ... явившись во славѣ [1]"; одинъ изъ нихъ былъ **пророкъ Илія**.

Когда Архангелъ Гавріилъ возвѣщалъ священнику Захаріи о рожденіи Іоанна Крестителя, онъ сказалъ, что младенецъ, „будетъ великъ предъ Господомъ... и предъидетъ предъ Нимъ **въ духѣ и силѣ Иліи** [2]". „Духъ и сила Иліи" сохранились въ памяти еврейскаго народа до самаго пришествія Іисуса Христа. Онъ смѣло, безстрашно, несмотря на угрозы и преслѣдованія, провозглашалъ забытое народомъ Имя Бога Израилева. Онъ скорбѣлъ жгучей скорбью о томъ, что „сыны Израилевы завѣтъ Божій оставили, жертвенники Его разрушили, пророковъ его убили [3]". Онъ, сильной вѣрой своей, повергъ ихъ во прахъ передъ истиннымъ Богомъ и вызвалъ отъ впавшихъ въ идолопоклонство торжественное признаніе: „Господь есть Богъ! Господь есть Богъ!" [4]. И его имя осталось на устахъ у грѣшнаго Израиля; его голоса—сильнаго, живаго, какъ голосъ совѣсти,—не могли заглушить цѣлые вѣка; такъ что когда много, много лѣтъ спустя, на берегахъ Іордана, опять послышался подобный же призывающій къ Богу голосъ—Іоанна Крестителя—къ нему сбѣжались за вопросомъ: „Ты Илья"? [5].

Пророкъ Илія жилъ во времена нечестиваго царя Ахава, про котораго сказано въ Писаніи, что онъ, дѣлалъ **неугодное** предъ очами Господа... взялъ себѣ въ жену Іезавель... и сталъ служить Ваалу и поклоняться ему. И поставилъ онъ Ваалу жертвенникъ... и болѣе всѣхъ царей Израильскихъ, которые были прежде него, Ахавъ дѣлалъ то, что раздражаетъ Господа Бога Израилева и **погубилъ душу свою** [6]".

Примѣру царя послѣдовалъ и народъ.

Возмутилась праведная душа Иліи противъ такого беззаконія; онъ не могъ вытерпѣть, чтобы благоденствовалъ народъ отвергшійся своего Создателя, онъ хотѣлъ, чтобы они сознали свою зависимость отъ единаго, истиннаго Бога, и произнесъ передъ царемъ эти слова: „Живъ Господь Богъ Израилевъ, передъ Которымъ я стою, въ сіи годы **не будетъ ни росы, ни дождя**, развѣ только по моему слову [7]".

Насталъ голодъ, по всей землѣ Израильской; высохли всѣ поля, пастбища, ручьи, источники. Иліи же Господь повелѣлъ скрыться у потока Хораѳа, сказавъ ему: „Изъ этого потока ты будешь пить, а воронамъ Я повелѣлъ кормить тебя тамъ. И пошелъ онъ и сдѣлалъ по слову Господню: пошелъ и остался у потока Хораѳа, что противъ Іордана. И вороны приносили ему хлѣбъ и мясо по утру, и хлѣбъ и мясо по вечеру, а изъ потока онъ пилъ".

Прошло время; высохъ и этотъ потокъ, и Господь отозвалъ Своего служителя въ другое мѣсто въ городъ Сарепту, гдѣ также былъ голодъ. Тутъ встрѣтилась ему бѣдная вдова, которая собирала щепки для того, чтобы изъ послѣдней горсти муки приготовить пищу для себя и для сына своего; „съѣдимъ это", говорила она, „и умремъ".

Илія сказалъ ей, чтобы она пошла домой и изъ этой горсти муки спекла сперва хлѣбецъ для него; и обѣщалъ ей, что „мука въ кадкѣ не истощится и масло въ кувшинѣ не убудетъ до того дня, когда Господь дастъ дождь на землю".

Она повѣрила слову пророка, исполнила его повелѣніе „и кормилась она, и онъ, и домъ ея нѣсколько времени. Мука въ кадкѣ **не истощалась** и масло въ кувшинѣ **не убывало, по слову Господа**, которое Онъ изрекъ черезъ Илію".

Уповала бѣдная вдова на слово Господне, и не истощился запасъ ея. Не только не умеръ ребенокъ ея съ голоду, какъ она опасалась, но когда, впослѣдствіи, онъ захворалъ „и болѣзнь его была такъ сильна, что не осталось въ немъ дыханія... услышалъ Господь голосъ Иліи, и возвратилась душа отрока сего въ него и онъ ожилъ".

„Все возможно вѣрующему [8]", сказалъ Господь Іисусъ Христосъ. Не истощится и нашъ запасъ, — какимъ бы скуднымъ онъ ни казался — лишь бы не оскудѣла вѣра наша.

Не истощится сила наша, хотя бы и казалось, что ея только осталась одна послѣдняя капля; не покинетъ насъ любовь Христова, хотя бы и казалось, что она на время скрывается; не останемся мы безъ хлѣба насущнаго для души и для тѣла, хотя бы и казалось, что голодъ у порога. Только **не сразу** надѣлилъ Господь вдову Сарептскую полнымъ запасомъ хлѣба и масла; можетъ быть ея бѣдное жилище не могло бы вмѣстить его; во всякомъ случаѣ не нужна была бы вѣра ея, еслибы она постоянно имѣла передъ глазами много сосудовъ наполненныхъ пропитанія на долгое время впередъ. Нѣтъ; Господь посылалъ по немногу, день за днемъ, по мѣрѣ надобности; и вѣра ожидающая исполненія обѣщаній проявлялась день за днемъ, и съ каждымъ днемъ укрѣплялась. И на насъ Господь не сразу изливаетъ все обиліе своего благословенія, а постепенно, по мѣрѣ нужды нашей; потому что наше бѣдное, тѣсное сердце не могло бы вдругъ вмѣстить его, и так-

[1]) Луки 9, 29–31. [2]) Лук. 1. 17. [3]) 3 Царств. 19. 10. [4]) 3 Царств. 18. 39. [5]) Іоан. 1. 21.

[6]) 3 Царств. 16. 30–33. [7]) 3 Царств. 1.

[8]) Марк. 9. 23.

же потому что Господу угодно, чтобы мы часто прибѣгали къ Нему за благовременной помощью, часто простирали къ Нему руки, ежеминутно сознавали нашу совершенную отъ Него зависимость. Ему угодно, чтобы мы непрестанно молились, не сомнѣваясь; непрестанно обращали взоръ ожиданія и упованія къ Нему.

Пробылъ Илія нѣсколько времени въ Сарептѣ; потомъ, было къ нему слово Господне: „пойди и покажись Ахаву; и пошелъ Илія“ [9]). Сначала призвалъ его Господь къ потоку Хараѳскому, чтобы тамъ, въ одиночествѣ и бездѣйствіи, ждать дальнѣйшаго указанія; Илія повиновался и ждалъ въ безмолвіи и покорности. Затѣмъ, Господь послалъ его въ Сарепту, чтобы утѣшить и прокормить тамъ бѣдную вдову; Илія „всталъ и пошелъ“ немедленно.

Теперь, Господь повелѣваетъ ему встрѣтиться лицомъ къ лицу съ ненавидящимъ его царемъ; Илія идетъ, съ готовностью, безъ страха, и говоритъ встрѣтившемуся ему на дорогѣ царедворцу: „Пойди, скажи господину твоему: Илія здѣсь“.

„Когда Ахавъ увидѣлъ Илію, то сказалъ ему: ты ли это смущающій Израиля? И сказалъ Илія: не я смущаю Израиля, **а ты** и домъ отца твоего, тѣмъ, что вы презрѣли повелѣнія Господни и идете въ слѣдъ Вааламъ. Теперь пошли и собери ко мнѣ всего Израиля на гору Кармилъ, и четыреста пятьдесятъ пророковъ Вааловыхъ, и четыреста пророковъ дубравныхъ, питающихся отъ стола Іезавели.“

Не могъ царь воспротивиться грозному голосу пророка Божія и послалъ онъ собрать всѣхъ лжепророковъ и весь народъ на гору Кармилъ.

„И подошелъ Илія ко всему народу и сказалъ: **долго ли вамъ хромать на оба колѣна?** Если Господь есть Богъ, то **послѣдуйте Ему**; а если Ваалъ, то ему послѣдуйте. И не отвѣчалъ народъ ему **ни слова**. И сказалъ Илія народу: я **одинъ** остался пророкъ Господень, а пророковъ Вааловыхъ четыреста пятьдесятъ человѣкъ и четыреста пророковъ дубравныхъ. Пусть дадутъ намъ двухъ тельцовъ и пусть они выберутъ себѣ одного тельца, и разсѣкутъ его, и положатъ на дрова, но огня пусть не подкладываютъ; а я приготовлю другаго тельца, и положу на дрова, а огня не подложу. И призовите вы имя бога вашего, а я призову Имя Господа Бога моего. Тотъ Богъ, который дастъ отвѣтъ посредствомъ **огня — есть Богъ**. И отвѣчалъ весь народъ и сказалъ: хорошо; пусть будетъ такъ“.

Одинъ противъ всѣхъ стоитъ Илія на горѣ Кармилъ; беззащитный, но безстрашный, крѣпко уповающій на Бога Своего, ревнующій объ одномъ только: о славѣ Имени Его!

Выбрали лжепророки себѣ тельца, положили его на жертвенникъ и стали призывать имя бога своего Ваала; призывали громче и громче, до самого вечера, кололи себя ножами и копьями, такъ что кровь лилась по нимъ... „но не было ни голоса, ни отвѣта“!

Тогда Илія сказалъ имъ: „отойдите“ и подозвалъ къ себѣ весь народъ. Онъ взялъ двѣнадцать камней и—„возстановилъ разрушенный жертвенникъ Божій“, — построивъ его изъ этихъ двѣнадцати камней, именно такъ, какъ было предписано Богомъ Моисею. Онъ сдѣлалъ вокругъ жертвенника глубокій ровъ, положилъ дрова, приготовилъ тельца, потомъ, три раза сряду, велѣлъ вылить на дрова и на жертву по четыре ведра воды; такъ что вода полилась вокругъ жертвенника и наполнила ровъ. Не только не подложилъ онъ огня, какъ было уговорено, но залилъ весь свой жертвенникъ водой, чтобы затушилась всякая случайная искра земнаго огня, чтобы уничтожилась всякая возможность человѣческаго вмѣшательства, чтобы яснѣе проявилась Слава Божія.

„Во время приношенія вечерней жертвы подошелъ Илія и сказалъ: „Господи, Боже Авраамовъ, Исааковъ и Израилевъ!.. услышь меня, Господи, услышь меня! Да **познаетъ** народъ сей, что **Ты, Господи,—Богъ**, и Ты **обратишь сердца ихъ къ Тебѣ**“. **И низпалъ огонь** Господень и пожралъ все сожженіе, и дрова, и камни, и прахъ, и поглотилъ воду, которая во рвѣ. Увидѣвъ это, **весь народъ палъ на лицо свое,** и сказалъ: Господь есть Богъ! Господь есть Богъ!“

Илія зналъ, что лишь только народъ смирится передъ истиннымъ Богомъ, Господь проститъ прегрѣшеніе его и сниметъ съ него тяжелое наказаніе, — поэтому, онъ сказалъ Ахаву: „слышенъ шумъ дождя“ и самъ взошелъ на самый верхъ горы и, наклонившись къ землѣ, сталъ молиться. Черезъ нѣсколько времени онъ „сказалъ отроку своему: пойди, посмотри къ морю. Тотъ пошелъ и посмотрѣлъ и сказалъ: ничего нѣтъ. Онъ сказалъ: продолжай это до **семи разъ.** Въ седьмой разъ тотъ сказалъ: вотъ, **небольшое облако** поднимается отъ моря, величиною въ ладонь человѣческую. Онъ сказалъ: пойди, скажи Ахаву: запрягай колесницу твою и поѣзжай, чтобы не засталъ тебя дождь. Между тѣмъ небо сдѣлалось мрачно отъ тучъ и отъ вѣтра, и пошелъ **большой дождь**“.

Большой дождь послалъ Господь на засохшую землю Израильскую; и обильнымъ, благодатнымъ дождемъ поливаетъ Онъ и души человѣческія.

Подъ этимъ живительнымъ дождемъ возросла душа Пророка Ильи и поднялась такъ высоко, что Господь не далъ ему вкусить смерти, а въ одно мгновеніе вознесъ его въ вихрѣ на небо [10]); этотъ же дождь падаетъ на изсохшую отъ грѣховъ почву и нашихъ сердецъ, чтобы „напоить борозды ея, уравнять зло-

---

[9]) 3 Царств. 18.

[10]) 4 Царств. 2.

бы ея, размягчить ее и благословить произрастеніе ея“ [11]). Возведемъ очи наши и откроемъ сердца; да посѣтитъ и насъ Господь. Принесемъ ему хвалу за тѣхъ, которые прославили Его такъ, какъ мы не умѣемъ Его славить; за тѣхъ, которые такъ твердо прошли по тому пути, на которомъ мы часто колеблемся и падаемъ, которые любили Его вѣрною, пламенною любовью, и вспоминая о нихъ, вспомнимъ эти слова Ап. Павла. „По сему **и мы**, имѣя вокругъ себя **такое облако свидѣтелей**, свергнемъ съ себя всякое бремя и запинающій насъ грѣхъ, и съ терпѣніемъ будемъ проходить предлежащее намъ поприще, взирая на Начальника и Совершителя вѣры—Іисуса [12])“.

БѢДНАЯ ИРИНА.

Снѣгъ падалъ густыми хлопьями; я сидѣла у окошка моей маленькой усадьбы и смотрѣла, какъ бѣлое снѣжное покрывало постепенно обвивало деревья и ближайшія крыши. Становилось очень холодно; мужички уже цѣлый день жаловались на стужу, и я стала думать, что, пожалуй, нѣкоторымъ изъ нихъ и въ избѣ холодно и голодно, такъ какъ у насъ и урожай былъ плохой и страна безлѣсная. Вдругъ въ комнату вошла служанка и сказала: „Васъ кто-то изъ деревни спрашиваетъ“. Я вышла въ кухню и увидала тамъ молодую крестьянку, которая ходила ко мнѣ учиться грамотѣ.

— „Барыня“, сказала она, „у насъ въ деревнѣ молодая баба, должно быть, помираетъ: все стонетъ, ничего не ѣстъ, и ребенокъ голодный бѣгаетъ. Она къ себѣ никого не пускаетъ; должно быть, ей людей стыдно, потому что мужъ ея, говорятъ, коней воруетъ и многихъ здѣсь этимъ обижалъ. Можетъ быть, она васъ впуститъ, и вы ее передъ смертью облегчите“.

— „Хорошо, я завтра приду“, отвѣчала я и вернулась въ свою теплую комнату; но на душѣ было не спокойно: бѣдная женщина не давала покоя. Кто знаетъ, думала я, не будетъ-ли завтра ужъ поздно.

Я сейчасъ-же отправилась въ деревню и дорогой молилась, внутренно, чтобы Господь благословилъ мое посѣщеніе и далъ мнѣ принести облегченіе и утѣшеніе, во Имя Его. Становилось темно, снѣгъ застилалъ мнѣ глаза; знакомая крестьянская дѣвушка проводила меня къ означенной избѣ и сама скрылась. Я стала стучать въ дверь, но отвѣта не было; женщина изъ сосѣдней избы выглянула и сказала: „напрасно, барыня; она никого не пускаетъ“. Я все таки опять постучала, вспоминая слова Писанія, что если Господь отворитъ дверь, то никто не можетъ ее затворить. Внутри послышался шорохъ; я прижалась губами къ маленькой скважинѣ въ двери и сказала: „отвори мнѣ; я тебѣ добрую вѣсть принесла“. Медленно отодвинулась задвижка и я вошла, но первую минуту ничего нельзя было разглядѣть: въ избѣ было темно и дурной запахъ захватывалъ дыханіе. Я сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и тутъ, при свѣтѣ тусклой лучины, увидала скорченную у печки молодую женщину, такую исхудалую, такую жалкую, оборванную, что я такого несчастнаго созданія никогда и не видывала. Тяжелый, сухой кашель душилъ ее; на лицѣ ея выражалась тяжкая печаль: видно было, что она вся изныла и душой, и тѣломъ, и когда она съ удивленіемъ подняла на меня свои впалые глаза, я даже вздрогнула.

— „Ты съ чѣмъ пришла, кто тебя прислалъ?“ спросила она слабымъ голосомъ.

— „Я узнала, что ты больна, и меня послалъ къ тебѣ Тотъ, Кто жалѣетъ больныхъ; я тебѣ отъ Него добрую вѣсть принесла“.

— „Садись, разскажи, я послушаю“, отвѣчала она все такъ-же печально.

Вдругъ послышался за дверью дѣтскій голосъ: „мама, отвори“!

— „Отворить дверь“? спросила я.

— „Да, это—мой Ваня“.

Босоногій мальчикъ лѣтъ 5-ти, безъ шапки, весь промокшій, вошелъ въ избу. Онъ подбѣжалъ къ матери, сѣлъ на полу подлѣ нея и заплакалъ. Она взяла его посинѣвшія ручонки въ свои слабыя руки и стала ихъ тихонько тереть, приговаривая: „не плачь, Ванюша; не плачь, мой родной; мамѣ и безъ твоихъ слезъ тяжело“.

— „Мама, дай поѣсть, дай хоть кусочекъ“, рыдалъ ребенокъ.

Лице матери стало еще блѣднѣе; она опустила голову на руки, но ничего не сказала; казалось, ея печаль была такъ велика, что не хватало на нее ни слезъ, ни словъ.

— „Твой мальчикъ ѣлъ что-нибудь сегодня“? спросила я.

— „Съ утра голодный ходитъ“, отвѣтила больная.

— „Неужели у тебя дома даже хлѣба нѣтъ“?

— „Ни хлѣба, ни копѣйки денегъ нѣтъ“, отвѣчала она и опять закрыла лице руками.

— „Не запирай дверь, я сейчасъ вернусь“.

Недалеко отъ избы бѣдный Ирины была лавочка, гдѣ продавались крендели, яйца и другія подобныя припасы. Я купила кое-что для ребенка, побѣжала назадъ и когда увидала, съ какой жадностью бѣдный, заморенный мальчикъ глоталъ то, что я принесла, я не могла удержаться отъ слезъ. Мать сама ничего ѣсть не могла, но глядѣла на меня ласково.

— „Ты, видно, жалостливая, матушка“, сказала она мнѣ, „а я сама давно уже не плакала; всѣ слезы выплакала, когда умерла моя дѣвочка, а съ тѣхъ поръ и слезъ больше нѣтъ“.

Бѣдная женщина! какъ жаль ее было: въ горѣ, въ нуждѣ, въ бо-

---

[11]) Псал. 64. 11. [12]) Евр 12. 1, 2.

лѣзни, — безъ утѣшенія! Однако, время еще какъ будто не настало, чтобы передать ей о томъ утѣшеніи, которое послалъ ей Богъ. Я сѣла подлѣ нея, взяла ее за руку и стала спрашивать ее, давно-ли она такъ больна; потомъ, указавъ, на ребенка, мирно заснувшаго на полу, я сказала: „мы теперь однѣ; я бы хотѣла помочь тебѣ; скажи мнѣ, отчего ты такая печальная“.

— „У тебя видно, матушка, добрая душа“, отвѣчала она; „ты со мной ласково разговариваешь, такъ что мнѣ тебя не стыдно; а другихъ всѣхъ людей стыдно: спряталась-бы отъ нихъ, да не знаю куда“.

— „Твоего мужа нѣтъ здѣсь теперь“? спросила я.

— „Онъ на долгое время уходитъ, сударыня; а когда дома бываетъ, только страху нанесетъ: люди про него говорятъ, что онъ у нихъ коней уводитъ, и все грозятся и на него, и на меня, такъ что онъ только позднею ночью, иной разъ, домой придетъ и не велитъ никого впускать, а потомъ опять пропадетъ и шатается, не знаю гдѣ. Я такъ и привыкла жить, и голодать привыкли мы съ мальчишкой; только теперь, какъ я хворать стала, не знаешь, какъ и пожить; такая слабость одолѣла, что иной разъ и съ мѣста не встать, и полѣна дровъ не поднять“.

— „А дѣвочка твоя недавно умерла?“

— „Да, недавно; и умерла она крошечная, пятимѣсячная“. Тутъ голосъ Ирины оборвался, и крупныя слезы полились изъ глазъ ея, но черезъ нѣсколько минутъ она оправилась и продолжала:

— „Послѣ рожденія ребенка я долго была больна и помощи не подали мнѣ никакой: мужа не было, и другимъ людямъ не до меня; а дѣвочка была такая милая, бѣленькая, но я сама такъ отощала, что не могла ее кормить, и коровушки не было, а попросить стыдно; стала она чахнуть, чахнуть у меня на рукахъ, да такъ и кончилась. А послѣ того и меня тоска загрызла; не о томъ я тоскую, что она померла, а что ее нужда убила, что она на землѣ ни одного краснаго денька не видала, все маялась да маялась, и нечѣмъ было потѣшить. Какъ она умерла, не стало у меня больше ни сна, ни покоя; и слезъ не стало больше, а только на сердцѣ тошнехонько. Тутъ подошелъ и кашель, грудь заболѣла и ужъ я такъ и знаю, что не поправиться мнѣ никогда“.

Тутъ страшный припадокъ удушливаго кашля прервалъ ея слова, а я, молча, молилась, чтобы Господь научилъ меня теперь, какъ передать добрую вѣсть о Его любви. Когда Ирина успокоилась, я обняла ее обѣими руками, какъ малаго ребенка, и сказала ей: „Послушай меня. Я тебѣ отъ Господа добрую вѣсть принесла; Онъ жизнь положилъ за тебя, за меня грѣшную и за всѣхъ людей; знаешь ли ты, что Онъ жалѣетъ тебя, ищетъ тебя; что Онъ хочетъ принять тебя туда, гдѣ не будетъ больше ни голода, ни жажды, ни болѣзни, а только одна радость. Онъ хочетъ, покуда, ты еще и здѣсь на землѣ дать покой твоей душѣ; понимаешь-ли ты меня, Ирина“?

— „Покой“, повторила она; „не видать мнѣ больше покоя, силъ нѣтъ даже и въ церковь сходить; видно ужъ такъ во тьмѣ и умрешь“.

— „Нѣтъ, Ирина, ты не умрешь во тьмѣ; Господь этого не хочетъ. Онъ знаетъ, какъ ты слаба, знаетъ что ты не имѣешь силы даже приподняться, но Онъ хочетъ помочь тебѣ и если ты призовешь Его, Онъ услышитъ тебя. Когда Господь былъ на землѣ, много грѣшныхъ слабыхъ, слѣпыхъ, увѣчныхъ людей приходили къ Нему со всѣхъ сторонъ за помощью и Онъ всѣмъ помогалъ, но былъ одинъ человѣкъ, который не могъ къ Нему придти, потому что онъ лежалъ въ разслабленіи и не двигался съ мѣста уже 38 лѣтъ. Онъ слышалъ про Іисуса и вѣрно иной разъ думалъ: „ахъ, если-бы я только могъ встать, я бы пошелъ къ Нему“! Не могъ онъ встать, и не надо было: Іисусъ Самъ къ нему пришелъ и однимъ словомъ исцѣлилъ его—такъ и къ тебѣ Господь подходитъ и хочетъ исцѣлить твою больную душу и принять ее въ Свое Царствіе“.

— „Гдѣ ужъ моей темной душѣ тамъ быть! грамотѣ я не знаю, разума настоящаго не имѣю; ничего не имѣю кромѣ грѣховъ. Грѣховъ такая груда накопилась, что страшно и подумать; не пустятъ они меня въ рай. Нѣтъ, матушка, не бывать мнѣ тамъ никогда, никогда“!

Тутъ бѣдная Ирина такъ горько заплакала, что и я не могла удержаться отъ слезъ; между тѣмъ, я радовалась: радовалась, что спящая душа ея проснулась и увидѣла себя нечистою, оскверненную грѣхомъ;—слава Богу, думаю, первый шагъ сдѣланъ; Господь пробудилъ къ покаянію; Онъ даруетъ и прощеніе.

Ирина все плакала, а я, не зная что ей сказать и сознавая свою безпомощность и безсиліе, вынула изъ кармана Евангеліе и стала читать:

„Женщина,... грѣшница,... плача, начала обливать ноги Его слезами, и отирать волосами головы своей, и цѣловала ноги Его, и мазала миромъ“.

Ирина подняла на меня глаза. „Матушка, ты никакъ это про меня читала“? спросила она:

— „Да, про такую же какъ ты, которая плакала о грѣхахъ своихъ, какъ и ты теперь плачешь! Послушай дальше:

„Іисусъ сказалъ ей: прощаются тебѣ грѣхи,... вѣра твоя спасла тебя: иди съ миромъ.“ Онъ ей все простилъ; и тебѣ Онъ хочетъ все простить ради крестныхъ страданій Своихъ за тебя за меня и за всѣхъ людей. Вотъ, я съ этой то доброй вѣстью къ тебѣ и пришла.“

— „Слава тебѣ, Господи“, проговорила Ирина медленно и съ такимъ глубокимъ чувствомъ, что

и до сихъ поръ еще иной разъ слышится ея голосъ, произносящій эти слова. Не безсознательно были они сказаны, какъ часто повторяютъ ихъ люди; нѣтъ, тутъ слышалось истинное, искреннее благодареніе, вырвавшееся изъ самой глубины сокрушенной грѣхами души.

Ирина все еще плакала, но слезы ея были такія, какъ у человѣка, который что-то очень драгоцѣнное нашелъ и съ радости плачетъ. Когда я встала, чтобъ уходитъ, она сказала: „Стану я теперь все, какъ та женщина, у ногъ Его стоять и не отойду никогда"

На другой день я вернулась; Ирина была очень слаба, но вполнѣ покойна. Она просила: „прочитай еще, матушка, про грѣшницу, какъ она плакала и какъ Господь ей все простилъ." Покуда я читала, она тихо кивала головой, точно повторяла:

„Это я; это я."

Нѣсколько дней послѣ этого, она скончалась. Я была при ней въ ту минуту и обѣщала ей позаботиться о ребенкѣ; она поблагодарила; потомъ, когда я нагнулась къ ней, она обняла меня обѣими руками и прошептала: „спасибо, родная; я люблю тебя: ты мнѣ отъ Бога добрую вѣсть принесла."

ЧЬЕ ЭТО ДИТЯ?

Чье это маленькое дитя? „Мое"— скажетъ молодая мать, качая колыбель и сердце матери дрогнетъ, когда младенецъ проснувшись улыбнется ей и протянетъ къ ней ручки.

Подойдетъ отецъ, поглядитъ, посмѣется; подойдемъ и мы поближе, и сдѣлаемъ еще другой вопросъ. Что будетъ изъ этого ребенка?"— „Какъ что будетъ! Что Богъ дастъ", отвѣтятъ намъ родители. Да, это правда.

Въ Его рукахъ судьба этого младенца; въ Его Волѣ краткая или долгая жизнь его; Ему, прежде всего, принадлежитъ онъ,—и въ этомъ смыслѣ, конечно правильно сказать: что Богъ дастъ. Но Богъ уже кое что далъ этому ребенку: Онъ, прежде всего, далъ ему отца и мать; Онъ, прежде всего, сказалъ имъ что это дитя — Божіе дитя, порученное имъ на время; такое дитя, которое надо изъ рукъ Божіихъ принять, для Него воспитать и Ему опять назадъ отдать. Великое дѣло—принять отъ Господа молодую, безсмертную душу; великое дѣло—беречь ее отъ зла, среди оскверненнаго міра; великое горе будетъ, когда Господь спроситъ у насъ, родителей, что мы сдѣлали съ душой ребенка, и намъ придется сознать, что мы сами же запятнали ее грѣхомъ!

Что Богъ дастъ,—твердили языкомъ; этимъ успокоивали свою совѣсть; а между тѣмъ, засушили Богомъ данный цвѣточекъ: пріучили ребенка къ худому, отъ дурнаго примѣра его не ограждали, солнышкомъ любви и заботы его не согрѣвали, какой же тутъ можетъ Богъ дать урожай!

Возьми-ка ты кусочекъ Божіей земли, не размягчай его ни плугомъ ни бороной, не обработывай его, не посѣй на немъ ничего, — и потомъ пойди, скажи какому-нибудь доброму хозяину—крестьянину, который въ потѣ лица трудился надъ своей земелькой: „я надѣюсь, что мнѣ Господь пошлетъ хорошій урожай". Что онъ тебѣ отвѣтитъ? „Не захотѣлъ принять труда и заботы, такъ не жди и урожая".

Не жди добраго урожая и отъ дѣтскаго сердца, на которомъ не было посѣяно добраго сѣмени; не наградитъ Господь твое нерадѣніе, а призоветъ тебя къ отвѣту. И раньше того, ты можетъ уже будешь обливать слезами горькіе плоды твоей невѣрности; да прошлаго не вернешь! Стоитъ иной отецъ въ дверяхъ тюремнаго замка: на свиданіе къ сыну пришелъ и тяжко ему думать, что сынъ его арестантъ, что не смыть съ него этого пятна никогда, а между тѣмъ, не вдругъ нагрянула такая бѣда,—не родился ребенокъ арестантомъ.—Было у него когда то сердце мягкое, уста чистыя, душа простая; а кто научилъ ребенка лукавить, обманывать? Кто самъ, при ребенкѣ, и лгалъ, и ругался, и худыми рѣчами ребенку худыя мысли внушалъ? Кто подалъ примѣръ не трезвости; кто, часъ за часомъ, просиживалъ съ товарищами за бутылкой, возвращался домой шатаясь, — а потомъ, билъ сына за то, что онъ не почиталъ и не слушалъ отца? Кто, пристроивая мальчика, на мѣсто, заботился только о прибыли и отдалъ его въ какія попало руки? Не тотъ ли самый отецъ, который теперь горюетъ въ дверяхъ тюремнаго замка! Сказали бы ему раньше, когда дитя еще лежало въ колыбели: изъ твоего сына выйдетъ арестантъ, — онъ бы схватился за голову и вскричалъ: Избави Богъ!

А между тѣмъ, не самъ ли проложилъ ребенку дорогу ко грѣху!

Бѣдная мать, о чемъ тужишь ты день и ночь? Изсохла ты отъ тоски; состарѣлась прежде времени; терпишь нужду, живешь между чужими, кое какъ перебиваешься, иной разъ сутки безъ хлѣба просидишь. Неужели некому о тебѣ позаботиться, на бѣломъ свѣтѣ? Есть у тебя дочь родная; ты ее сгубила, а она тебя бросила! Была она маленькая, ты ее баловала, изъ нея барыню готовила; сама ты крестьянка, чернорабочая, а дочку пусть чернорабочей не называютъ. Какъ будто стыдно трудиться; стыдно сознаться, что я бѣдная крестьянка и выше своего званія подыматься не хочу. Ты захотѣла поднять свою дочь повыше и окунула ее въ грѣхъ! Помѣстила дѣвочку туда, гдѣ ей вскружили голову, потѣшилась тѣмъ что твоя дочь стала на благородную похожа,—а теперь и плачь! Плачь, что сердце у нея стало какъ камень, что она и Бога

и мать забыла, плачь, что она, можетъ быть, изнурившись грѣховной жизнью, умретъ, еще молодая, въ какой нибудь тяжкой болѣзни и на тебя же потомъ горько попеняетъ за то, что ты сгубила ее. Ахъ, скажи сама, не лучше ли было бы для тебя, теперь, если бы твоя дочь, согнувши спину, стирала самое грубое бѣлье, мыла полы, исполняла самую черную работу; за то была бы, въ глазахъ Божіихъ, бѣла и чиста, и тебя бы утѣшала лаской и заботой? Но время ушло; теперь дочка твоя далеко; тебѣ ее слезами не вернуть; Одинъ Господь можетъ возвратить то, что потеряно; да проститъ и утѣшитъ тебя Господь!

Это правда, скажетъ, можетъ быть, читающій эти строки; довольно оглянуться вокругъ себя и увидишь много такихъ примѣровъ. Да, оглянись вокругъ себя, чтобы пожалѣть о нихъ, а потомъ обратись на себя, погляди на своихъ дѣтей и спроси себя, что будетъ изъ нихъ? Ты, можетъ быть, до сихъ поръ смотрѣлъ на твоего ребенка, какъ на свою вещь, съ которой ты можешь обращаться какъ тебѣ вздумается: портить ее, пачкать ее, ломать, бросать куда попало; какъ подростетъ и въ силахъ будетъ работать, надо будетъ пристроитъ его куда-нибудь повыгоднѣе, а покуда еще малъ, пусть ростетъ, какъ сорная травка, безъ вниманія, безъ ухода: тѣло его еще надо поберечь, укрыть отъ стужи и накормить; а объ душѣ его нѣкогда заботиться, да и въ голову такая забота не придетъ! Посмотри теперь на твоего ребенка, и подумай, что это Божіе дитя: Господь его создалъ, Господь за него умеръ, Господь его назначилъ къ тому, чтобы прославить Его на землѣ и обитать съ Нимъ вѣчно, на небѣ; Господь тебѣ поручилъ приготовить его и къ земной и къ небесной жизни; къ Нему возвратится душа его и что скажетъ она Ему про тебя! Одинъ маленькій мальчикъ умиралъ десяти лѣтъ. Отецъ стоялъ надъ нимъ и плакалъ: ребенокъ дремалъ. Вдругъ онъ открылъ глаза, взглянулъ на отца и сказалъ: „не плачь, отецъ, я какъ только увижу Господа, сейчасъ же Ему скажу, что ты мнѣ все про Него говорилъ и научилъ меня Его любить; и Онъ тебя вѣрно за это утѣшитъ“.

Отецъ или мать, что скажетъ **про тебя** Богу дитя твое?

Остановись, подумай и покайся. Если ты самъ любишь Бога, а дѣтей по Божьему пути не ведешь, покайся въ твоемъ нерадѣніи.

Если ты не любишь Бога, и живешь противно Его волѣ, покайся въ томъ, что ты губишь не только свою душу, но и души дѣтей твоихъ. Если же тебя лукавый захочетъ успокоить тѣмъ, что ты будто бы не виноватъ, и что тебѣ за грѣхи дѣтей твоихъ отвѣчать не придется, — прочитай со вниманіемъ слѣдующія слова изъ Св. Писанія:

„Охозія царствовалъ въ Іерусалимѣ. Имя **матери его** Гоѳолія... онъ также ходилъ путями дома Ахавова, **потому что** мать его была **совѣтницей ему на беззаконныя дѣла**. И дѣлалъ онъ **неугодное** въ очахъ Господнихъ [1]!“

„Восьми лѣтъ былъ Іосія, когда воцарился... **имя матери его** Іедида... и дѣлалъ онъ **угодное** въ очахъ Господнихъ, и ходилъ, во всемъ, путемъ Давида отца своего, и не уклонялся ни направо, ни налѣво. [2].“

Записаны въ Божіей книгѣ угодныя и неугодныя Богу дѣла каждаго; и вписано имя не только отца, но и той матери, которая, съ самаго дѣтства, наставляла къ тому или къ другому.

Да вразумитъ Господь насъ Словомъ Своимъ и дастъ намъ всѣмъ малымъ и большимъ, быть овцами и агнцами Его стада!

[1]) 2 Пар. 22. 2, 3. [2]) 4 Царствъ 22. 1, 2.

ОНЪ МОЛИЛСЯ.

Что дѣлалъ Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ, когда Духъ Божій сошелъ на Него и Господь Богъ съ неба провозгласилъ Его Сыномъ Своимъ?

— Онъ молился. „Когда же... Іисусъ, крестившись, **молился**, отверзлось небо, и Духъ Святый нисшелъ на Него въ тѣлесномъ видѣ, какъ голубь, и былъ гласъ съ небесъ, глаголющій: Ты Сынъ Мой возлюбленный; въ Тебѣ Мое благоволеніе [1])“.

Что дѣлалъ Іисусъ Христосъ, въ то время когда Лицо Его преобразилось и небесные жители приступили къ Нему и бесѣдовали съ Нимъ? Онъ **молился**; „и когда **молился**, видъ Лица Его измѣнился, и одежда Его сдѣлалась бѣлою, блистающею. И вотъ, два мужа бесѣдовали съ Нимъ, которые были Моисей и Илія. Явившись во славѣ, они говорили объ исходѣ Его, который Ему надлежало совершить въ Іерусалимѣ [2])“.

Что дѣлалъ Іисусъ Христосъ въ то время, когда явился Ему Ангелъ съ небесъ, чтобы подкрѣпить Его въ часъ тяжелой, предсмертной скорби? — Онъ **молился**. „Отошелъ отъ нихъ на верженіе камня, и преклонивъ колѣна, **молился**, говоря: Отче! о, еслибы Ты благоволилъ пронесть чашу сію мимо Меня! Впрочемъ, не Моя воля, но Твоя да будетъ. Явился же ему Ангелъ съ небесъ и укрѣплялъ Его [3])“.

Что дѣлалъ Пророкъ Илія, въ то время когда отрокъ его объявилъ ему, что, послѣ трехгодовой засухи, на небѣ наконецъ появилось облако, предвѣщающее дождь? Онъ **молился**, „**помолился**, и небо дало дождь и земля произрастила плодъ свой [4])“.

[1]) Лук. 3. 21, 22. [2]) Лук. 9. 29—31. [3]) Лук. 29. 41—43. [4]) Іак. 5. 17, 18.

Что дѣлалъ Пророкъ Даніилъ, въ то время когда прилетѣлъ къ нему Архангелъ Гавріилъ и утѣшилъ его, возвѣщая о грядущемъ пришествіи Искупителя? Онъ **молился**. „Когда я еще говорилъ и **молился** и исповѣдывалъ грѣхи мои и грѣхи народа моего, Израиля, и повергалъ мольбу мою предъ Господомъ Богомъ Моимъ... когда я еще **продолжалъ молитву**, мужъ Гавріилъ, котораго я видѣлъ прежде въ видѣніи, быстро прилетѣвъ, коснулся меня около времени вечерней жертвы; и вразумлялъ меня, говорилъ со мною и сказалъ: Даніилъ!... въ началѣ моленія твоего вышло слово, и я пришелъ возвѣстить его тебѣ: итакъ, вникни въ слово и уразумѣй видѣніе. Семьдесятъ седминъ опредѣлено для народа твоего и святаго города твоего, чтобы покрыто было преступленіе, запечатаны были грѣхи, и заглажены беззаконія, и чтобы приведена была правда вѣчная, и запечатаны были видѣніе и пророкъ, и помазанъ былъ **Святый святыхъ** [5])“.

Что дѣлалъ Савлъ, Тарсянинъ, гонитель церкви, въ то время когда Господь послалъ служителя своего Ананію благословить его?—Онъ **молился**. „Встань и пойди на улицу такъ называемую прямую, и спроси въ Іудиномъ домѣ Тарсянина, по имени Савла; онъ теперь **молится**, и видѣлъ въ видѣніи мужа именемъ Ананію, пришедшаго къ нему и возложившаго на него руку, чтобы онъ прозрѣлъ“. [6])

Когда посланные изъ Кесаріи пришли къ Ап. Петру звать его къ Корнилію, гдѣ онъ первый разъ проповѣдывалъ Евангеліе язычникамъ, — Петръ **молился**. „Я **молился**,... и вотъ, въ тотъ самый часъ три человѣка стали предъ домомъ, въ которомъ я былъ, посланные изъ Кесаріи ко мнѣ. Духъ сказалъ мнѣ, чтобы я шелъ съ ними, ни мало не сомнѣваясь [7])“.

Когда Ап. Петръ, освобожденный Ангеломъ Господнимъ изъ темницы, пришелъ въ домъ Маріи, матери Іоанна, онъ засталъ всѣхъ собранныхъ тамъ **въ молитвѣ** за него. „Петра стерегли въ темницѣ; между тѣмъ церковь прилежно **молилась** о немъ Богу... и вотъ Ангелъ Господень предсталъ... цѣпи упали... Петръ вышелъ [8])“.

Когда затряслась темница, въ которую заключены были Ап. Павелъ и Сила и затряслось сердце темничнаго стража, такъ что онъ воззвалъ: „что мнѣ дѣлать, чтобы спастись?“—Что дѣлали Павелъ и Сила? Они **молились**. „Около полуночи, Павелъ и Сила, **молясь**, воспѣвали Бога; узники же слушали ихъ. Вдругъ сдѣлалось великое землетрясеніе... отворились всѣ двери и у всѣхъ узы ослабѣли [9])“.

Много молитвъ! И много отвѣтовъ на молитвы! И про тебя, пусть скажетъ Господь, Серцевѣдецъ, что ты **молишься**. Молишься не по привычкѣ, не по принужденію; молишься, потому что ты всей душой желаешь того, чего просишь и всей душой полагаешься на обѣщаніе Христовы: „Если пребудете во Мнѣ, и слова Мои въ васъ пребудутъ, то чего ни пожелаете, **просите** и будетъ вамъ“.—„Просите и получите, чтобы радость ваша была совершенна [10])“.

Молитва—это дыханіе вѣрующей души; если твоя душа еще бездыханная, — то да коснется ея Духъ животворящій; первый самый слабый крикъ ея долетитъ до слуха Отца небеснаго и Отецъ пошлетъ отвѣтъ.

ПРОРОКЪ ИЛІЯ
молится о дождѣ.

[5]) Дан. 9. 20—24. [6]) Дѣян. 9. 11. 12.

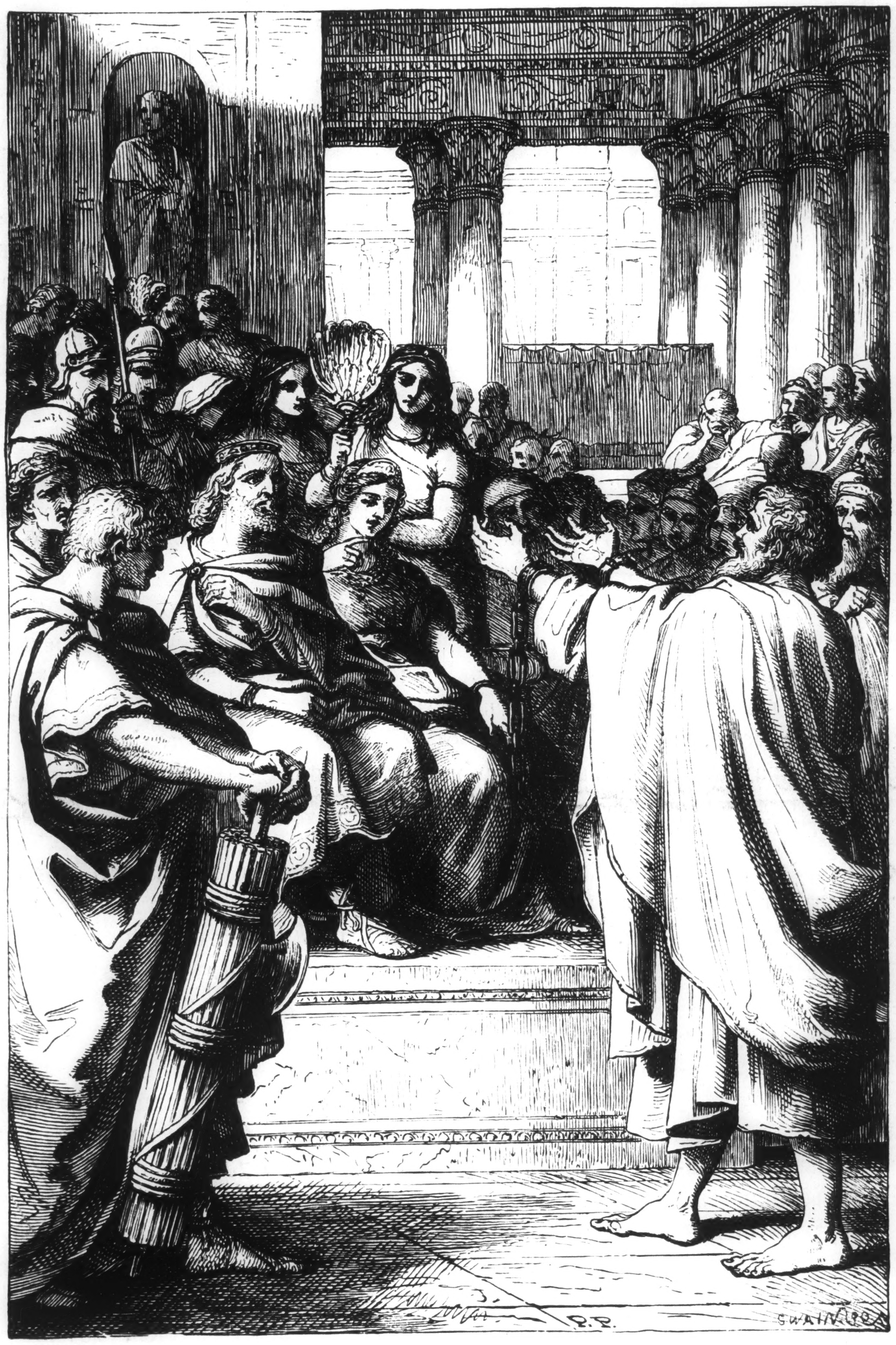
[7]) Дѣян. 11. 5—12. [8]) Дѣян. 12. 5—17.

[9]) Дѣян. 16. 25. [10]) Іоан. 15. 7. 16. 24.

Условія подписки: «Русскій Рабочій» выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Подписка принимается въ конторѣ Редакціи Журнала (Сергіевская ул., д. № 20, кв. 7) отъ 9 до 12 час. утра. Цѣна годовой подп. безъ достав. 60 к., съ дост. въ Спб. 75 к., съ перес. иног. 1 р.

Редакторъ-Издательница А. И. Пейкеръ.

Дозволено цензурою, Спб., 8 марта, 1883 года. Типографія Кесневиля и Балашева, Надеждинская, 39.



АПОСТОЛЪ ПАВЕЛЪ ПЕРЕДЪ ФЕЛИКСОМЪ.

(Дѣян. 24. 24).

АПОСТОЛЪ ПАВЕЛЪ ПЕРЕДЪ ФЕЛИКСОМЪ.

Стоитъ передъ римскимъ правителемъ человѣкъ, уже преклонныхъ лѣтъ, обвиняемый въ томъ, что онъ „язва общества, возбудитель мятежа, осквернитель храма [1])“.

Стоитъ онъ на судѣ, какъ преступникъ, протягиваетъ скованныя руки, но на устахъ нѣтъ оковъ; изъ устъ льются рѣчи, отъ которыхъ содрогаются слушатели; душа несвязана человѣческими узами, — она дышетъ свободно.

Старецъ этотъ — апостолъ Павелъ, — „сосудъ избранный, чтобы возвѣщать Имя Христово предъ народами и царями и сынами Израилевыми“; тотъ самый, про котораго Господь сказалъ: „Я покажу ему, сколько онъ долженъ пострадать за Имя Мое [2])“, О чемъ говоритъ онъ? О томъ же самомъ, о чемъ говорилъ неустанно, радостно столько лѣтъ; о томъ, ради чего трудился, страдалъ и умеръ — о драгоцѣнномъ Имени Христа. Было время, когда онъ гналъ это Имя; но душа его озарилась небеснымъ свѣтомъ, ее сокрушилъ Голосъ, взывающій свыше: „Савлъ, Савлъ, что ты гонишь Меня?“ Изъ сокрушенной души вырвались слова: „Господи, что повелишь мнѣ дѣлать [3])“? и съ того времени душа эта одного только стала желать и спрашивать: „Что Ты повелишь мнѣ дѣлать?“ — „Я разсудилъ быть у васъ не знающимъ ничего, кромѣ Іисуса Христа“. — „Да и все почитаю тщетою ради превосходства познанія Христа Іисуса, Господа моего. Для Него я отъ всего отказался [4])“.

— Да, Павелъ, законникъ непорочный, обученый всей премудрости фарисейской, ничего не захотѣлъ знать, кромѣ Христа распятаго; онъ это сказалъ ясно, рѣшительно, люди знали и видѣли, что его слова были истинны, и въ этомъ заключалась вся ихъ сила. Ничего — кромѣ Христа,—это была для него живая правда, которая охватила всю его душу и всю его жизнь.

Не разъ приходилось намъ глядѣть на различныя мірскія зрѣлища, болѣе или менѣе привлекательныя для глазъ и вредныя для души. Вглядимся теперь, мысленно, въ иное зрѣлище: оно не земное, хотя и на землѣ происходило. Смотрите: вотъ, идетъ по нашей землѣ человѣкъ, у котораго въ сердцѣ одна дума, одно желаніе, взоръ устремленъ все къ одной цѣли; старается лукавый отвлечь его глаза отъ этой единой точки, къ которой они прикованы, и не можетъ. Павелъ, куда ты стремишься такъ ревностно, чего ты достигаешь? Слышишь-ли, какъ тебя ненавидятъ? не боишься ты развѣ угрозъ людскихъ?

„Узы и скорби ждутъ меня, — отвѣчаетъ онъ, — но я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнью, только-бы съ радостью совершить поприще мое и служеніе, которое я принялъ отъ Господа Іисуса [5])“.

— Смотрите: онъ подъ ударами, израненый, окруженный врагами. Павелъ, куда скроешься ты отъ нихъ, что станется съ тобою теперь! Не колеблется твердая душа: она стоитъ на „якорѣ безопасномъ и крѣпкомъ“.

„Если я и содѣлываюсь жертвою... то радуюсь, говоритъ онъ“, ибо кратковременное, легкое страданіе наше производитъ въ безмѣрномъ преизбыткѣ вѣчную славу“. [6])

„Легкимъ“ называетъ онъ страданіе свое; тутъ любовь говоритъ, любовь, которая страдаетъ, не только безропотно, но охотно.

Христосъ сказалъ: „Бремя Мое **легко**“; Онъ зналъ, что вѣрность Ему не будетъ тягостна тому сердцу, которое будетъ любить Его. И Павелъ подтвердилъ слова своего Спасителя и назвалъ свое страданіе за Него **„легкимъ“**, потому что онъ любилъ Его. Любовь все покрыла, все заглушила, все побѣдила. Братъ мой, когда тебѣ захочется жаловаться на твою судьбу и назвать твою малую житейскую скорбь ужасною, невыносимою,—вспомни, что Павелъ, поруганный, измученый, называлъ свое великое страданіе легкимъ, и проси Господа научитъ и тебя, какъ любить и какъ страдать.

Вотъ — его побиваютъ камнями, онъ лежитъ окровавленный, побѣжденный! Нѣтъ, подымается великій воинъ и снова берется за оружіе Божіе. Павелъ, неужели ты еще дальше пойдешь; остановись, укройся хоть на время отъ напасти. „Я простираюсь впередъ, стремлюсь къ цѣли говоритъ онъ, для меня жизнь Христосъ, а смерть пріобрѣтеніе [7])“.

Приходитъ онъ въ Македонію, тутъ его опять бьютъ палками, заключаютъ въ мрачную темницу, забиваютъ ноги въ колоду. Что онъ тутъ дѣлаетъ? горюетъ, плачетъ, томится заточеніемъ? Нѣтъ, онъ **поетъ**, онъ славитъ Бога. Другіе узники услышали эти хвалебныя пѣсни, и Богъ услышалъ ихъ и отвѣтилъ на нихъ: „поколебалась темница, отворились всѣ двери, у всѣхъ узы ослабли [8])“,—Павелъ и Сила стали свободны.

Смотрите: онъ теперь въ Римѣ, онъ ждетъ своей казни и пишетъ эти слова: „Время моего отшествія настало, подвигомъ добрымъ я подвизался, теченіе совершилъ, вѣру сохранилъ [9]).“ Да, благодареніе Богу, онъ вѣру сохранилъ свято; крѣпко держалъ онъ ее до конца, такъ что: „ни смерть, ни жизнь, ни настоящее, ни будущее, ни скорбь, или тѣснота, или гоненіе, ни высота, ни глубина, ни какая тварь не

---

[1]) Дѣян. 24. 5. 6. [2]) Дѣян. 9. 15. 16. [3]) Дѣян. 9. [4]) 1 Кор 2. 2. Фил. 3. 8.

[5]) Дѣян. 20. 23, 24. [6]) 2 Кор. 4. 17. Фил. 1. 17.

[7]) Фил. 1. 21. 3. 13, 14. [8]) Дѣян. 16. 26. [9]) 2 Тим. 4. 6, 7.

могли отлучить его отъ любви Божіей во Христѣ Іисусѣ [10])“.

Римлянамъ кажется, что они влекутъ преступника на казнь, а между тѣмъ, это побѣдитель, идущій къ вѣчному торжеству. Павелъ, твой земной путь былъ труденъ, ты много переносилъ: „былъ въ трудахъ, безмѣрно въ ранахъ, въ темницахъ, терпѣлъ кораблекрушенія, много разъ былъ въ опасностяхъ, отъ разбойниковъ, отъ язычниковъ, отъ лжебратій, часто былъ въ изнуреніи, въ бдѣніи, въ голодѣ и жаждѣ, на стужѣ и въ наготѣ [11]).“ — Скажи теперь, въ твой послѣдній часъ, жалѣешь-ли ты, что отдалъ всю твою жизнь и всю твою душу на служеніе Христу?—„Я думаю, что нынѣшнія временныя страданія ничего не стоятъ въ сравненіи съ тою славою, которая откроется [12])“. Онъ кладетъ голову на плаху, радуясь, что „смертное поглощено будетъ жизнью и что выйдя изъ тѣла, онъ водворится у Господа, ибо быть со Христомъ несравненно лучше [13])“.

Далѣе мы не можемъ за нимъ слѣдовать: „не видѣлъ того глазъ, не слышало ухо... что приготовилъ Богъ любящимъ Его [14])“. Не можетъ взоръ человѣческій проникнуть въ „нерукотворенное, вѣчное жилище на небесахъ“, но духъ человѣческій призванъ Богомъ къ живому общенію съ тѣми, которые обитаютъ съ Нимъ въ Его славѣ.

„Вы приступили, говоритъ слово Божіе, къ небесному Іерусалиму... торжествующему собору... и къ духамъ праведниковъ, достигшихъ совершенства [15])“.

Слово Божіе включаетъ насъ въ небесную семью и утѣшаетъ насъ, земныхъ странниковъ, тѣмъ, что мы уже и теперь „сограждане святымъ и **свои** Богу [16])“.

Взглянемъ теперь еще разъ на Павла передъ Феликсомъ; какой отвѣтъ услышимъ мы на слова Апостола? „Теперь пойди, говоритъ правитель, а когда найду время, позову тебя“.

Времени онъ не нашелъ и не внялъ тому, что Павелъ говорилъ о „правдѣ, о воздержаніи и о будущемъ судѣ“. Онъ пришелъ въ страхъ, но этотъ страхъ послужилъ только къ тому, что онъ сказалъ: **уйди**. Онъ обѣщалъ найти время, обѣщалъ позвать опять, но все это осталось безплоднымъ. Душа, на минуту проснувшаяся, впала въ прежній, мертвый сонъ и пробудится только въ день суда.

Феликсъ былъ язычникъ, а мы христіане, скажутъ, можетъ быть, иные; намъ знакомо Имя Христово, извѣстенъ намъ и Павелъ, мы даже почитаемъ его и празднуемъ память его. Да, намъ извѣстно имя Павла, но живыя слова его какъ мертвы для насъ! Мы чтимъ память его, но какъ? Друзья, кто захотѣлъ бы, чтобъ въ такую минуту, когда міркимъ весельемъ и пированіемъ празднуется день великаго Апостола, положившаго жизнь свою за Христа, кто захотѣлъ-бы, чтобъ онъ, живой, предсталъ среди насъ; живой, съ своими скованными руками и устремленнымъ на Христа взоромъ! Кто захотѣлъ бы услышать среди мірскихъ, грѣховныхъ рѣчей его потрясающій голосъ! Не одинъ только язычникъ, а и многіе христіяне воскликнули бы: оставь насъ Павелъ! уйди съ твоими оковами, съ твоей святостью, съ твоими увѣщеваніями, съ твоей пламенной любовью ко Христу; не смотри на наши беззаконія, на наши безчинныя пированія, которыми мы позоримъ память твою; что общаго между тобою и нами? Найдемъ время,— позовемъ тебя!

Когда же настанетъ это время?

[10]) Римл. 8. 35, 39. [11]) 2 Кор. 11. 23, 27. [12]) Римл. 8. 18. [13]) 2 Кор. 5, 4, 8. Фил. 1 23. [14]) 1 Кор. 2. 9. [15]) Евр. 12. 22, 23. [16]) Ефсе. 2. 19.

ПОЗДНО!

Нѣсколько крестьянъ сидѣли за чайнымъ столомъ на постоялом дворѣ; глаза всѣхъ обращены были на разсказчика.

„Да братцы“, говорилъ Никифоръ, „я никогда не забуду того, что видѣлъ сегодня и избави меня Богъ, еще когда-либо хотя бы единую рюмку водки въ руки взять; довольно я безумствовалъ, не хочу я дожидать такого страшнаго конца, какой сегодня насталъ для бѣднаго Ивана. — Иванъ поѣхалъ на базаръ продавать пшеницу. Мы ѣхали вмѣстѣ; онъ успѣлъ продать все раньше меня и отправился съ друзьями прямо въ трактиръ,—спрыснуть удачный торгъ; рюмка за рюмкой—у нихъ въ глазахъ помутилось... Не знаю, какъ запрягли они потомъ лошадку, должно быть не ладно. Иванъ посадилъ всѣхъ въ свою телѣгу; набралось ихъ человѣкъ пять. Тронулись; я ѣхалъ сзади и, страшно мнѣ стало за нихъ; мчались они, не глядя на дорогу, съ крикомъ и пѣснями. У сосѣдняго трактира опять остановка, опять вино. Здѣсь я поровнялся съ ними. Садясь въ телѣгу, Иванъ оступился и упалъ; видно ужъ очень помутилось у него въ глазахъ. Да и другіе были не лучше. Подняли его. Что, спрашиваютъ, ушибся?— Ничего, отвѣчаетъ, заживетъ.

Хмѣль разбиралъ ихъ все сильнѣе; никто ужъ не могъ влѣзть въ телѣгу, нужно было трактирщику выйти, чтобъ ихъ втащить за ноги и за руки и уложить въ телѣгѣ одного за другимъ, словно телятъ. Править никто не могъ; возжи повисли, лошадь понесла; телѣга пошла прыгать по кочкамъ, по рвамъ, на право, на лѣво.—Ну, думаю, будетъ чудо, если они останутся цѣлыми. Но вотъ крутой спускъ, внизу ручей съ обрывистыми берегами. Кричу имъ изо всѣхъ силъ: стой, стой! они не слушаютъ меня. Вотъ

мостъ, вотъ поворотъ, а внизу вода. Я еще на полгорѣ, а лошадь ихъ несется прямо на ту сторону. Вдругъ слышу трескъ, ужасный крикъ... все рухнуло въ канаву: колеса, телѣга, оглобли въ перемежку съ руками и ногами человѣческими! Что за зрѣлище! Каждый карабкался, какъ могъ, всѣ изтерзанные, окровавленные! Егоръ сапожникъ держалъ лѣвой рукой правую оторванную кисть руки — не сдержать ей больше шила; у толстаго Петра нога вывернулась совсѣмъ назадъ; но это все еще ничего. „А Иванъ? спрашиваю, сватъ Иванъ гдѣ?“ Всѣ переглянулись, ищутъ; испугъ и боль отрезвили всѣхъ. Раздалось глухое хрипѣніе; прислушиваемся— должно быть тамъ въ водѣ; глядимъ; да, вотъ что-то смятое, исковерканное, обезображенное, едва похожее на человѣческое тѣло; и это что-то живетъ, страдаетъ, вздрагиваетъ, отъ несказаной муки. Я попытался дотронуться до него, чтобъ вытащить его на землю, но онъ такъ страшно застоналъ, что у меня вся кровь похолодѣла и я отступилъ.

„Бѣгите за старостой“, говорю, „до деревни недалеко“. Одинъ изъ менѣе ушибленыхъ побѣжалъ, хромая; другіе стояли вокругъ и толковали.

„Что съ нимъ дѣлать? — Какъ вы думаете, долго-ли ему мучиться?“ — „Сейчасъ кончится“. — Сейчасъ! Вотъ мой шуринъ, что проломилъ себѣ затылокъ послѣ ярмарки,—тоже, знаете, во хмѣлю,— онъ такъ промучился двое сутокъ“!

А Иванъ, слышалъ-ли онъ всѣ эти пересуды? Его изуродованное тѣло все по прежнему сотрясалось, издавая глухое хрипѣніе и стенаніе.

— „Хоть бы доктора найти!“— „Какое тутъ доктора! Ему кромѣ гроба ничего не нужно“.

Жалобные звуки стихали; я недоумѣвалъ, что дѣлать; вполовину въ водѣ, вполовину на землѣ лежалъ онъ, несчастный, и невозможно было и думать вытащить его. Изъ деревни сталъ стекаться любопытный народъ. Сердце мое замерло, когда я увидалъ, что подходитъ мать. Вы ее знаете всѣ, Матрену; славная женщина, и чего, чего она въ жизни не натерпѣлась. Ея мужъ, тоже пьяница, былъ убитъ въ дракѣ. Она подбѣжала, блѣдная, какъ смерть, глаза ея искали сына. Вдругъ она его увидала, протянула руки, пошатнулась и вскричала раздирающимъ душу голосомъ. Обезумѣвъ отъ горя, она бросилась къ нему, схватила на руки обезображенное тѣло и прижимая его къ своей груди, стала звать его нѣжнымъ голосомъ:

„Сыночекъ мой; мое дитятко, мой бѣдный Ваня, послушай меня, это я, твоя мать. Ваня, покайся, молись Господу Іисусу. Милосердый Спаситель, спаси ты его душу. Ваня, молись Господу, Спасителю!.. твердила она. Руки ея крѣпко обвивали его, испуганные глаза озирались кругомъ, ничего не видя; иногда она вздрагивала, вдругъ улыбалась, дико такъ, безсмысленно, улыбалась и шептала опять: Голубчикъ мой, помолись, тебѣ станетъ легче“...

Мы стояли кругомъ и всѣ плакали. Наконецъ, явился староста, подошелъ къ тѣлу и увидѣвъ, что все кончено, молча перекрестился.

„Напрасно, Матренушка“, сказалъ онъ, „Иванъ тебя не слышитъ“.

Она подняла на него омертвѣлые глаза.

— „Умеръ, умеръ?“ закричала она. Мы всѣ молчали.

„Умеръ! Убитъ! Безъ покаянія! Все кончено! Значитъ, поздно!...

Она вдругъ выпрямилась во весь ростъ и поднявъ руки, вскричала:

„Его душа, его душа! Господи, гдѣ теперь его душа! Поздно, поздно!“

Староста велѣлъ намъ увести несчастную мать. Мы окружили ее. Глаза ея были широко раскрыты, но не видѣли насъ; разсудокъ ея помѣшался; мы ее подняли и понесли домой; и всю дорогу повторяла она: поздно, поздно. Много сынку воли давала, бѣдная; и черезъ него какое горе приняла!“

Голосъ Никифора оборвался; онъ рукавомъ вытиралъ слезы; слушатели молчали и глубоко вздыхали.

„Нѣтъ, пей кто хочетъ“, продолжалъ онъ, оправившись, „а меня ужъ теперь не заманятъ. Я не хочу такъ умирать. Пора одуматься, пока еще не поздно.“

КАКЪ ВОСПИТАТЬ ДИТЯ?

Быть можетъ, нѣкоторые, читавшіе въ предъидущемъ номерѣ статью: „Чье это дитя“, задумались надъ этимъ вопросомъ и спрашивали себя: какъ же воспитать дитя? Съ чего начать и какъ выполнить задачу? Предлагаемъ, по этому поводу, нѣсколько размышленій; они вызваны опытомъ и сердечнымъ участіемъ, какъ къ дѣтямъ, такъ и къ желающимъ направить ихъ на путь истиннаго добра.

Прежде всего, скажемъ отцу или матери: **люби свое дитя.** „Какъ“, возразятъ они; „неужели тутъ требуются совѣты? Любовь присуща родительскому сердцу и никогда не угасаетъ. Бываютъ случаи, когда и разсудокъ пошатнется и силы оскудѣютъ, а любовь все живетъ.“

Это вѣрно; только то надо сказать, что не все то любовь, что любовью кажется. Можетъ она сердце и наполнять, и согрѣвать и тѣшить, а все таки истинною любовью не быть.

Первосвященникъ Илій, про котораго разсказываетъ намъ Св. Писаніе, должно быть очень любилъ своихъ сыновей, потому что когда узналъ о смерти ихъ, и самъ „упалъ навзничь, сломалъ себѣ хребетъ и умеръ“.

Между тѣмъ, Господь строго винитъ его въ томъ, что онъ зналъ, какъ сыновья его нечествуютъ, и не обуздывалъ ихъ; „и клянется Господь въ томъ что вина эта не

загладится ни жертвами, ни приношеніями хлѣбными во вѣкъ“ [1]).

Любить—не значитъ баловать, потворствовать дурнымъ наклонностямъ, оправдывать и закрывать недостатки ребенка; любить — не значитъ сносить тяжелый недугъ грѣха на душѣ ребенка и говорить: Это ничего! Заразится тѣло его какою нибудь болѣзнью, откроются язвы, повредятся члены и будутъ отецъ и мать надъ этимъ слезы проливать; а откроются язвы душевныя: станетъ дитя лукавить, обманывать, злобныя чувства проявлять, покривится душа его, — и родители не только не горюютъ и не стараются излечить болѣзнь, а напротивъ того, или вниманія не обратятъ, или еще большему грѣху научатъ.

Какъ воспитать дитя?

Откройте Св. Писаніе; и вглядитесь въ то, что Богъ называетъ любовью: Любовь, которая говоритъ правду и учитъ правдѣ; любовь, которая жаждетъ не только спасти грѣшную душу отъ осужденія, но омыть ее „бѣлѣе снѣга“, такъ чтобы то что было изъязвлено и осквернено грѣхомъ, стало чисто, непорочно и свято. Какъ непохоже на человѣческую любовь! Между тѣмъ, Спаситель нашъ говоритъ: „**Какъ** Я возлюбилъ васъ, **такъ** и вы любите другъ друга“ [2]). Нѣтъ у насъ въ сердцѣ такой любви: любви, которая не выноситъ пятна на томъ кого любитъ, которая „не ищетъ своего“, которая скажетъ: мнѣ дороже всего истинное, вѣчное благо моего ребенка; пусть лучше онъ проживетъ безъ похвалы людской, безъ прибыли земной, лишь бы душа его не запятналась грѣхомъ! „Господь мнѣ далъ двухъ сыновей“, сказалъ разъ одинъ отецъ „и Господь одинъ знаетъ какъ я люблю ихъ; но я бы во сто разъ лучше хотѣлъ схоронить ихъ обоихъ и остаться бездѣтнымъ и одинокимъ, нежели увидать ихъ оскверненными грѣхомъ“. Нѣтъ у насъ такой любви, потому что мы ко грѣху привыкли, какъ къ воздуху которымъ дышемъ, и грѣхъ насъ уже ни въ себѣ, ни въ другихъ не пугаетъ; нѣтъ такой любви, потому что мы кромѣ своей пустоты, своего убожества, своей нищеты, ничего не имѣемъ. Но мы можемъ, сознавъ свою нужду, вымолить себѣ такую любовь у Того, Кто ее можетъ дать. Мы можемъ подойти къ Источнику чистому, живому, такъ близко, что живая, чистая струя вольется и въ наше сердце и переполнитъ его.

Да; **люби** свое дитя, повторимъ мы отцу или матери: истинная любовь сдѣлаетъ тебя очень осторожнымъ, очень внимательнымъ, очень мудрымъ.

Не забудь, что Господь почтилъ и освятилъ родительскую любовь тѣмъ, что съ этой любовью сравнилъ Свою безконечную любовь: „Какъ отецъ милуетъ сыновъ, такъ милуетъ Господь боящихся Его“. „Какъ утѣшаетъ кого либо мать его, такъ утѣшу Я васъ“. „Господь Богъ твой учитъ тебя, какъ человѣкъ учитъ сына своего“. „Когда онъ былъ еще далеко, увидѣлъ его отецъ его и сжалился“ [3]). **Увидѣлъ**, потому что любилъ; **сжалился**, потому что любилъ; **побѣжалъ**, палъ на шею **и цѣловалъ** и все простилъ, потому что любилъ!

Съ какого возраста надо начинать воспитывать дитя? Какъ можно **раньше**. Малыя дѣти часто ростутъ какъ попало, безъ ухода: пусть дѣлаютъ что хотятъ, лишь бы не надоѣдали, а какъ подростутъ и нач-

¹) 1 Царст. 3. 13. 14. ²) Іоан. 13. 34.

³) Псал. 102. 13. Ис. 66. 13. Втор. 8. 5. Луки 15. 20.

нутъ своевольничать, не слушаться, грубо отвѣчать отцу и матери, тутъ то родители опомнятся и въ свою очередь начнутъ безпрестанно бранить, наказывать, такъ что вмѣсто семейнаго согласія, выходитъ постоянная семейная ссора и у дѣтей ложится горечь на сердце.

Цѣль наказанія есть исправленіе того что испорчено. Мудрые родители, **заранѣе**, такъ **направляютъ** воспитаніе, что не приходится потомъ его **исправлять**.

Уже въ колыбели, еще не понимая словъ, ребенокъ умѣетъ читать въ глазахъ и различаетъ, по голосу, ласку, или досаду и нетерпѣніе. Онъ хмурится, когда видитъ сердитый взглядъ и улыбается и ручки протягиваетъ въ отвѣтъ на любовь.

Пользуйтесь этимъ дѣтскимъ чутьемъ, чтобы, съ самаго начала, покорить едва проснувшуюся волю ребенка и пріучить его къ послушанію; и не уступайте ребенку, въ томъ что ему вредно, ни изъ за криковъ его, ни изъ за слезъ. Поплачетъ разъ или два, потому что мать того или другаго не даетъ или не позволяетъ трогать, потомъ привыкнетъ что надо слушаться и перестанетъ плакать. А часто бываетъ не такъ: ребенку сперва говорятъ: нельзя; потомъ, изъ за того что онъ надоѣдаетъ крикомъ и просьбами, ему говорятъ: „Ну, можно, можно, только замолчи“. Онъ замолчитъ и матери въ ту минуту легче станетъ; зато душѣ ребенка сдѣланъ вредъ, и матери потомъ станетъ очень не легко, когда ребенокъ докажетъ, что онъ словъ ея не уважаетъ. Послушаніе волѣ родительской есть начало повиновенія Волѣ Божіей, и это начало можетъ быть положено даже и въ младенческое сердце. Одна мудрая мать, воспитавшая многихъ дѣтей на славу Божію и на пользу ближнимъ, говоритъ: „Мои дѣти были отъ природы очень своевольны; но мы другъ съ другомъ рано перестали воевать. Съ моимъ старшимъ сыномъ, который теперь уже взрослый и радуетъ мое сердце, я въ послѣдній разъ воевала когда ему было десять мѣсяцевъ. Въ назначенное время, я его стала укладывать спать, а онъ хотѣлъ играть и началъ кричать. Я его все таки уложила въ колыбельку; онъ сталъ барахтаться, сердиться, биться руками и ногами; я спокойно придерживала его рукой повторяя: надо спать, и не давала ему приподняться. Это продолжалось болѣе получаса; ребенокъ долго плакалъ и мнѣ такъ тяжело было не уступить ему, что когда онъ заснулъ, я сама заплакала; но для его же блага, я не уступила, и эта была наша послѣдняя борьба. Случалось, конечно, что онъ по забывчивости, не слушался и дѣлалъ то что было запрещено; но онъ, съ тѣхъ поръ, никогда болѣе прямо не противился моей волѣ и не упорствовалъ противъ меня. Первая борьба и побѣда дорого мнѣ стоили, но зато потомъ, оно вознаградилось мнѣ сторицей“.

„Наставь юношу **при началѣ** пути его“ говоритъ Св. Писаніе. „**При началѣ**“ — замѣтьте; самые **первые** шаги его направь на добрый путь.

Надо чтобы въ ребенкѣ возрастало и укрѣплялось чувство довѣрія къ родителямъ и почитанія ихъ. Нужно это для того, чтобы не засохло дѣтское сердце и чтобы имѣло оно твердую опору въ жизни. Нужно это потому, что это есть воля Божія; и чувство это врожденно у дитяти и долго живетъ въ душѣ его, пока наконецъ родители сами не заглушатъ его.

Поддерживайте чувство довѣрія въ ребенкѣ и никогда не обманывайте его, даже шутя. Многія матери имѣютъ привычку утѣшать плачущаго ребенка обѣщаніями: погоди, не плачь, придетъ отецъ принесетъ гостинцевъ. Ребенокъ вѣритъ и утѣшается. Приходитъ отецъ и онъ, въ ожиданіи обѣщаннаго подарка, раскрывъ ручки, бѣжитъ къ нему; у отца ничего нѣтъ. Дитя грустно отходитъ, или опять начинаетъ плакать; а въ сердце его вкрадывается впечатлѣніе что мама солгала. Другіе пугаютъ дитя:—грозятъ подарить или продать его за то что оно плачетъ; дитя боится потому что вѣритъ, а скоро перестаетъ и бояться и вѣрить. Какое неумѣніе со стороны родителей, какое безсиліе доказываютъ всѣ эти хитрости! Мать не знаетъ какъ иначе справиться съ крошечнымъ, неразумнымъ созданіемъ, — и поэтому, обманываетъ его; и ей не стыдно, потомъ, глядѣть въ невинные глаза ребенка, и не страшно думать что ребенокъ, по ея примѣру, скоро и самъ начнетъ обманывать.

Все это мелочи, скажутъ можетъ быть; на это не стоитъ обращать такъ много вниманія. Мелочи по виду, но не по существу. Изъ мелочей составляются крупныя дѣла: изъ мелкаго зерна выростаетъ большое растеніе; мелкія капли сливаются вмѣстѣ и составляютъ широкую рѣку; изъ сравнительно мелкихъ камней, положенныхъ одинъ на другой, воздвигаются огромныя, вѣками стоящія, зданія.

Возьмемъ другой примѣръ: Ребенокъ знаетъ что вы не любите какую нибудь сосѣдку вашу; знаетъ это потому, что вы не остерегались при ребенкѣ, отзываться о ней дурно и можетъ быть сказали: пусть бы она никогда ко мнѣ на глаза не показывалась. Она приходитъ; вы притворяетесь, что очень ей рады; не говорите ей въ глаза то, что вы противъ нея имѣете, лукавите съ нею и словомъ и взглядомъ, а ребенокъ зорко наблюдаетъ и отъ васъ учиться лукавить и отступать отъ той святой правды и **нелицемѣрной** любви, которыя угодны Богу.

Придетъ время, будетъ дитя вамъ лгать—будетъ на глазахъ вашихъ дѣлать одно, а за глазами другое,— и вы пожнете то что посѣяли.

Учите дитя; но не словами только и наказаніями, какъ это обыкновенно понимается, — а главное, **дѣломъ**. Своею любовью — учите его любить; своею кротостью и

терпѣніемъ, учите его терпѣть; своею преданностью Богу и покорностью Волѣ Его, — учите и его возносить очи и сердце къ небесному Отцу. Какъ въ зеркалѣ, отразится въ душѣ дитяти, то что находится въ вашей душѣ и что изъ нея изливается.

Какъ все это трудно запомнить и исполнить, скажутъ иные; всѣ эти размышленія не для рабочихъ людей! Намъ нѣкогда объ этомъ думать. Намъ надо хлѣбъ насущный добывать, а на все остальное рукой махнуть; авось не очень худо выйдетъ.

Положи руку на сердце, другъ мой, и обсуди самъ, добросовѣстное ли это возраженіе. Находится время у отца гулять съ пріятелями; находится время у матери вести пустые разговоры съ сосѣдками и сидѣть въ гостяхъ; правда ли, что на свое дитя не хватитъ времени, было бы желаніе и сознаніе что это есть первый и святой долгъ?

Не въ томъ бѣда, что времени нѣтъ, а въ томъ, что истиннаго попеченія нѣтъ; а попеченія потому нѣтъ, что на многіе грѣхи рукой не махнулъ, а на душу свою и дѣтей своихъ, дѣйствительно, махнулъ рукой; оставляешь ихъ безъ призрѣнія, безъ ухода, потому что непонялъ смыслъ этихъ словъ: „Что пользы человѣку если онъ пріобрѣтетъ весь міръ а душѣ своей повредитъ?“ и еще: „Кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ... тому лучше было бы еслибы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею и бросили его въ море“ [4]).

Очень не полно, очень недостаточно все то, что было сказано нами о столь важномъ предметѣ; но оно сказано было отъ души и, можетъ быть, въ какую нибудь душу и западетъ. Еще одно слово: Спаситель нашъ, когда былъ на землѣ, призвалъ къ Себѣ дѣтей для того чтобы **благословить** ихъ. Въ другомъ мѣстѣ Писанія говорится что „Христосъ оставилъ намъ примѣръ для того чтобы мы шли по слѣдамъ Его“. [5]) Вспоминая, какъ возложены были благословляющія Руки Христовы на головы дѣтей, какъ обнимали ихъ эти Руки и какъ сказалъ Онъ про нихъ что „нѣтъ воли Отца небеснаго, чтобы погибъ одинъ изъ малыхъ сихъ“, [6]) будемъ стремиться къ тому, чтобы каждое и наше слово и дѣйствіе падали какъ **благословеніе** на дѣтское сердце. Будемъ **благословлять** нашихъ дѣтей, помня что ихъ Господь благословилъ. Иной разъ, придется огорчить дитя, отказавъ ему въ томъ чего оно желаетъ, какъ и Господу приходится огорчать насъ и посылать намъ испытанія и скорби; но скорбь, Имъ посланная, точно также какъ и радость Имъ посланная, приносятъ благословеніе душѣ, потому что обѣ посланы мудрой и любящей Рукою. Такъ же можемъ и мы, даже огорчая дитя, въ то же время **благословлять** его, если огорчаемъ его не по своему неразумному произволу и раздраженію, а для его блага.

Будемъ благословлять дѣтей нашихъ, потому что Спаситель нашъ ихъ благословилъ, и насъ благословилъ; и Апостолъ Его намъ говоритъ: „**благословляйте**, зная что вы къ тому призваны, чтобы наслѣдовать **благословеніе**“. [7])

Будемъ вести дѣтей къ жизни вѣчной; и да дастъ намъ Господь, вмѣстѣ съ ними, предстать передъ Нимъ, во славѣ Его, и сказать: „Вотъ я, и дѣти, которыхъ далъ мнѣ Богъ“. Ни одного не погубить своимъ нерадѣніемъ, ни одного не соблазнить своими грѣхами; всѣхъ сохранить! Сохранить ихъ не въ нашихъ безсильныхъ рукахъ, а передавая ихъ всецѣло въ Руки Божіи. То что Онъ хранитъ, то будетъ цѣло.

«ПУСТИТЕ ДѢТЕЙ ПРИХОДИТЬ КО МНѢ...
И ОБНЯВЪ ИХЪ, ВОЗЛОЖИЛЪ РУКИ НА НИХЪ И БЛАГОСЛОВИЛЪ ИХЪ».

Марк. 10. 14—16.

Редакція объявляетъ, что годовые экземп. журнала за 1878 г. имѣются теперь только въ обертке; (цѣна 75 коп. съ пересылкой) такъ что годовые экземп. по 25 коп. можно получить только за четыре года.

[4]) Марк. 9. 42.

[5]) 1 Петр. 2. 21. [6]) Матѳ. 18. 14.

[7]) 1 Петр. 3. 9.

ОБРАЩЕНІЕ АПОСТОЛА ПАВЛА

«Савлъ, Савлъ, что ты гонишь Меня?»

(Дѣян. 9. 4.)

Вѣрно и всякаго принятіе достойно слово что Христосъ Іисусъ пришелъ въ міръ спасти грѣшниковъ, изъ которыхъ я первый. Но для того я и помилованъ, чтобы Іисусъ Христосъ во мнѣ первомъ показалъ все долготерпѣніе, въ примѣръ тѣмъ которые будутъ вѣровать въ Него къ жизни вѣчной.

1. Тим. 1. 15. 16.

Условія подписки: «Русскій Рабочій» выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Подписка принимается въ конторѣ Редакціи Журнала (Сергіевская ул., д. № 20, кв. 7) отъ 9 до 12 час. утра. Цѣна годовой подп. безъ достав. 60 к., съ дост. въ Спб. 75 к., съ перес. иног. 1 р.

Редакторъ-Издательница А. И. Пейкеръ.

Дозволено цензурою, Спб., 3 мая, 1883 года.

Типографія Кесневиля и Балашева, Надеждинская, 39.

СВѢТЪ СЪ НЕБА—МИРЪ НА ЗЕМЛѢ.

(Луки 2. 8—14).

СВѢТЪ СЪ НЕБА—МИРЪ НА ЗЕМЛѢ.

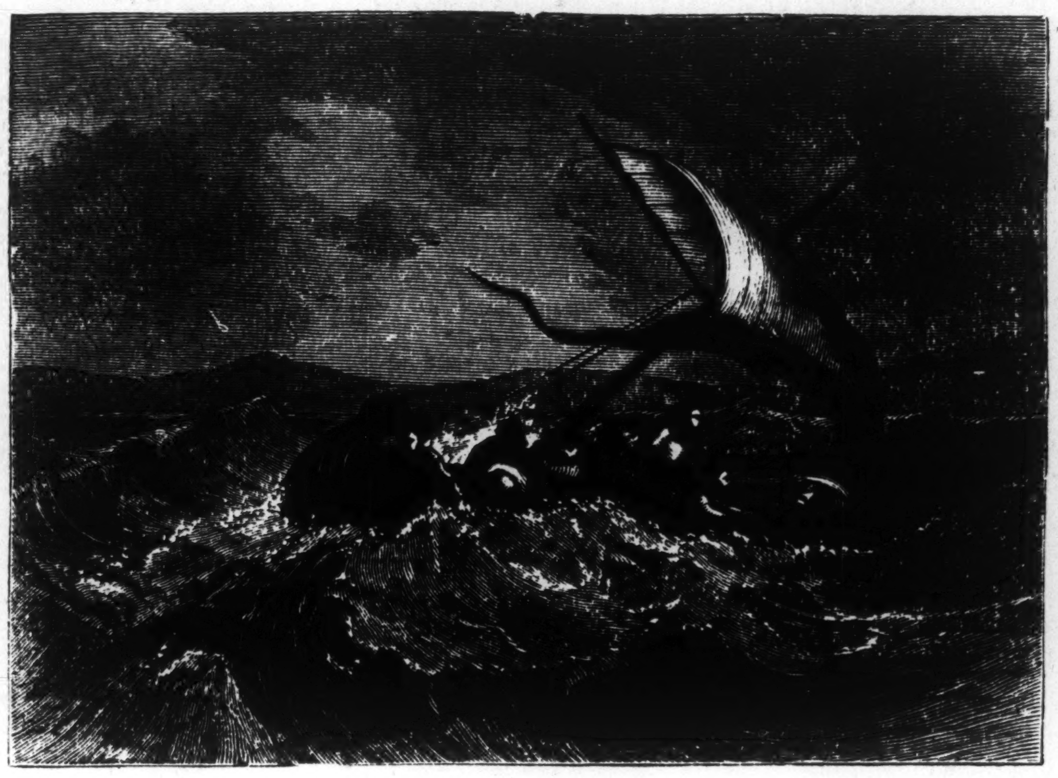
На какой землѣ? Неужели на этой нашей землѣ, упитанной грѣхомъ и истерзанной всѣми послѣдствіями грѣха? Неужели на этой землѣ, гдѣ столько ненависти, злобы, распрей; гдѣ столько шума и тревоги? Да; появился свѣтъ съ неба, запѣли ангелы, и въ пѣніи ихъ слышались слова, „на землѣ—миръ“.

Миръ, — потому что сошелъ съ неба на землю великій Миротворецъ — Господь Іисусъ Христосъ. „Онъ есть миръ нашъ“;[1]) Примиритель нашъ съ Богомъ и съ людьми. Дорого стоило Ему это примиреніе, но Онъ совершилъ его, Своимъ страданіемъ; и со слезами оплакивалъ жестокосердіе тѣхъ, которые не хотѣли этотъ миръ принять [2]).

Онъ основалъ духовное Царство мира на нашей безпокойной, грѣшной землѣ, и это царство стоитъ и ростетъ, — хоть и невидимо.— Граждане этого царства еще разсѣяны, часто скитаются здѣсь, какъ на чужбинѣ, и не находятъ себѣ у людей пристаница и сочувствія; но придетъ время, когда „Господь мира“ и чада мира соединятся на вѣки и царство мира восторжествуетъ. Покуда же, они хоть и странники, а высоко и крѣпко держатъ мирное знамя небесной родины своей—они терпятъ многія невзгоды, но никакая житейская буря не можетъ вырвать у нихъ этого роднаго знамени изъ рукъ.

Христосъ далъ имъ „служеніе примиренія“; [3]) Христосъ сказалъ: „блаженны миротворцы, ибо они будутъ наречены сынами Божіими“; [4]) и этого для нихъ достаточно. Быть сынами Божіими—вотъ единственное блаженство, котораго они ищутъ.

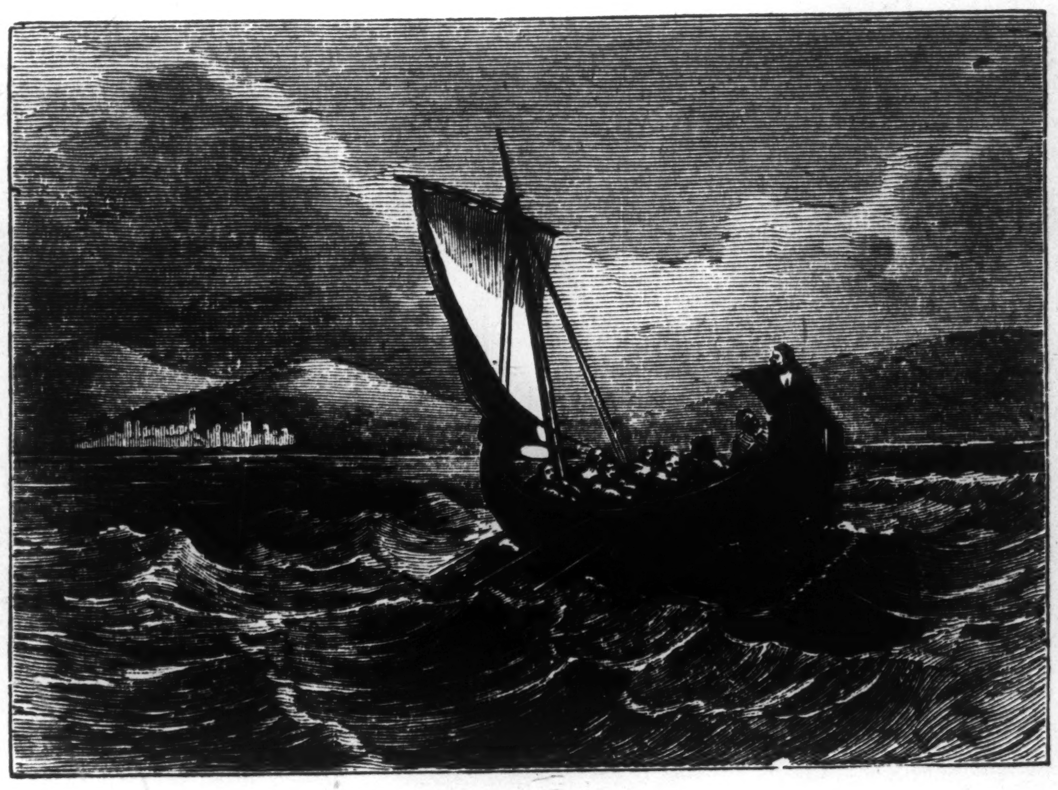
Но, какъ трудно, почти невозможно жить мирно на этой немирной землѣ! скажутъ, быть можетъ, иные. Св. Писаніе говоритъ про такое время, когда „волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ ягненкомъ,... и малое дитя будетъ водить ихъ... Не будутъ дѣлать зла и вреда на всей святой горѣ Моей; ибо земля будетъ наполнена вѣдѣніемъ Господа, какъ воды наполняютъ море“; [5])— но это время еще вполнѣ не настало. Теперь же, напротивъ того, „по причинѣ умноженія беззаконія, во многихъ охладѣваетъ любовь“. [6])



Буря.

„Господи, спаси насъ, погибаемъ!“

(Матѳ. 8. 25).



Тишина.

„Вставъ, Онъ запретилъ вѣтру... сказалъ морю: умолкни; и сдѣлалась великая тишина.

(Марк. 4. 39).

Теперь, люди „исполнены зависти, убійства, распрей, злорѣчивы, клеветники, нелюбовны, непримиримы, немилостивы“. [7])

Оно, дѣйствительно, такъ; но слышите ли что говоритъ намъ на это Господь. „Сіе сказалъ Я вамъ, чтобы вы имѣли **во Мнѣ миръ**“. [8]) **Въ Немъ** миръ; что бы ни было вокругъ и внутри насъ.

Въ Немъ былъ миръ для бѣдныхъ учениковъ, когда лодку ихъ, среди бурнаго моря, заливало волнами и сердце ихъ изнывало отъ страха; а Онъ, вставъ, сказалъ морю: умолкни; и сдѣлалась великая тишина. „Во Мнѣ — миръ“, повторяетъ намъ и теперь Спаситель. Обременяютъ ли насъ грѣхи наши;—въ Немъ—миръ, потому что Онъ „имѣетъ власть **прощать** грѣхи“ [9]); лежитъ ли на сердцѣ забота, въ Немъ—миръ, какъ бы велика ни была забота. Обижаютъ ли насъ, тѣснятъ ли со всѣхъ сторонъ, въ Немъ для насъ—миръ. Его, безгрѣшнаго, обижали, тѣснили со всѣхъ сторонъ,—и Онъ, Агнецъ кротчайшій, не отверзавшій устъ своихъ, кладетъ руку Свою на уста наши, такъ что и они не ропщутъ, а молчатъ.

Трудно ли намъ жить, скуденъ ли нашъ хлѣбъ насущный, тяжела ли наша работа, — въ Немъ, небесномъ Труженикѣ, Который „обнищалъ ради насъ“; ходилъ съ мѣста на мѣсто, не имѣя пристаница; терпѣлъ голодъ, жажду, усталость ради насъ,—въ Немъ—миръ нашъ.

---

[1]) Ефес. 2. 14. [2]) Луки 19. 41, 42. [3]) 2 Кор. 5. 18.

[4]) Матѳ. 5. 9.

[5]) Исаіи. 11. 6. [6]) Матѳ. 24. 12. [7]) Римл. 1. 29. [8]) Іоан 16. 33. [9]) Марк. 2. 10.

Съ Нимъ, самая горькая доля услаждается, и сердце благодаритъ Его за то самое, о чемъ, безъ Него, горевало.

Куда свѣтъ съ неба падаетъ,— тамъ и миръ водворяется.

Господи! дай намъ въ лучахъ Твоего свѣта жить, въ Твоемъ мирѣ пребывать и къ этому миру всѣхъ призывать!

„Миръ, миръ дальнему и ближнему, говоритъ Господь“ [12]).

И мы, во Имя Его, да скажемъ то же самое. „Миръ братьямъ и любовь, съ вѣрою, отъ Бога Отца и Господа Іисуса Христа“ [13]).

МИРЪ ВЪ СЕМЬѢ.

„Перестань, Степанъ; не стыдно тебѣ напрасно ихъ бить“, говорила Наталья, стараясь защитить дѣтей отъ толчковъ и ударовъ отца.

Степанъ вернулся домой сердитый, голодный, и напустился на дѣтей только потому что они попались ему на дорогу. Всѣ они притаились по угламъ, потомъ одинъ за другимъ, выбѣжали на улицу, а Наталья, съ нахмуреннымъ лицомъ, стала подавать обѣдъ. Степанъ не любилъ обѣдать съ дѣтьми; они ему надоѣдали своей болтовней; поэтому, онъ гналъ ихъ подальше, какъ только приходилъ домой. Наталья не разгоняла ихъ такъ часто какъ мужъ, но рѣдко ласкала, часто бранила; дѣти, лишенные свободы, дома сидѣли пригорюнившись; зато какъ вырвутся на волю, то давай шалить и, по примѣру родителей, кричать и ссориться; такъ что Степановы ребята, своими проказами, стали извѣстны всему околодку. Странная была семья: какая то безотрадная, несогласная; а видимыхъ причинъ на то, какъ будто, не было.

Степанъ былъ не пьяница; Наталья была женщина степенная, работящая; дѣти были не хуже другихъ дѣтей, кабы съ ними обходиться какъ слѣдуетъ. Не знали они, должно быть, того закона любви, который велитъ все переносить, все прощать, ради Христа; не было у нихъ той истинной мудрости, которая, по словамъ Св. Писанія, „мирна, скромна,... полна милосердія и добрыхъ дѣлъ“; отъ того то браннымъ словамъ и давался такой просторъ.

Вотъ, Степанъ сидитъ, обѣдаетъ; и молчалъ ужъ бы лучше, если добрыя слова на уста не идутъ; нѣтъ, все онъ ворчитъ: то не ладно, другое не ладно; на работѣ трудно, съ мастерами житья нѣтъ, хозяинъ несправедливъ.

— „Не тебѣ одному трудно“, прерываетъ его, съ досадой, Наталья; „а мнѣ то каково съ ребятишками, да со стиркой день и ночь возиться. Тебѣ, небось, до дѣтей твоихъ и горя мало; только разгонять ихъ умѣешь“.

Завязался споръ — все громче и громче; наконецъ, Степанъ отправился опять на работу, а Наталья, съ угрюмымъ лицомъ, принялась убирать посуду.

Вдругъ, послышался около нея сдержанный плачъ; лицо ея смягчилось; она распахнула перегородку и подошла къ кровати.

На кровати лежалъ Ваня, старшій ихъ сынокъ; мальчикъ лѣтъ десяти, блѣдный, худенькій, съ большими, кроткими глазами и такимъ лицомъ, на которомъ точно написано было: я уже давно, давно страдаю. Да; Ваня уже давно страдалъ; было время когда онъ бѣгалъ въ школу, учился тамъ прилежно и даже получилъ въ награду Новый Завѣтъ; но это время уже давно прошло. Онъ сильно простудился, въ одинъ суровый, зимній день; простуда легла на грудь, и Ваня сталъ хворать. Сначала, онъ могъ еще бродить по комнатѣ; но постепенно, почти незамѣтно, силы его стали уходить, кашель усиливался и Ваня слегъ. „Больше не встанетъ“ говорили сосѣдки, покачивая головой; „ужъ къ кому чахотка привяжется, того она живымъ не оставитъ“.

И мать это чувствовала и какъ то тихо и осторожно обходилась съ нимъ.

— О чемъ ты, Ваня? спросила она съ участіемъ; „я думала ты спишь или книжку свою читаешь, и вдругъ слышу: ты плачешь“.

— „Я спалъ, мама“, отвѣчалъ мальчикъ дрожащимъ отъ слезъ голосомъ, „и сонъ видѣлъ такой хорошій: мнѣ приснилось, что я въ какое то мѣсто пришелъ, гдѣ все такъ тихо, свѣтло. Много видѣлъ я людей: у всѣхъ лица радостныя, ласковыя, всѣ другъ друга любятъ. Маленькихъ дѣтей на рукахъ Ангелы носятъ, а вдали слышится такое чудное пѣніе. Вдругъ, я проснулся и услышалъ около себя ужасный шумъ и мнѣ стало такъ тяжело, такъ жаль, что я ушелъ изъ того мѣста, гдѣ такъ тихо и хорошо, что я заплакалъ“.

Слезы опять полились изъ глазъ Вани, а Наталью кольнуло въ сердце. Она знала, что ребенокъ часто, по слабости своей, бывалъ въ забытьи и ему тогда чудились различные голоса и звуки; но тотъ шумъ, про который онъ говорилъ, ему не почудился; этотъ шумъ, который поразилъ его такъ болѣзненно, она знала, что это была ея брань со Степаномъ. Каково было слышать это ребенку, который уже стоялъ на самомъ порогѣ небеснаго міра!

— „Не плачь, дитятко“, сказала Наталья ласково; „слышишь, какъ теперь все тихо: никакого шума не слыхать. А можетъ быть, ты скоро уснешь и опять увидишь то мѣсто, гдѣ Ангелы“.

Ваня улыбнулся матери и закрылъ глаза. Да; засыпай скорѣе, Ваня; а то вокругъ тебя, пожалуй, не долго будетъ тихо.

Впрочемъ, лицо матери становилось все тише, все мягче, по мѣрѣ того какъ она глядѣла на дрем-

[11]) 2 Кор. 8. 10. [12]) Исаіи 57. 19. [13]) Ефес. 6. 23.

лющаго ребенка. Она вспоминала сонъ его:—всѣ ласковыя, всѣ другъ друга любятъ;—„да“; шептала она, „на небѣ оно видно такъ и есть; а ужъ на землѣ этому не бывать“, и вздохнувъ глубоко, она отошла.

Черезъ нѣсколько времени прибѣжали дѣти; Наталья поглядѣла на нихъ ласковѣе обыкновеннаго, достала имъ поломанныя игрушки, усадила ихъ играть и, погладивъ ихъ по головѣ, сказала: „Смотрите, не шумите; мама скоро чаю дастъ“. Она заглянула на Ваню; Ваня спалъ, а мать стерегла покой его; „вѣрно“, думала она „онъ теперь хорошій сонъ видитъ“, и она наблюдала, чтобы не было шума, боясь что дитя, проснувшись, опять заплачетъ. Вдругъ, одинъ изъ маленькихъ мальчиковъ, за игрой, весело разсмѣялся. Наталья принялась было унимать его, но слабый голосокъ Вани позвалъ Сережу къ себѣ. Трехлѣтній Сережа былъ большой любимецъ старшаго брата; онъ нянчилъ его, когда тотъ лежалъ еще въ колыбели, а теперь любилъ, когда маленькій мальчикъ карабкался къ нему на кровать, гладилъ его по щекѣ и называлъ его: „няня“. Сережа подбѣжалъ къ брату, продолжая громко смѣяться; и Наталья увидала, что Ваня отъ этого шума не плакалъ, а напротивъ улыбался.

Вечеромъ, когда всѣ дѣти спали, пришелъ съ работы Степанъ. Наталья молча подала ему ужинъ и прежде чѣмъ онъ успѣлъ что-нибудь сказать, она начала вполголоса разсказывать ему про Ванинъ сонъ и Ванины слезы.

Степанъ слушалъ внимательно и когда она докончила, онъ провелъ рукавомъ по глазамъ и сказалъ: „Да; хорошо бы потише жить; надо бы душу ребенка, хоть передъ концомъ, не тревожить“.

Вечеръ прошелъ спокойно; на другое утро, мужъ и жена оба заботились о томъ, чтобы не тревожить душу ребенка, и поэтому, не ссорились. Когда Степанъ ушелъ на работу, Наталья, съ шитьемъ, подсѣла къ Ванѣ и сказала: „Почитай ка, Ванюша, изъ книжки твоей, а я послушаю“. Она знала, что ничѣмъ больше нельзя было такъ потѣшить его. „Книжка его“—былъ тотъ Новый Завѣтъ, который онъ получилъ въ школѣ, и который теперь всегда лежалъ у него подъ подушкой. Ваня сталъ перечитывать свои любимыя мѣста: про то какъ Спаситель далъ миръ душевный Своимъ ученикамъ, какъ Онъ имъ сказалъ чтобы они всѣхъ любили, все переносили, ради Него; а мать слушала и думала себѣ: „значитъ не только на небѣ, а и на землѣ можетъ это быть; вѣдь это все сказано людямъ, которые на землѣ жили“.

Съ того времени Ваня каждый день читалъ матери изъ своей книжки, читалъ, иной разъ, по вечерамъ, когда и отецъ тутъ былъ; святыя слова проникали въ душу и приносили миръ. Но Ванина душа быстро дозрѣвала къ небесной жатвѣ, и насталъ день, когда онъ уже не могъ читать, могъ только улыбаться отцу и матери и поднимая глаза къ небу, и имъ указывать туда. Къ вечеру этого дня его на землѣ не стало.

Еще тише стало въ семьѣ Степана. Дѣти не смѣялись громко, не играли. Наталья одѣвая его въ бѣлую рубашечку и складывая ему руки на груди, плакала, а вмѣстѣ съ тѣмъ радовалась: „Въ покоѣ ты теперь, мой родной; не будешь ты больше плакать отъ людскаго шума“, шептала она. Ваню схоронили, но тишина въ семьѣ Степана, осталась; осталась память Вани, живая; осталась Божія книга, въ которой онъ читалъ и въ которую, послѣ него отецъ сталъ часто заглядывать. Остался голосъ ребенка, и слезы его, и чудный сонъ его въ сердцѣ матери и все это хранило сердце ея въ тишинѣ.

Бывало, сидитъ Наталья за работой у окошка; а подлѣ нея дѣтки мирно играютъ; подниметъ она глаза къ небу, куда Ваня смотрѣлъ, когда умиралъ, — и точно видитъ она Ваню въ радости, во свѣтѣ и точно онъ манитъ ее туда, чтобы она чаще туда смотрѣла. Тихо было въ душѣ Натальи, когда она объ этомъ размышляла, и дѣти довѣрчиво къ ней прижимались и часто съ нею про Ваню говорили; а Степанъ, какъ застанетъ ихъ вмѣстѣ, за такой бесѣдой, и самъ подлѣ сядетъ и о томъ же рѣчь начнетъ.

ВОДА МИМОТЕКУЩАЯ.

(Изъ твореній Св. Тихона Задонскаго.)

Что вода мимотекущая, то и житіе наше и все въ житіи случающееся. Видимъ, что вода въ рѣкѣ непрестанно течетъ и проходитъ, и все вверху воды плывущее, какъ то: лѣсъ, соръ и прочее проходитъ. Христіанине! тако житіе наше, и, съ житіемъ, все благополучіе, и неблагополучіе мимо идетъ. Не было меня прежде нѣсколькихъ лѣтъ, и се есмь въ мірѣ какъ и прочія твари „Руцѣ Твои сотвористе мя и создасте мя, Господи“)[1].

Былъ я младенецъ, и миновало то. Былъ я отрокъ, и то прошло. Былъ я юноша, и то отошло отъ меня. Былъ я мужъ совершенный и крѣпкій, минуло и то. Нынѣ сѣдѣютъ власы мои, и отъ старости изнемогаю; но и то проходитъ, и къ концу приближаюся, и пойду въ путь всея земли. Родился я на то, чтобы мнѣ умереть. Умираю ради того, чтобы мнѣ жить.

Что мнѣ случилося, то и всякому человѣку. Былъ я здоровъ и боленъ, и паки здоровъ и боленъ, и прошло то. Былъ въ благополучіи и въ неблагополучіи: прошло время, и со временемъ все миновало. Былъ я въ чести: прошло то время, и честь отъ меня отступила. Люди меня почитали и покланялись: минуло то время, и не вижу

[1]) Псал. 118. 73.

того. Былъ я веселъ, былъ и печаленъ, радовался я и плакалъ; и нынѣ тоже мнѣ случается: проходятъ дни, проходитъ съ ними и печаль и веселіе, радость и плачь. Хвалили меня и славили люди, хулили и поносили; и которые хвалили, тѣ и проклинали; и которые хулили, тѣ и хвалили: прошло время, прошло и все, миновалась хвала и хула, слава и безславіе. Тоже слышу и нынѣ: то хвалятъ, то хулятъ, то прославляютъ, то безславятъ; знаю, что и то минуется: пройдетъ время, пройдетъ хула и хвала, слава и безславіе. Что мнѣ случилось и случается, то и всякому человѣку, живущему въ мірѣ семъ. Таковъ бо есть міръ, такое и постоянство его, такое и житіе наше въ мірѣ. Бѣдный человѣкъ отъ утробы матери своея даже до гроба: рождается съ плачемъ, живетъ въ мірѣ, какъ корабль въ морѣ плаваетъ, и то восходитъ, то нисходитъ, то подымается, то ниспускается, и умираетъ съ плачемъ. Жилъ я въ богатомъ дому, жилъ и въ хижинѣ: прошло время, и таковый покой отступилъ отъ меня. Живу нынѣ въ хижинѣ и тѣснотѣ, и того не будетъ. Сидѣлъ я за богатою трапезою, сидѣлъ и за скудною: прошли дни тѣ, прошло и все, что въ нихъ было. Тоже и нынѣ случается, и то пройдетъ. Вкушалъ я сладости и горести: отступилъ вкусъ, отступила сладость и горесть отъ меня. Слышалъ сладкую музыку: прошло время слышанія, и перестало мое веселіе. Одѣвался я доброю одеждою: прошло то время, отошло то и одѣяніе отъ меня. Ѣздилъ я на колесницѣ: минулось тое время, и нѣтъ того. Предстояли мнѣ слуги и раби: минуло тое время, и отступили они отъ меня. Имѣлъ я у себя друговъ и пріятелей: прошли тѣ дни, и обратились они, то во враговъ моихъ, то во лжебратію. Что мнѣ, то и всякому случается. Гдѣ то время, въ которое счастливъ я былъ, въ которое здоровъ, веселъ, радостенъ, славимъ, хвалимъ, почитаемъ; прошло время, прошло и все съ нимъ счастіе мое и утѣшеніе мое. Гдѣ то время, въ которое я былъ несчастливъ, былъ боленъ, печаленъ, скорбенъ, хулимъ и поносимъ, укоряемъ и ругаемъ, и проч? Прошли тѣ дни, прошло и то все несчастіе мое. Пройдетъ и все, что нынѣ въ семъ времени случается. Нѣтъ бо человѣка такого, который бы отъ рожденія до смерти въ непремѣнномъ пребылъ благополучіи или неблагополучіи. Какъ подъ небомъ то ведро, то пасмурно, то непогода и буря, то ясно и тишина бываетъ: такъ и всякому человѣку случается, то въ благополучіи быть, то въ неблагополучіи, то въ страхѣ то въ покоѣ, то въ печали, то въ радости быть. Но какъ дни и часы проходятъ, такъ и всякое счастіе и несчастіе съ ними проходитъ. Видишь, христіанине, что какъ вода мимотекущая и все по ней плывущее, такъ и время житія нашего; и все со временемъ, благополучіе и неблагополучіе наше, проходитъ. А такъ и все житіе наше пройдетъ. Какъ прошедшіе дни наши, во снѣ, видимъ, и съ ними все благополучіе и неблагополучіе: такъ и прочее время, при концѣ житія, какъ во снѣ, будемъ видѣть; и только помнить будемъ тогда и мечтать, что то или то съ нами было. Такое-то житіе наше въ мірѣ семъ! Не таково житіе будущаго вѣка будетъ, якоже Божіе слово и вѣра наша насъ увѣряетъ. Тамъ житіе наше единожды начнется, но никогда не скончается; будетъ непрестанное и непремѣнное. Тѣло наше не будетъ имѣть немощи, дряхлости, старости, смерти и тлѣнія; но будетъ тѣло духовное, нетлѣнное, безсмертное, здравое, сильное, легкое и благоцвѣтущее. „Сѣется въ тлѣніи, возстаетъ въ нетлѣніи; сѣется не въ честь, возстаетъ въ славѣ; сѣется въ немощи, возстаетъ въ силѣ; сѣется тѣло душевное, возстаетъ тѣло духовное. Подобаетъ бо тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе, и мертвенному сему облещися въ безсмертіе. Егда же тлѣнное сіе облечется въ нетлѣніе и смертное сіе облечется въ безсмертіе, тогда будетъ слово написанное: пожерта бысть смерть побѣдою. Гдѣ ти, смерте, жало? гдѣ ти, аде, побѣда?“ [2])

Такъ же и слава, честь, покой, миръ, утѣшеніе, радость, веселіе и все блаженство тамъ непрестанное будетъ; непрестанно будутъ видѣть Бога лицомъ къ лицу избранные Божіи, и отъ того непрестанно утѣшаться, радоваться, веселиться; непрестанно будутъ со Христомъ, яко члены со главою, царствовать. „Понеже съ Нимъ страждемъ, да и съ Нимъ прославимся“ [3]). Такъ же и въ неблагополучной вѣчности непрестанная будетъ смерть. Единожды умерше, осужденные непрестанно будутъ умирать и желать смерти; непрестанно будутъ мучиться и страдать, и никакого не будутъ чувствовать утѣшенія, прохлажденія, облегченія. Се есть смерть вторая и смерть вѣчная. Отсюду послѣдуетъ: 1) понеже временное наше житіе непостоянное, и все въ немъ перемѣняется и проходитъ, то не должно намъ къ временнымъ и мірскимъ вещамъ прилѣпляться, но со всякимъ усердіемъ вѣчнаго живота и оныхъ благихъ искать, „горняя мудрствовати, а не земная“ [4]). 2) Благополучіемъ міра сего, то есть богатствомъ, славою, честію, похвалою и проч. не возноситься. Ибо всякое благополучіе временное, какъ приходитъ, такъ и отходитъ отъ насъ, и бываемъ; какъ единъ отъ несчастливыхъ, нищихъ, бѣдныхъ и презрѣнныхъ. 3) Въ неблагополучіи не унывать, ибо и то проходитъ. И какъ, по прошедшей нощи, бываетъ день, и, послѣ бури и непогоды возсіяетъ ведро: тако по скорби и печали—радость, и по неблагополучіи благополучіе приходитъ. 4) Клевету, хуленіе, укореніе и поношеніе свое-

---

[2]) 1 Кор. 15. 42—55. [3]) Римл. 8. 17. [4]) Кол. 3.

вольныхъ и беззаконныхъ людей великодушно терпѣть и не огорчаться тѣмъ. Ибо и то все проходитъ. Силенъ же Богъ и клятву ихъ во благословеніе намъ обратить по реченному: „проклянутъ тіи, а Ты благословиши“ [5]). Кто въ терпѣніи, въ благополучіи и неблагополучіи равно постояненъ будетъ, тотъ въ тишинѣ, покоѣ и мирѣ всегда будетъ пребывать; и благопріятное, сладкое, Христову житію подобное и сообразное, будетъ имѣть житіе; и на земли небесную будетъ чувствовать радость, и во временной жизни вѣчнаго живота сладости вкушать. Господи помози мнѣ! „И да возвеселятся вси уповающіе на Тя, во вѣкъ возрадуются; и вселишися въ нихъ, и похвалятся Тебѣ любящіе Имя Твое [6]).

СВѢТЪ СЪ НЕБА—МИРЪ ВЪ ДУШѢ.

Усталый путникъ, позднею порою, идетъ по дорогѣ. Онъ еще молодъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно одинокъ и беззащитенъ. Онъ изгнанникъ изъ родительскаго дома, идетъ въ страну далекую, ему неизвѣстную, скрывается отъ мести брата. На душѣ его тяжело; ее тяготитъ гнѣвъ брата, собственная вина заслужившая этотъ гнѣвъ, и разлука, быть можетъ на долго, съ родителями. Изгнанникъ этотъ — Іаковъ, внукъ благочестиваго Авраама. Обманомъ получилъ онъ отъ престарѣлаго отца то благословеніе, на которое разсчитывалъ старшій братъ его; не дождался того времени, когда Господь, назначившій ему это благословеніе, излилъ бы его на главу его, а поспѣшилъ, по внушенію матери, похитить его лукавствомъ. Господь не отнялъ благословенія, потому что оно Іакову было уготовано и не могло принадлежать другому, но Онъ, временно, отнялъ пользованіе имъ. Онъ далъ Іакову и матери его вкусить горькіе плоды ихъ неправды; и вотъ, любимый сынъ, укрытый заботой, не знавшій нужды и лишеній, сталъ одинокій странникъ! Тотъ, которому обѣщано было что „поклонятся ему племена, послужатъ ему народы, и дано будетъ ему отъ росы небесной и отъ тука земли, множество хлѣба“, [1])—тотъ самый не имѣетъ теперь, куда голову склонить. Онъ утомился; вокругъ него стемнѣло; негдѣ искать пристаница. Подъ открытымъ небомъ легъ Іаковъ отдохнуть и „взялъ одинъ изъ камней того мѣста и положилъ себѣ изголовьемъ“. [2]) На душѣ печаль и тревога; мѣсто покоя — суровый камень; вокругъ пустота; впереди— все чуждо и неизвѣстно.

Однакоже, онъ заснулъ; и видитъ онъ во снѣ лѣстницу. Она „стоитъ на землѣ, а верхъ ея касается неба“; чѣмъ выше, тѣмъ свѣтлѣе, а сверху, голосъ Божій звучитъ. По лѣстницѣ восходятъ и нисходятъ Ангелы Божіи; восходятъ — какъ бы несутъ къ верху воздыханія человѣческаго сердца: нисходятъ — приносятъ ему утѣшеніе и миръ — предвѣщаютъ то время, когда съ неба пришедшій Спаситель „умиротворитъ Собою и земное и небесное“ и привлечетъ грѣшника на самое Лоно Божіе.—Озарилъ небесный свѣтъ тотъ темный уголокъ земли, на которомъ покоился Іаковъ, прозвучало надъ нимъ изъ устъ Божіихъ обѣщаніе: „Я съ тобою,... сохраню тебя... не оставлю тебя“; просвѣтлѣло тогда и въ душѣ его. Іаковъ пробудился отъ сна своего и сказалъ: „Истинно Господь присутствуетъ на мѣстѣ семъ, а я не зналъ“. На мѣстѣ изгнанія, на мѣстѣ одиночества, именно на томъ мѣстѣ, гдѣ не было никого изъ людей, не было не одного луча человѣческаго утѣшенія,—появился Господь и послалъ утѣшеніе и миръ. Іаковъ этого не зналъ, а когда узналъ, тогда воскликнулъ: „Это домъ Божій, это врата небесныя“,—душа его, въ вратахъ небесныхъ, ожила успокоилась, и принесла хвалу. „И всталъ Іаковъ рано утромъ, и взялъ камень, который онъ положилъ себѣ изголовьемъ, и поставилъ его памятникомъ; и возлилъ елей на верхъ его. И нарекъ Іаковъ имя мѣсту тому: „Веѳиль“; что значитъ Домъ Божій. Жестко было спать на камнѣ, но когда небесный свѣтъ упалъ на него, то и этотъ жесткій камень превратился въ памятникъ, смягчился елеемъ, и все пустынное мѣсто освятилось и получило названіе „дома Божія“.

Іаковъ тутъ пожелалъ „въ мирѣ возвратиться въ домъ отца своего“ и, много лѣтъ спустя, Господь исполнилъ это желаніе; теперь же, Господь послалъ съ неба миръ его душѣ, чтобы этотъ миръ хранилъ и сопровождалъ его повсюду.

Трудная была жизнь Іакова, много принялъ онъ всякаго горя, но тотъ свѣтъ небесный, который озарилъ его, въ дни юности, не покидалъ его до конца.

Заглянувъ, въ первый разъ, отъ земли на небо, въ ту минуту, когда оно открылось ему въ ночномъ видѣніи, онъ глядѣлъ туда все пристальнѣе, принималъ оттуда духовную силу и получилъ отъ Бога названіе: „Израиль“ — т. е. побѣдитель.

Господь, во время странствованія его, ободрялъ его напоминаніемъ о той минутѣ, когда Онъ въ первый разъ, благословилъ его: „Я Богъ явившійся тебѣ въ Веѳилѣ, гдѣ ты возлилъ елей на памятникъ“. [3]) И Іаковъ любилъ возвращаться къ тому мѣсту, гдѣ онъ увидѣлъ свѣтъ съ неба и нашелъ миръ въ душѣ. „Встанемъ и пойдемъ въ Веѳиль; тамъ устрою я жертвенникъ Богу, который услышалъ меня въ день бѣдствія моего, и былъ со мною и хранилъ меня“. [4])

---

[5]) Псал. 108. 28. [6]) Псал. 5. 12.

[1]) Быт. 27. 28, 29. [2]) Быт. 28. 11.—22.

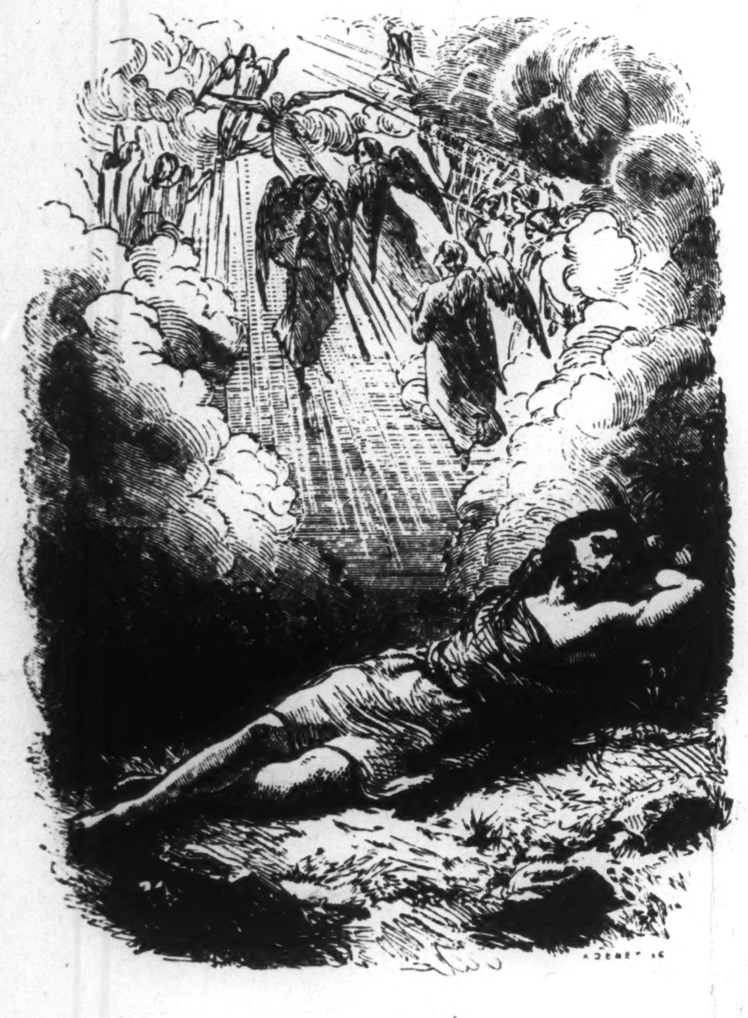
[3]) Быт. 31. 13. [4]) Быт. 35. 4.

Свѣтъ съ неба нуженъ и тебѣ, на твой земной путь, читатель; подними глаза, — онъ свѣтитъ надъ тобою—„свѣтъ истинный, который просвѣщаетъ всякаго человѣка, приходящаго въ миръ". [5])

Прими этотъ свѣтъ въ сердце твое, и найдешь покой.

Постигнетъ ли тебя одиночество, горе или другое какое испытаніе ты и изъ этого камня печали воздвигнешь Господу памятникъ хвалы, и оросишь его елеемъ радости небесной. Каждое мѣсто куда приведетъ тебя Господь станетъ для тебя „домомъ Божіимъ"; каждое испытаніе „врата небесныя"!

Миръ душѣ твоей!



Сонъ Іакова.

ИЗЪ ТВОРЕНІЙ СВ. ЕФРЕМА СИРИНА.

НЕПРОЧНОСТЬ БЛАГЪ МІРА—ПОБУЖДЕНІЕ КЪ ОТЧУЖДЕНІЮ ОТЪ НЕГО.

Какъ прекрасенъ міръ; но полонъ смерти! Онъ подобенъ цвѣтку, развернувшемуся въ весенній мѣсяцъ; цвѣтетъ, пока роса и дождь поддерживаютъ въ немъ жизнь; насталъ зной, и цвѣтъ увядаетъ. Такъ смерть заставляетъ блекнуть ланиты, и прекрасно сложенные члены разрушаетъ во гробѣ. Даруй намъ, Господи, прибѣжище и защиту, въ странѣ, гдѣ обитаютъ праведные.

Міръ объюродѣлъ въ чадахъ своихъ. Они грѣшатъ, мятутся, обуреваются собственными своими волненіями. Какъ многіе изъ нихъ кружатся, не зная себѣ покоя; но собираютъ тернія для огня. Нечестіе надменно отверзаетъ свои уста, истина безмолвна и молчитъ. Беззаконіе витійствуетъ, а правда скрывается. Только смерть заставляетъ умолкать всѣхъ вступившихъ въ міръ. Блаженъ, кто совершилъ въ немъ путь и не погрязъ.

Міръ многобурнѣе мятущихся волнъ, сильнѣе возмущается грѣхами, нежели море вѣтромъ. Бываетъ время, что воды морскія спокойны, когда вѣтры сокроются въ свои сокровищницы. Но въ мірѣ непрестанно мятутся волны вожделѣній, и вѣтръ обмана дуетъ въ двери судей его. Впрочемъ близокъ день, въ который онъ стихнетъ. Блаженъ, кто совершилъ въ немъ путь, и не попалъ въ его сѣти!

Волнуется и мятется беззаконіе, совершаемое въ мірѣ. Сильнѣе волнъ свирѣпѣютъ въ мірѣ распаленныя похоти; тенета и сѣти опутываютъ тѣхъ, которые служатъ ему; грѣхи и беззаконія — вотъ ихъ лукавыя бремена. Но для добродѣтельныхъ приближается время, когда корабль ихъ упокоится въ пристани.

Пріятны времена и лѣта твои, міръ, но онѣ какъ дымъ. Ты подобенъ летучему сновидѣнію, и дни твои тоже, что тѣнь; вечеръ твой проходитъ скоро, и утро твое непродолжительно, часы твои на перегонку бѣгутъ къ концу. Спѣши, грѣшникъ, получить прощеніе, пока свѣтитъ для тебя дневной свѣтъ.

Праведенъ Судія, праведенъ и судъ правды. На немъ взвѣсятся и вознаградятся дѣла каждаго по достоинству. Дѣлавшіе беззаконіе будутъ въ тотъ день мучиться раскаяніемъ, а подвижники добродѣтелей въ той странѣ насладятся радостію. — Милостію Твоею побуждаемый Господи, даруй мнѣ высвободиться изъ сѣтей міра, чтобъ безопасно вступить въ пристань жизни.

Что воздамъ? — ЧАШУ СПАСЕНІЯ ПРІИМУ.

Долготерпѣливъ Господь, и всѣхъ насъ влечетъ въ царство Свое. Но потребуетъ отъ насъ отчета за нерадѣніе въ это короткое время.

Онъ скажетъ намъ: для васъ Я воплотился, для васъ видимо ходилъ по землѣ, за васъ біенъ былъ, за васъ заушаемъ, за васъ распятъ, вознесенный на древѣ, за васъ, земнородныхъ, напоенъ оцетомъ, чтобъ васъ сдѣлать святыми и небесными. Царство Мое даровалъ вамъ, всѣхъ васъ наименовалъ Своими братіями и напослалъ вамъ Духа Святаго.

Что могъ бы Я сдѣлать еще болѣе всего этого, и не сдѣлалъ того, чтобы спасти васъ?! Не хочу только дѣлать принужденіе произволенію, чтобы спасеніе ваше не стало дѣломъ необходимости непроизвольной.

Скажите, грѣшники, смертные по естеству, что претерпѣли вы ради Меня, Владыки вашего, за васъ страдавшаго.

Пріидите же всѣ вкупѣ, поклонимся Ему и восплачемся предъ создавшимъ насъ Господомъ и скажемъ: что родъ грѣшныхъ воздастъ Тебѣ, непостижимому, благому, и милосердому Богу? Ты, всю вселенную просвѣтившій благодатію, просвѣти и очи сердца нашего, чтобы возлюбить намъ Тебя Владыко и съ любовью исполнять всегда святую волю Твою!

---

[5]) Іоан. 1. 9.

ГОСПОДОМЪ...

„ЗАВѢТЪ МЕЖДУ

ЦАРЕМЪ.. И НАРОДОМЪ“

(4 Царств. II. 17).

Царь Соломонъ молится за народъ.

(3 Царствъ, 8. 23—53).

Молитва читанная, на колѣняхъ, Государемъ Императоромъ, во время вѣнчанія его на царство.

„Господи Боже Отцевъ, и Царю царствующихъ, сотворивый вся Словомъ Твоимъ и Премудростію Твоею устроивый человѣка, да управляетъ міръ въ преподобіи и правдѣ! Ты избралъ мя еси Царя и Судію людемъ Твоимъ. Исповѣдую неизслѣдимое Твое о Мнѣ смотрѣніе, и благодаря, Величеству Твоему покланяюся. Ты же, Владыко и Господи Мой, настави Мя въ дѣлѣ, на неже послалъ Мя еси, вразуми и управи Мя въ великомъ служеніи семъ. Да будетъ со Мною присѣдящая Престолу Твоему Премудрость. Посли ю съ небесъ святыхъ Твоихъ, да разумѣю, что есть угодно предъ Очами Твоими и что есть право въ заповѣдѣхъ Твоихъ. Буди сердце Мое въ руку Твоею, еже вся устроити къ пользѣ врученныхъ Мнѣ людей и къ Славѣ Твоей, яко да и въ день Суда Твоего непостыдно воздамъ Тебѣ слово; милостію и щедротами Единороднаго Сына Твоего, съ нимъ же благословенъ еси съ Пресвятымъ и Благимъ, и Животворящимъ Твоимъ Духомъ, во вѣки вѣковъ, аминь“.

„Господи! спаси царя, и услышь насъ, когда будемъ взывать къ Тебѣ!“

Псал. 19. 10.

Условія подписки: «Русскій Рабочій» выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Подписка принимается въ конторѣ Редакціи Журнала (Сергіевская ул., д. № 20, кв. 7) отъ 9 до 12 час. утра. Цѣна годовой подп. безъ достав. 60 к., съ дост. въ Спб. 75 к., съ перес. иног. 1 р.

Редакторъ-Издательница А. И. Пейкеръ.

Дозволено цензурою, Спб., 2 Іюня, 1883 года. Типографія К. Д. Кесневиля, Надеждинская, 39.

ОДНО СОКРОВИЩЕ.

(Матѳ. 13,44).

ОДНА ДРАГОЦѢННАЯ ЖЕМЧУЖИНА.

(Матѳ. 13. 45,46).

ОДНО СОКРОВИЩЕ.

ОДНА ДРАГОЦѢННАЯ ЖЕМЧУЖИНА.

(Матѳ. 13. 44—46.)

„Одно только нужно [1])“ человѣку: **это** сокровище найти; **эту** драгоцѣнную жемчужину пріобрѣсть. Ищетъ онъ, иной разъ долго, къ чему бы свое сердце привязать; кладетъ онъ его въ тлѣнныя сокровища міра сего и утѣшается ими до поры, до времени. Бѣдное сердце стучится то въ ту, то въ другую земную дверь—ищетъ себѣ пристанища; — но тутъ его истерзаютъ, тамъ осквернятъ его грѣхомъ или насмѣются надъ нимъ, — и послѣ всего этаго останется одна только пустота и горечь. Вдругъ, озарится сердце свѣтомъ Евангельскимъ; узритъ оно любовь Христову, услышитъ голосъ взывающій: „Пріиди ко Мнѣ,... Я успокою“, и обрадуется оно. Да; обрадуется; потому что сердце, Богомъ и для Бога созданное, въ Немъ Одномъ можетъ найти истинную радость и покой. Онъ есть истинное, вѣрное сокровище для души, единая жемчужина неподдѣльной красы, „которую нашедши, человѣкъ идетъ и продаетъ, все что имѣетъ, и покупаетъ ее“.

Происходитъ обмѣнъ: человѣкъ оставляетъ прежній путь нечестія, съ покаяніемъ приноситъ свое лукавое, каменное сердце къ Богу и получаетъ сердце новое, на которомъ начертаны Законы Божіи, [2]) получаетъ прощенье, миръ и вѣчную жизнь.

Да; но міръ къ этому сокровищу не пускаетъ; врагъ души не даетъ за эту жемчужину ухватиться и нашептываетъ, что невыносимо трудно будетъ идти за Христомъ,—придется отказаться отъ грѣха, отъ веселія,—настанетъ такая тяжелая, унылая жизнь. Дѣйствительно, придется отъ грѣха отказаться; но правда ли что грѣху служить такъ пріятно и весело? Сначала, оно такъ кажется, можетъ быть; и жало грѣха сперва бываетъ не замѣтно; но потомъ, оно ядомъ своимъ разжигаетъ душу и мученье отъ него начинается еще и здѣсь на землѣ, „Путь беззаконныхъ жестокъ“, [3]) говоритъ Св. Писаніе; и слова эти, въ точности, сбываются для каждаго кто этимъ путемъ идетъ.

„Видѣлъ я разъ“, разсказываетъ одинъ человѣкъ, „какъ кто-то велъ за собою, по дорогѣ, теленка и все бросалъ ему горстями горохъ подъ ноги. Теленокъ, опустивъ голову, подбиралъ горохъ и такъ занятъ былъ этимъ, что все шелъ впередъ, не оглядываясь.

„Зачѣмъ вы такъ усердно его теперь кормите?“ спросилъ я. „А это чтобы онъ не замѣтилъ, что я его на бойню веду“ былъ отвѣтъ. Вотъ, какъ поступаетъ съ нами лукавый, подумалъ я: тѣшитъ насъ на пути, подбрасываетъ намъ одну забаву за другой, а ножъ припрятываетъ, чтобы мы не замѣчали, что онъ насъ ведетъ на бойню. Мы же, какъ неразумныя твари, идемъ за нимъ;—а тамъ, сверкнетъ ножъ и конецъ настанетъ!“

Невыносимо трудно идти за Христомъ, говоритъ міръ; и кидаетъ намъ пыль въ глаза, чтобы скрыть отъ насъ весь ужасъ грѣха и всю сладость жизни христіанской; а Господь Самъ, говоритъ, что нашедшій это сокровище такъ о немъ радуется, что все остальное покидаетъ лишь бы его пріобрѣсть! Царь Давидъ говоритъ: „Кто мнѣ на небѣ? и съ Тобою нечего не хочу на землѣ...[4]) Всегда видѣлъ я передъ собою Господа; **отъ того** возрадовалось сердце мое и возвеселился языкъ мой“. Пророкъ Исаія говоритъ: „**въ радости** будете почерпать воду изъ источника спасенья“. [5]). Ап. Павелъ говоритъ: „Царствіе Божіе — праведность, и миръ, и **радость** во Святомъ Духѣ“ [6]). Вѣрь словамъ этихъ вѣрныхъ слугъ Божіихъ, другъ-читатель: они свидѣтельствуютъ о томъ, что сами испытали;—не вѣрь клеветамъ на Господа. Сказано, что, въ послѣднія времена, откроются гордыя уста „для хулы на Бога, чтобы хулить Имя Его, и жилище Его, и живущихъ на небѣ“; [7]) уста говорящія, что Господь не можетъ сердца человѣческаго наполнитъ и удовлетворить, что „вожделѣнное жилище Его“ не довольно привлекательно, чтобы стоило ради него покинуть „шатры нечестія“, что Онъ будетъ скуднымъ хлѣбомъ кормить тѣхъ, которые послѣдуютъ за Нимъ. Эти уста и теперь открыты; не внимай рѣчамъ ихъ. Спроси лучше у любаго человѣка, который сколько нибудь искренно любитъ Господа и исполняетъ Его заповѣди, сколько нибудь вѣрно Ему служитъ, согласенъ ли онъ оставить Господа и вернуться къ прежней грѣховной тьмѣ; спроси у него наскучило ли ему жить съ Богомъ и правда ли что служба Ему тяжела и безотрадна? Не найдешь ты ни одного истиннаго Христіанина, который не воздалъ бы Господу славы за то что жить съ Нимъ хорошо, такъ хорошо, что лучше согласенъ бы все претерпѣть, чѣмъ съ Нимъ разлучиться. Христосъ сказалъ, что вѣрующій въ Него не будетъ голодать—душа его вполнѣ насытится и не будетъ больше протягиваться за подаяніями къ міру и грѣху.—Истину этихъ словъ можетъ испытать каждый.

„**Вкусите, и увидите**, какъ благъ Господь! Блаженъ человѣкъ, который уповаетъ на Него!.. Нѣтъ **скудости** у боящихся Его“.

[1]) Луки 10. 42. [2]) Іезек. 36. 26 27. Евр. 8 10.

[3]) Притч. 13. 15. [4]) Псал. 72. 25. и 15. 8. [5]) Исаіи 12. 3.

[6]) Римл. 14. 17. [7]) Откр. 13. 6. [8]) Псал. 33. 9, 10, 11.

ЖИЗНЬ ЗА ЖИЗНЬ.

Много лѣтъ тому назадъ, въ одномъ большомъ городѣ, случилось странное событіе; такое странное и такое внушительное, что надо сообщить его вамъ, добрые читатели. Можетъ быть, вы призадумаетесь надъ нимъ; и, Богъ дастъ, ваши мысли не на землѣ только останутся, а повыше земли понесутся и тамъ остановятся.

Итакъ, въ одномъ большомъ городѣ, въ былыя времена, жили два брата. Младшій велъ порочную жизнь, съ утра до ночи грѣшилъ и все, казалось, не могъ насытиться грѣхомъ; старшій былъ человѣкъ благочестивый, смиренный, вполнѣ преданный Богу. Онъ трудился неутомимо надъ своимъ земнымъ дѣломъ, между тѣмъ, казался непричастнымъ земному грѣху; много скорбѣлъ о братѣ и часто, со слезами, увѣщевалъ его. Но тотъ не внималъ ни мольбамъ, ни слезамъ, продолжалъ губить себя душою и тѣломъ, такъ что почти каждый день повторялось тоже самое: младшій пировалъ до поздней ночи, а старшій ждалъ его до поздней ночи и усердно за него молился. Однажды, около полуночи, онъ услыхалъ торопливый стукъ въ дверь, бросился отворять и въ комнату вбѣжалъ младшій братъ, блѣдный, испуганный, въ окровавленномъ платьѣ. „Спаси меня, спрячь меня“ умолялъ онъ, „за мной гонятся; я только что убилъ человѣка. Вотъ, кровь его; видишь, вотъ кровь его!“ Куда спрятать такъ, чтобы не нашли! Старшій, не долго думая, сдернулъ съ брата окровавленную одежду и набросилъ ее на себя, а свое чистое платье надѣлъ на него; потомъ, толкнулъ его, почти безсознательнаго, въ сосѣднюю, темную комнату и заперъ дверь. Не прошло минуты, какъ опять раздался стукъ, и вошли полицейскіе. „Мы такъ и думали, что здѣсь скрывается убійца,“ сказалъ одинъ изъ нихъ, „у насъ ужъ эта квартира давно на примѣтѣ“. Подошелъ къ старшему брату, посмотрѣлъ на него пристально, потомъ на одежду и спросилъ: „Ты убійца?“ Молчаніе. „Что тутъ спрашивать, когда все платье въ крови?“ сказалъ другой полицейскій, съ нетерпѣніемъ; давай-ка, свяжемъ его и поведемъ“.

Связали мнимому убійцѣ руки и повлекли его за собой; долго шли по темнымъ улицамъ; наконецъ, дошли до тюрьмы, и тамъ, въ мрачной сырой камерѣ, оставили его до утра. Во все это время, онъ не произносилъ ни слова.

На другое утро, пришли его разспрашивать; но онъ на всѣ допросы прямыхъ отвѣтовъ не давалъ, а только все повторялъ: „Я знаю, что я за эту вину долженъ умереть, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.“ Нѣсколько дней спустя, его повели на судъ. Судьи взглянувъ на запятнанную одежду, сказали: „Тутъ и свидѣтелей не нужно; дѣло ясно“.—„Имѣешь ли ты себѣ защитника?“ спросили они у подсудимаго. — „Не имѣю,“ былъ отвѣтъ. „Желаешь ли ты что нибудь сказать въ свое оправданіе?“ „Не желаю“, отвѣчалъ преступникъ твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ, и низко опустилъ голову, какъ будто боясь, чтобы глаза его, помимо его желанія, не высказали его невинности. Прошло еще нѣсколько времени въ обсужденіяхъ; наконецъ, подписали смертный приговоръ. Въ той странѣ, и въ то время законъ былъ очень строгъ и судъ производился иначе чѣмъ теперь.

Насталъ канунъ дня назначеннаго для казни, и тутъ преступникъ вдругъ неожиданно заговорилъ. Онъ попросилъ къ себѣ смотрителя тюрьмы, и когда тотъ вошелъ въ камеру, сказалъ: „Благоволите исполнить просьбу умирающаго человѣка. Дайте мнѣ бумаги, перо и чернила, чтобы написать письмо, и сюргучъ чтобы запечатать его; и обѣщайте мнѣ, передъ Богомъ, что вы моего письма не распечатаете и, сейчасъ послѣ моей смерти, отправите по адресу. Будьте увѣрены, что тутъ не скрывается никакого злаго умысла. Завтра душа моя предстанетъ передъ Богомъ; я не стану лгать въ мой послѣдній часъ“. Смотритель, взглянувъ на лицо преступника, не дерзнулъ усумниться въ истинѣ его словъ и не инмѣлъдух отказать ему. Вся душа его, казалось, вылилась въ высказанномъ желаніи; онъ былъ такъ тихъ, такъ кротокъ; между тѣмъ, въ глазахъ горѣлъ такой яркій, неземной свѣтъ. Смотритель самъ принесъ все что требовалось и обѣщалъ предсмертную просьбу свято исполнить. Вечеромъ, когда онъ, обходя камеры, остановился у той, гдѣ находился осужденный на смерть, запечатанное письмо было, молча, вложено ему въ руку. Прошла ночь, ночь безмятежнаго покоя для нѣкоторыхъ; ночь страданія и грѣха для многихъ; ночь безсонная, но совершенно мирная для заключеннаго, который, преклонивъ колѣна въ своей камерѣ, стоялъ какъ будто на самомъ порогѣ вѣчности и уже глядѣлъ въ другой міръ. Настало утро; пошли люди, каждый на свое дѣло, а его повели на смерть. Еще часъ прошелъ и все было кончено. Немного времени спустя, посланный, съ письмомъ въ рукѣ, стучался въ дверь жилища двухъ братьевъ. Человѣкъ съ блѣднымъ, встревоженнымъ лицомъ, принялъ письмо, долго смотрѣлъ на него какъ то безсмысленно и наконецъ распечаталъ его. Распечаталъ, прочиталъ и горестный крикъ вырвался изъ груди его. Онъ бросился къ двери, потомъ опять назадъ въ комнату, точно помѣшанный. Весь онъ дрожалъ и жалобно стоналъ.

Что же написано было въ письмѣ? Немного: только нѣсколько краткихъ строкъ,—и вотъ онѣ:

„Завтра я **въ твоей** одеждѣ умираю за тебя; а ты, **въ моей** одеждѣ, живи праведно и свято въ память меня“.

Умираю за тебя — эти слова вы-

вели его изъ оцѣпененія и достучались до самой глубины его сердца, застывшаго, окаменѣвшаго, сперва отъ грѣха, потомъ отъ испуга. — Теперь, оно ожило и сильно забилось.

„Умираю за тебя". Можетъ быть еще не умеръ? Онъ бросился спасать брата, добѣжалъ до тюрьмы; но тамъ его не пропустили. Онъ сталъ проситься къ смотрителю и молилъ такъ жалобно, что люди наконецъ сжалились и повели его къ нему. „Умираю за тебя" эти слова и смотрителя потрясли до глубины души. Онъ вспомнилъ настоятельную, предсмертную просьбу, твердый, спокойный взглядъ, передъ которыми онъ не могъ устоять и, въ сильномъ волненіи, понесъ письмо къ судьѣ. Прочиталъ его и судья и сталъ разспрашивать виновнаго. Тотъ сознался во всемъ: въ своей прошлой порочной жизни, своемъ недавнемъ преступленіи, своемъ страхѣ и постыдномъ молчаніи и закончилъ мольбою: „Казните меня, умоляю васъ, дайте и мнѣ умереть". Но завѣщаніе умершаго: „Я умираю **за** тебя" было священно въ глазахъ судей и они не дерзнули нарушить его. Добровольная жертва его не должна была пропасть напрасно: они съ особеннымъ участіемъ смотрѣли на того кто былъ предметомъ такой сильной любви и не сочли себя въ правѣ, не только казнить, но даже арестовать его. Съ письмомъ въ рукѣ, возвратился онъ назадъ въ свое жилище; и тутъ сокрушенное сердце его воззвало къ Богу и излило печаль свою и раскаяніе свое передъ Нимъ.

„Господи," молилъ онъ, со слезами, „Ты не допустилъ меня умереть **за** мой грѣхъ; другой за него умеръ; — помоги же мнѣ, теперь, **для** грѣха умереть; дай мнѣ достойно носить одежду умершаго за меня; помоги мнѣ беречь ее отъ всякаго пятна и пусть она хранитъ меня отъ зла".

Съ того времени, не узнавали его больше люди; такъ онъ измѣнился: сталъ между ними какъ чужой, а между тѣмъ преисполненъ былъ къ нимъ любви и жалости. Всего прошлаго, кромѣ живой памяти брата, не осталось и слѣда. Сначала, пытались прежніе товарищи склонить его на прежнюю жизнь, уговаривали идти съ ними туда, гдѣ раньше бывалъ; но онъ всѣмъ имъ давалъ, кротко и рѣшительно одинъ и тотъ же отвѣтъ: „Въ **этой** одеждѣ нельзя; братъ мой ее туда не носилъ; онъ тамъ никогда не бывалъ". Понемногу, перестали убѣждать; увидали, что напрасно. Нѣкоторыя совсѣмъ отшатнулись; другіе, зато, ближе примкнули, и съ благоговѣніемъ смотрѣли на одежду и на носителя ея. Съ благоговѣніемъ смотрѣли они на святую жизнь его, посвященную Богу, и не только смотрѣли, но и сами отъ грѣха отвратились и на такую же жизнь вступили.

Прошло нѣсколько годовъ усерднаго труда; принесли они Богу обильный плодъ, — и Онъ въ свое время исполнилъ желаніе высказанное прежде, съ такою отчаянною горестью: „Дайте и мнѣ умереть!" Пресѣклась жизнь временная, земная; началась жизнь безконечная; настало вѣчное свиданіе двухъ братьевъ. Младшаго, по его желанію, схоронили въ одеждѣ старшаго; и никогда не могли забыть этой одежды тѣ, которые видѣли ее и знали значеніе ея.

Разсказъ оконченъ; но смыслъ его тутъ не кончается. Онъ простирается широко и далеко, охватываетъ всякаго человѣка, обнимаетъ и тебя читающаго эти строки. Не разъ приходилось тебѣ, вѣроятно, держать въ рукахъ Евангеліе, слышать чтеніе его; но ты можетъ быть слышалъ одни только звуки; и эти звуки скользнули по поверхности души твоей, а въ глубину ея не запали. Вдумайся же въ то что говоритъ Св. Писаніе; въ то что оно разсказываетъ тебѣ о жизни и смерти Христа Спасителя: о томъ какъ Онъ любилъ, какъ Онъ, изъ любви, страдалъ, отдалъ Свою жизнь за жизнь нашу не только ради того чтобы избавить насъ отъ суда и смерти, но и ради того чтобы мы, облеченные Его праведностью, стали „неукоризненными, чистыми, непорочными чадами Божіими" [1]). Вникни сердцемъ и скажи,—все это не есть ли письмо къ тебѣ отъ Господа и не говоритъ ли тебѣ это письмо, что Онъ, въ твоей одеждѣ, покрытый твоими грѣхами, умеръ за тебя, для того чтобы ты, облеченный въ ризу спасенія, жилъ свято и праведно во Славу Его?

„Христосъ за всѣхъ умеръ, чтобы живущіе уже не для себя жили, но для умершаго за нихъ и Воскресшаго" [2]).

„Онъ страдалъ добровольно" [3]). „Онъ грѣхи наши Самъ вознесъ тѣломъ Своимъ на древо, дабы мы, избавившись отъ грѣховъ, жили для правды" [4]).

„Всѣ вы, во Христа крестившіеся, во Христа облеклись" [5]).

„Въ Немъ научились... отложить прежній образъ жизни ветхаго человѣка,... и облечься въ новаго человѣка, созданнаго по Богу, въ праведности и святости истины" [6]).

Да; и Господь „не стыдится называть тебя братомъ" [7]); Онъ уподобился твоей немощи человѣческой во всемъ, кромѣ грѣха, для того чтобы поднять тебя изъ грѣховной нищеты твоей и сдѣлать тебя „причастникомъ Божескаго естества" [8]) и наслѣдникомъ Божія Царства.

Что скажетъ Ему твое сердце, въ отвѣтъ на письмо Его?

---

[1]) Фил. 2. 15. [2]) 2 Кор. 5. 15. [3]) Исаіи 53. 7. [4]) 1 Петр. 2. 24. [5]) Гал. 3. 27. [6]) Ефес. 4. 21—24. [7]) Евр. 2. 11. [8]) 2 Петр. 1. 4.

ИЗЪ ТВОРЕНІЙ СВ. ТИХОНА ЗАДОНСКАГО.

(Сокровище духовное отъ міра собираемое).

иди за мною.

Бываетъ, что единъ другому въ различномъ случаѣ говоритъ: **иди за мною.** Христіанине! тако Христосъ Господь всякому отъ насъ говоритъ: **иди за Мною.** Читай святое Евангеліе, и внимай тому, и услышишь сладчайшій Его гласъ сей: **иди за Мною.** Я Создатель твой, ты созданіе Мое: **иди за Мною.** Я Царь твой, ты подданный Мой: **иди за Мною.** Я Богъ твой, въ подобострастную твою плоть облекшійся: **иди за Мною.** Я въ міръ ради тебе пришелъ: **иди за Мною.** Я къ тебѣ и ради тебе пришелъ; Я невидимый, на земли явился ради тебе и всѣхъ: **иди за Мною.** Я неприступный Херувимамъ и Серафимамъ, приступенъ грѣшникамъ, учинился и тебѣ: **иди за Мною.** Я Царь небесный, на земли пожилъ ради тебе: **иди за Мною.** Я всесильный и всемогущій, немощнымъ учинился ради тебе: **иди за Мною.** Я богатъ сый, тебе ради обнищалъ, да ты нищетою Моею обогатишися — (2 Кор. 8, 9): **иди за Мною.** Я Господь славы, поруганъ и обезчещенъ ради тебе: **иди за Мною.** Я животъ вѣчный и присносущный, вкусилъ смерти ради тебе, смерти же крестныя: **иди за Мною.** Я на престолѣ славы сѣдяй, и отъ Ангеловъ поклоняемый и хвалимый и славимый, отъ грѣшниковъ похуленъ былъ ради тебе: **иди за Мною.** Я единъ имѣяй безсмертіе и во свѣтѣ живый неприступномъ, въ мертвыхъ вмѣненъ и въ темномъ гробѣ положенъ былъ тебе ради: **иди за Мною.** Я твой искупитель, твой избавитель, твой Спаситель, который тебе не сребромъ и златомъ но Своею кровію отъ діавола, смерти и ада искупилъ: **иди за Мною.** Видишь Мою къ тебѣ любовь; покажи ты любителю твоему свою любовь, и любовію **иди за Мною.** Любовь твоя тебѣ пользуетъ, а не Мнѣ; якоже нелюбовь тебѣ вредитъ, а не Мнѣ: **иди за Мною. — Господи! что есть человѣкъ, яко познался еси ему? или сынъ человѣчь, яко вмѣняеши его? Человѣкъ суетѣ уподобися** (Псал. 143, 3 и 4). Пою Тя: слухомъ бо, Господи, услышахъ и ужасохся. До мене бо пришелъ еси, мене ища заблудшаго. Тѣмъ многое Твое снисхожденіе, еже для мене, прославляю, многомилостиве! Готово сердце, Боже, готово сердце мое! Помози мнѣ, Господи Боже мой, и спаси мя по милости Твоей! — Что, Христіанине? хощеши ли отрещися толикаго Господа твоего и Благодѣтеля, который за Собою зоветъ тебе, и не идти за Нимъ? Страшно и безстыдно! Страшно, чтобы не подвигнуть Его на праведный гнѣвъ, и не подпасть суду Его праведному, и тако не погибнуть. Безстыдно: ибо Онъ высочайшій твой любитель и благодѣтель. Скажи пожалуй, ежели бы Царь земный позвалъ тебе за собою: не все ли бросивши, съ радостію поспѣшилъ бы за нимъ, ради малыя и временныя чести и корысти? Царь царствующихъ и Господь господствующихъ, Царь небесный зоветъ тебе за Собою — **иди за Мною;** и зоветъ не къ временной чести и славѣ и корысти, но къ вѣчному животу, царствію, чести и славѣ. **Иди за Мною, иди за Мною,** и приведу тебѣ въ вѣчное Мое Царство, къ вѣчному и небесному Моему Отцу: **никтоже бо пріидетъ къ Отцу, токмо Мною** (Іоан. 14, 6). Блудникъ, прелюбодѣй и нечистоты любитель! слыши гласъ Господень: **покайся, и иди за Мною.** Злобный мститель и убійца! слыши гласъ Господень: **покайся, и иди за Мною.** Тать, хищникъ, грабитель и лихоимецъ! слыши гласъ Господень: **покайся, и иди за Мною.** Укоритель, ругатель, клеветникъ и всякъ злорѣчивый! слыши гласъ Господень: **покайся, и иди за Мною.** Лживый, обманщикъ, прелестникъ и лицемѣръ! слыши гласъ Господень: **покайся, и иди за Мною.** Всякъ грѣшникъ, въ нераскаяніи живущій слыши гласъ Господень, **покайся, и иди за Мною.** Слыши гласъ зовущій тебе; слыши гласъ Того, который такъ тебе возлюбилъ, и такъ милостивый, и человѣколюбивый, и чудный промыслъ о тебѣ показалъ; слыши гласъ Того: **покайся, и иди за Мною.** Человѣче, любимое Мое созданіе! Я снидохъ съ небесе, да тебе на небо возведу: **иди за Мною.** Я на земли пожилъ, да тебе жителя небеснаго сотворю: **иди за Мною.** Я не имѣлъ гдѣ главы подклонить, да тебе въ домъ Отца Моего небеснаго приведу: **иди за Мною.** Я трудился, да тебе въ вѣчный покой введу: **иди за Мною.** Я обнищалъ, да тебе обогащу: **иди за Мною.** Я плакалъ, болѣзновалъ, скорбѣлъ и тужилъ, да тебѣ истинное подамъ утѣшеніе радость и веселіе: **иди за Мною.** Я похуленъ, поруганъ и обезчещенъ былъ, да тебе, обезчещенное Мое созданіе, почту и прославлю: **иди за Мною.** Я связанъ былъ, да тебе отъ узъ грѣховныхъ разрѣшу: **иди за Мною.** Я Судія живыхъ и мертвыхъ, судимъ былъ и осужденъ, да тебе вѣчнаго суда избавлю: **иди за Мною.** Я со беззаконными вмѣненъ былъ, да тебе оправдаю: **иди за Мною.** Я вкусилъ смерти, смерти же крестныя, да тебе созданіе Мое, ядомъ зміинымъ умерщвленное, оживлю: **иди за Мною.** Я восталъ изъ мертвыхъ, да ты душею и тѣломъ востанеши: **иди за Мною.** Я вознесся на небо, да и ты вознесешися: **иди за Мною.** Я сѣлъ одесную Бога и Отца, да и ты прославишися: **иди за Мною.** Я во всемъ уподобился тебѣ кромѣ грѣха, да и ты подобенъ Мнѣ будеши: **иди за Мною.** Образъ твой на Себе воспріялъ, да и ты Мнѣ сообразенъ будеши: **иди за Мною.** Я пришелъ къ тебѣ, да привлеку тебе къ Себѣ, тебе-любезное Мое созданіе отпадшее; **иди за Мною.** Видишь человѣче, любовь Мою къ тебѣ показанную; видишь и промыслъ Мой о тебѣ! За сіе ни-

чего отъ тебе не требую, какъ только того, чтобы ты Мнѣ благодаренъ былъ и шелъ за Мною, и тако бы спасеніе со славою вѣчною получилъ. Сего отъ тебя хощу: да будетъ убо хотѣніе и твое. **Иди убо за Мною**, который алчу и жажду спасенія твоего, и подамъ тебѣ спасеніе Мое. Возлюби Мою нищету: и будеши истинно богатъ. Возлюби Мое смиреніе: и будеши истинно славенъ и великъ. Возлюби Мою кротость и терпѣніе: и будеши истинно отъ тѣхъ покоенъ и миренъ. Остави землю: и будеши имѣть небо. Остави міръ: и будеши имѣть внутрь тебе Бога. Отрекись себе: и будеши истинно обладать собою. Остави утѣху плоти и міра: и будеши имѣть истинное утѣшеніе. Остави богатство тлѣнное: и будеши имѣть нетлѣнное. Остави честь и славу земную: и будеши имѣть небесную. **Иди за Мною:** и будеши имѣть все, чего желаетъ душа твоя, но истинное, несравненно лучшее паче всего, что ни оставишь. — Слыши убо и внимай, душа грѣшная, гласъ любителя и Искупителя твоего, Іисуса, и иди за Нимъ, да постигнеши! Поспѣшай, поспѣшай, возлюбленный, пока зоветъ, и двери отверсты! Небо отверсто, и входятъ въ тое мытари, прелюбодѣи и всякіе грѣшники, кающіеся: поспѣшай и ты, бѣдный грѣшникъ, туда-же, да и ты восхитиши царство небесное! Туда вошли Апостолы, Мученики, Святители, Преподобные и вси Святіи Божіи, и водворяются нынѣ во обителяхъ небеснаго Отца: идутъ туда и нынѣ многіе, и приходятъ, но идущіе за преcладкимъ своимъ Іисусомъ, и благодатію Его вселяются въ покоѣ вѣчномъ. Душе моя! слыши и ты гласъ Господень, и прилѣпися къ святой дружинѣ той, и съ ними иди за Іисусомъ, вѣрнымъ вождемъ, да и въ часъ исхода твоего услышиши гласъ Его: **Въ путь узкій хождшія прискорбный, вси въ житіи крестъ яко яремъ вземшіи и Мнѣ послѣдовавшіи вѣрою! пріидите, насладитеся, имже уготовахъ вамъ почестей, и вѣнцевъ небесныхъ.—Христосъ пострада по насъ, намъ оставль образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его. Иже грѣха не сотвори, ни обрѣтеся лесть во устѣхъ Его; Иже укоряемъ противу не укоряше; стражда не прещаше; предаяше же судящему праведно** (1 Петр. 21, 22 и 23. — **Аще кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да послѣдствуетъ: и идѣже есмь Азъ, ту и слуга Мой будетъ** (Іоан. 12, 26). — **Иже не пріиметъ креста своего, и въ слѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Мене достоинъ** (Матѳ. 10, 38). -- **Азъ есмь свѣтъ міру: ходяй по Мнѣ, не имать ходити во тмѣ, но имать свѣтъ животный**, глаголетъ Господь (Іоан. 8, 12).

ТРИ ДНЯ ВЪ СЕЛѢ НИКОЛЬСКОМЪ.

Красиво лежитъ село Никольское, раскинутое на горѣ; у ногъ его бѣжитъ свѣтлая, быстрая рѣчка; вокругъ золотистыя поля, дозрѣвшія къ жатвѣ; подальше, темный, роскошный лѣсъ; еще подальше и повыше необъятная синева широкаго, яснаго неба. Куда ни глянешь,—вездѣ какая благодать! Отдыхаютъ глаза и сердце; стоялъ и смотрѣлъ бы долго, долго. Да не приходится долго смотрѣть, въ тишинѣ: вотъ слышится шумъ, несется онъ прямо изъ села, разносится далеко по полямъ и лугамъ; подымается и къ ясному небу. Шумъ этотъ — голоса человѣческіе, громкіе, рѣзкіе, потревожили они успокоившуюся душу; не стало больше охоты любоваться на Божій міръ; да къ тому же къ шумному говору примѣшивается брань; посмотримъ, что случилось. Улица широкая; гуляющаго народу много, такъ какъ день праздничный; передъ трактиромъ цѣлое сборище— все почти молодые парни,—съ трудомъ стоятъ на ногахъ, другъ друга толкаютъ, пробуютъ пѣть, да ужъ пѣсни связно пропѣть не могутъ. На крыльцѣ, засунувъ руки въ карманы, стоитъ трактирщикъ Семенъ, смотритъ на обезумѣвшую молодежь, и усмѣхается.

„Вотъ, какъ славно тѣшатся молодцы!" сказалъ онъ проходившему мимо Егору.

Егоръ былъ мужичекъ степенный, тихій; многіе его недолюбливали за то что онъ пустыми рѣчами и шутками не занимался и говорилъ хоть мало, однако не стѣснялся, при случаѣ, сказать людямъ правду въ глаза. Лицо его было блѣдное, болѣзненное, видъ строгій, такъ что онъ какъ то къ праздничному народу ни съ которой стороны не подходилъ. Семенъ хоть и добродушный вообще человѣкъ, а любилъ задѣвать Егора ѣдкимъ словцомъ; Егоръ не обижался; но не стѣснялся и Семену говорить правду.

— „Сегодня тѣшатся", отвѣтилъ онъ теперь, „а завтра голова не поднимется, и молодыя силы не на трудъ а на вино уйдутъ;" и онъ грустно покачалъ головой.

— „Не уйдутъ силы; не безпокойся; это ихъ только, на первый разъ, съ непривычки, вино такъ разобрало. А посмотри-ка на меня; я пью, пью, сколько вздумается, съ каждымъ посѣтителемъ готовъ полакомиться за компанію, — и мнѣ ни по чемъ; только все здоровѣю."

— „До поры, до времени ни по чемъ; а тамъ, придется, на томъ свѣтѣ, за себя и за другихъ Богу отвѣтъ дать. Тогда что?" И Егоръ поднялъ свой пристальный взглядъ на Семена.

— „Вотъ куда махнулъ, — на тотъ свѣтъ," вскричалъ тотъ, „нѣтъ, братъ; до того свѣта еще далеко; а, покуда, и на этомъ позабавиться не мѣшаетъ;" и Семенъ расхохотался. Заходящее солнце освѣщало его опухшее лицо и красные глаза. Егоръ отошелъ, но опять оглянулся, и своимъ твердымъ, мѣрнымъ голосомъ сказалъ:

— „Не долго тебѣ забавляться на этомъ свѣтѣ; у тебя дѣло что то круто подъ гору идетъ."

Семенъ на минуту, точно остол-

бѣнѣлъ; но живо опомнился и насмѣшливо закричалъ въ слѣдъ: „Самъ прежде моего свалишься; и теперь ужъ еле дышешь“.

Наступилъ день ярмарки въ селѣ Никольскомъ. Веселый день для многихъ: сколько товару, нарядовъ и всякихъ забавъ. Поджидали этого дня за долгое время, подготовлялись къ нему, работали усерднѣе, думая: вотъ скоро попраздничаемъ. Много сошлось народу изъ различныхъ деревень; между нимъ прогуливается и трактирщикъ Семенъ. Женя его дома угощаетъ посѣтителей, а онъ самъ угощается въ гостяхъ.

„Какъ поживаешь, Семенъ,“ спрашиваетъ его изъ далека пріѣзжій мельникъ.

— „Отлично“,

— „Какъ отлично? А я слышалъ будто ты, на прошлой недѣлѣ, заболѣлъ“.

— „Прихворнулъ немного; да это ничего; легкая простуда“.

— „А мнѣ говорили, что ты долгое время безъ памяти лежалъ; я ужъ подумалъ, не съ вина ли?

— „Пустяки! съ моимъ ли здоровьемъ отъ вина заболѣть? Мнѣ отъ него только польза“.

Тутъ его зазвали къ старостѣ въ домъ; и долго онъ тамъ засидѣлся. Подливали рюмку за рюмкой веселому гостю, а онъ все громче шутилъ и смѣялся. Наконецъ, къ вечеру только, онъ поднялся съ мѣста и шатаясь направился къ своему жилищу. Лицо его было багровое, глаза налитые кровью, дыханье тяжелое. Шелъ и Егоръ къ своему дому и поровнялся съ нимъ; онъ шелъ твердою поступью, сторонился отъ народа, но увидавъ что Семенъ едва на ногахъ держится, подошелъ къ нему чтобы поддержать его.

— „Здорово, Егоръ“ съ трудомъ проговорилъ тотъ, и попробовалъ засмѣяться, но не удалось.

Егоръ молча довелъ его до мѣста, потомъ, уходя, оглядѣлъ его съ головы до ногъ и сказалъ:

„Берегись, Семенъ; такимъ порядкомъ будешь жить, такъ не долго на этомъ свѣтѣ прогостишь“.

— „Увидимъ, увидимъ“ пробормоталъ Семенъ; больше онъ ничего не могъ сказать; и отяжелѣвшая голова его свѣсилась на грудь.

Стемнѣло на улицѣ и въ избахъ; закатилось солнышко, погасли лучинки; замолкъ и шумный народъ. Многіе, когда сонъ засталъ ихъ, были уже безъ сознанія: валялись, какъ попало, кто на полу, кто на лавкахъ; иные, во снѣ, стонали, вскрикивали, другіе только хрипѣли. Мѣстами слышался тихій говоръ или сдержанный плачь.

„Еле Петрушу усыпила“ жаловалась молодая женщина невѣсткѣ; „избилъ его пьяный отецъ; да еще въ голову такъ ударилъ, что мальчикъ безъ памяти упалъ, а потомъ, какъ очнулся, все охалъ, да плакалъ. Да; ужь кому въ эти праздники—веселье, а кому и горе безутѣшное“; и она тяжело вздохнула и, опершись на руку, долго, съ печалью, смотрѣла на спящаго ребенка.

— „Господи, сколько грѣха“, шептала старушка, глядя на растянувшагося на полу, безчувственнаго молодаго сына, „парень какой славный, проворный, а теперь на что сталъ похожъ! Думала, онъ выростетъ мнѣ на утѣшеніе, а онъ мать-старуху какими словами избранилъ, за то что захотѣла вино унести. Покрылъ ты, Вася, мою голову стыдомъ; и себя-то до чего довелъ! Все что заработалъ—пропилъ; скоро ни на какую работу не будешь годенъ, сгубишь себя душой и тѣломъ; тогда и живи голодомъ и тоской“.

Старушка наклонилась на столъ и горько заплакала.

Господи! что говоришь Ты, съ высоты Твоихъ чистыхъ небесъ, когда слышишь какъ люди дерзаютъ Твоимъ Святымъ Именемъ соблазнять другъ друга на грѣхъ! „Выпей Христа ради“ уговариваютъ они, пока не доведутъ человѣка до безчувствія; и имъ не страшно это великое, преславное Имя произносить; не страшно „ради Христа“ протягивать гибельную чарку и съ этимъ Именемъ на устахъ, тѣшиться своимъ и чужимъ грѣхомъ!

Настала зима въ селѣ Никольскомъ; все застыло, помертвѣло. Снѣгъ падалъ густыми хлопьями; Егоръ только что надѣлъ тулупъ и собрался въ лѣсъ за дровами, какъ вдругъ распахнулась дверь его избы и вбѣжала дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, дочка трактирщика Семена, и испуганнымъ голосомъ проговорила:

— „Егоръ Алексѣевичъ, васъ мама велѣла сейчасъ къ намъ позвать; съ отцомъ что-то дурно сдѣлалось; бѣгали за священникомъ, за фельдшеромъ; никого дома нѣтъ. не знаемъ что и дѣлать“.

Егора, хоть многіе и не любили за его строгость и безучастіе къ весельямъ, за-то, въ бѣдѣ, къ нему часто обращались за помощью, зная что тутъ онъ безучастенъ не будетъ.

Онъ тотчасъ же вышелъ съ дѣвочкой и дорогой разспрашивалъ ее.

— „Утромъ еще былъ здоровъ“, разсказывала она, „послѣ обѣда сидѣлъ, разговаривалъ съ посѣтителями и мама тутъ же была; вдругъ, какъ сталъ наливать вино въ стаканъ, такъ и упалъ со стула и грохнулся объ полъ. Едва, едва его подняли, такъ онъ тяжелъ былъ; положили его на кровать, растирали, и все ничего не помогаетъ; никого не узнаетъ, ни слова не говоритъ“.

Дошли до трактира, вошли въ комнату рядомъ съ лавкой. Тамъ встрѣтила Егора жена Семена; она отирала слезы и жалобно сказала:

„Я хотѣла ему хоть капельку вина въ ротъ влить; думала это оживитъ его; да онъ ничего не пропускаетъ“.

Егоръ подошелъ къ кровати и какъ взглянулъ, то содрогнулся. Огромное туловище Семена лежало безъ движенья; только изрѣдка, судорожно, приподнималась грудь. Лицо было темно-краснаго цвѣта; глаза безжизненные, налитые кровью. Егоръ няклонился и взялъ его за руку; рука была какъ окаменѣлая; онъ назвалъ его по имени: никакого отвѣта! онъ произнесъ Имя Божіе, — ни малѣйшаго отголоска, ни малѣйшаго движенія въ лицѣ.

— „Батюшка, Семенъ Петровичъ", молила жена, „скажи ты хоть что нибудь; подыми ты хоть правую руку".

Уста не открылись; рука не поднялась!

Нѣкоторые изъ обычныхъ посѣтителей трактира толпились у двери, — ахали, ужасались, качали головой; кто совѣтовалъ воду къ головѣ прикладывать, кто ноги растирать, кто что нибудь другое. Все испробовали, и все напрасно! Жена подняла громкій плачь, но и плачь не вывелъ умирающаго изъ безчувствія. Да; онъ умиралъ; и никто не могъ отвратить этаго; Рука Божія коснулась его, и что могли тутъ сдѣлать люди!

— Евгенія, онъ умираетъ; теперь ужъ ничего не сдѣлаешь", сказалъ Егоръ плачущей женщинѣ.

— „Боже мой!" неужели онъ такъ умретъ, и не покается. Прочитай хоть ты молитву, Егоръ; можетъ быть онъ услышитъ."

Егоръ, медленно, внятно прочиталъ „Отче нашъ"; потомъ, еще краткую молитву, въ которой онъ просилъ Бога помиловать душу Семена.

Когда онъ кончилъ, глаза всѣхъ устрѣмились на лицо умирающаго, искали на немъ хоть малѣйшаго признака сознанія; но нѣтъ; ни одна черта не шевельнулась, лицо было неподвижно. Всѣ стояли, молча, съ трепетомъ въ душѣ; дыханіе стало прерываться, судорога подернула члены; дыханье совсѣмъ прекратилось; все было кончено!

Нѣсколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ; трактиръ все стоитъ на прежнемъ мѣстѣ, въ селѣ Никольскомъ; другой трактирщикъ угощаетъ посѣтителей, — такъ же весело шутитъ, такъ же тѣшится грѣхомъ, какъ и Семенъ тѣшился; готовитъ себѣ такой же конецъ, какъ и Семенъ уготовалъ. Да онъ о концѣ теперь не думаетъ, а если ему кто вздумаетъ напомнить, онъ сердится. Много людей, по прежнему, просиживаютъ тамъ часъ за часомъ за бутылкой; и также не думаютъ, что и имъ когда нибудь придетъ конецъ.

ИЗЪ ТВОРЕНІЙ СВ. ТИХОНА ЗАДОНСКАГО.

Не касайся сего! здѣ ядъ.

Бываетъ, что человѣкъ, хотяй другаго человѣка остерещи, чтобы не повредился, удерживаетъ его и говоритъ ему: **не касайся сего!** здѣ ядъ сокровенъ есть, какъ много таковыхъ случаевъ въ мірѣ видимъ. Тако, Божіе слово остерегаетъ насъ отъ грѣха и глаголетъ всякому изъ насъ: человѣче, берегись грѣха! Въ грѣхѣ ядъ сокровенъ есть: когда коснешися его, умертвитъ тебе: **оброцы грѣха смерть** (Рим. 6, 23). Ядъ въ ненависти, злопомнѣніи и убійствѣ: берегись того! Ядъ въ блудѣ и во всякой нечистотѣ: берегись того! Ядъ въ піянствѣ, роскоши и сластолюбіи: берегись того! Ядъ во враждѣ и ссорѣ: берегись того! Ядъ въ воровствѣ, хищеніи, насиліи, лихоиманіи и всякомъ неправедномъ дѣлѣ: берегись того! Ядъ въ праздности и лѣности: берегись того! Ядъ въ клеветѣ, осужденіи, злорѣчіи, ругательствѣ, сквернословіи, буесловіи, кощунствѣ и всякомъ неполезномъ и гниломъ словѣ: человѣче, берегись того! Ядъ въ гордости, славолюбіи, тщеславіи и лицемѣріи: берегись того! Ядъ во всякомъ дѣлѣ, словѣ, помышленіи и начинаніи богопротивномъ: берегись того! Человѣче, берегись всякаго грѣха, да не умертвитъ тебе! Ядъ тѣло умерщвляетъ, грѣхъ душу. Бережешися смерти тѣлесныя: кольми паче должно берещися смерти душевныя, которую грѣхъ содѣловаетъ. Чѣмъ бо честнѣйшая и дражайшая душа паче тѣла, тѣмъ болѣе должно ее и берещи. Берегись, или не берегись тѣлесной смерти, не убѣжишь ея: всѣмъ сіе необходимо — и тебѣ. А когда душу будеши берещи отъ смертоноснаго яда грѣха; то во вѣки будешь жить, хотя и умрешь; ибо благодатію Божіею востанеши не въ смерть, но въ животъ вѣчный. Берегись и ты, душе моя, всякаго грѣха, яко яда смертоноснаго, да не умертвитъ тя. **Пріидите чада**, глаголетъ къ намъ Духъ Святый, **послушайте Мене, страху Господню научу васъ. Кто есть человѣкъ хотяй животъ, любяй дни видѣти благи? Удержи языкъ твой отъ зла, и устнѣ твои еже не глаголати льсти; уклонися отъ зла и сотвори благо; взыщи мира, и пожени и. Очи Господни на праведныя, и уши Его въ молитву ихъ.: лице же Господне на творящія злая, еже потребити отъ земли память ихъ** (Псал. 33, 12–18). Блаженъ человѣкъ, который слушаетъ увѣщанія и предостереганія Божія слова, и бережется всякаго грѣха! Окаяненъ, кто душеспасительному сему гласу Божію не внимаетъ!

Условія подписки: «Русскій Рабочій» выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Подписка принимается въ конторѣ Редакціи Журнала (Сергіевская ул., д. № 20. кв. 7) отъ 9 до 12 час. утра. Цѣна годовой подп. безъ достав. 60 к., съ дост. въ Спб. 75 к., съ перес. иног. 1 р.

Редакторъ-Издательница А. И. Пейкеръ.

Дозволено цензурою, Спб., 22 августа, 1883 года. Типографія К. Д. Кесневиля, Надеждинская, 39.

МАЛЕНЬКАЯ ПЛѢННИЦА.

(4-я Книга Царствъ, гл. 5-я).

МАЛЕНЬКАЯ ПЛѢННИЦА.

(4-я Книга Царствъ гл. 5-я).

Взяли въ плѣнъ Сиріяне, въ Израильской землѣ, маленькую дѣвочку и привезли ее въ сторону далекую, чужую, языческую. Разлучили дѣвочку, быть можетъ, съ отцомъ съ и матерью; оторвали ее отъ всего, что ей было близко и знакомо; но не могли вырвать изъ сердца ея святыя воспоминанія о той родинѣ, гдѣ чтилось Имя истиннаго Бога и гдѣ не умолкали голоса, напоминающіе о Немъ. Дѣвочку взялъ въ свой домъ царедворецъ—Нееманъ, и она стала прислуживать его женѣ. Знатенъ былъ Нееманъ, и богатъ, и уважаемъ царемъ; но одна была у него бѣда,—бѣда великая: онъ былъ прокаженный! Болѣзнь ужасная, заразительная покрывала его тѣло и не могъ онъ никакъ отъ нея избавиться. Много, вѣроятно, горевали объ этомъ; испробовали различныя средства для излеченія, и все напрасно!

Вдругъ, заговорила маленькая плѣнница и сказала она госпожѣ своей: „о, еслибы господинъ мой побывалъ у пророка, который въ Самаріи: то онъ снялъ бы съ него проказу“.

„**Онъ снялъ бы!**“ Такая твердая увѣренность вѣрно сильно подѣйствовала на окружающихъ, потому что они не только вняли дѣтскому голосу, но даже придали большое значеніе сказаннымъ словамъ.

Отправился Нееманъ къ царю и говоритъ ему „такъ и такъ говоритъ дѣвочка, которая изъ земли Израильской“. И царь отпустилъ его въ Израильскую землю.

„Прибылъ Нееманъ на коняхъ своихъ и на колесницѣ своей и остановился у входа въ домѣ Елисеевъ“.

Елисей былъ тотъ пророкъ Божій, о которомъ возвѣстила дѣвоч-

ка; тотъ самый, который видѣлъ какъ восхищенъ былъ на небо пророкъ Илія, и на котораго упалъ плащъ Иліи, въ знакъ того, что Духъ Божій, который былъ на Ильѣ, передается ему.

Елисей выслалъ къ нему слугу своего сказать: „Пойди, омойся семь разъ въ Іорданѣ, и обновится тѣло твое у тебя, и будешь чистъ". Но Нееманъ оскорбился этимъ и разгнѣвался. Почему же разгнѣвался онъ? Ему обидно стало, что пророкъ обошелся съ нимъ такъ просто и не достаточно оказалъ ему, великому царедворцу, почета. Назначенное леченіе также ему не понравилось, потому что и оно было слишкомъ просто и вовсе не такое какого онъ ожидалъ. Стоило ли совершить такой длинный путь ради того только, чтобы окунуться въ рѣкѣ Іорданѣ? И Дамасскія рѣки, дома, ничѣмъ не хуже Іордана! Напротивъ, онѣ даже лучше; можно бы и въ нихъ омыться.

Такъ разсуждалъ Нееманъ и, въ досадѣ своей, „отошелъ прочь". Напрасно разгнѣвался онъ, скажемъ мы; а между тѣмъ, много есть на свѣтѣ людей, душею прокаженныхъ, которые точно такъ же отходятъ прочь отъ исцѣленія даруемаго Богомъ, только потому что способъ исцѣленія не соотвѣтствуетъ ихъ понятіямъ и желаніямъ. И точно такъ же досадуютъ они на тѣхъ, кто напоминаетъ имъ что другаго средства къ исцѣленію нѣтъ.

Человѣкъ хочетъ быть въ царствѣ небесномъ; но идти туда хочетъ не Божіимъ путемъ, а **своимъ**; хочетъ спасти душу свою, но не по Божіему, а **по своему**.

Впереди всего онъ ставитъ **свои** мнѣнія, **свои** чувства, **свои** мысли; и если мысли Божіи, выраженныя въ Его Словѣ, съ этимъ не согласуются, онъ, съ досадой или съ равнодушіемъ, отходитъ прочь. Отходитъ прочь отъ спасенья,—которое стоило Іисусу Христу невыразимаго мученія,—только потому что, для того чтобы принять его, надо смирить свою гордость и сказать Богу: „не какъ я хочу, но какъ Ты!"

„Люди пустились во многіе помыслы" [1]), говоритъ Св. Писаніе; и когда Слово Божіе этимъ помысламъ противорѣчитъ, люди, не желающіе покориться Богу, гнѣваются.

Но у Неемана были разумные слуги, которые подошли къ нему, въ минуту его безразсудной досады, и дали ему благой совѣтъ: „Еслибы что нибудь важное сказалъ тебѣ пророкъ, то не сдѣлалъ ли бы ты? А тѣмъ болѣе, когда онъ сказалъ тебѣ только: омойся и будешь чистъ."

Нееманъ послушался ихъ: „окунулся въ Іорданѣ семь разъ, по слову человѣка Божія, и обновилось тѣло его, какъ тѣло малаго ребенка, и очистился".

Послушается человѣкъ Бога, откроетъ онъ свое сердце Его Слову и испытаетъ онъ дѣйственную силу этаго Слова. Обновится душа этаго человѣка и станетъ какъ душа малаго ребенка; а Спаситель сказалъ: „истинно говорю вамъ: кто не приметъ царствія Божія, какъ дитя, тотъ не войдетъ въ него [2]). И Давидъ сказалъ: „Господи! не надмевалось сердце мое, и не возносились очи мои... не смирялъ ли я и не успокоивалъ ли души моей; душа моя была во мнѣ, какъ дитя" [3]).

Простотою, смиреніемъ, безусловнымъ довѣріемъ къ Богу, станетъ душа подобна душѣ ребенка; зато, облечется она мудростью не земной, „сходящей свыше, которая чиста, мирна, нелицемѣрна и полна добрыхъ плодовъ." [4])

Исцѣленный отъ болѣзни своей, Нееманъ возвратился къ пророку и сказалъ: „вотъ, я узналъ, что на всей землѣ нѣтъ Бога, какъ только у Израиля." Обновился онъ душой и тѣломъ и, съ благодарнымъ сердцемъ, отправился въ обратный путь, на родину. Чудесная произошла съ нимъ перемѣна, а причиной тому были слова маленькой плѣнницы! Да, дѣвочка хорошо сказала: она сказала правду про свое отечество, сказала ее ясно и смѣло, и сказала ее во время.

Христіанинъ, говоришь ли ты міру правду про твою небесную отчизну? Говоришь ли ее ясно, смѣло и во время, такъ чтобы привлечь туда такихъ, которые еще туда взоръ не обращали?

Написано ли на тебѣ, на всей твоей жизни „имя города Божія, новаго Іерусалима;" [5]) и можетъ ли всякій на тебѣ, эту надпись прочитать?

РАЗСКАЗЪ СЛѢПОЙ АННЫ.

Мать моя осталась молодой вдовой, а я тогда была маленькая, лѣтъ двухъ, дѣвочка. Въ домѣ отца нельзя было жить и дядюшки родные позвали мать жить съ ними въ другую деревню, гдѣ она родилась. Одинъ дядюшка, Алексѣй, не имѣлъ дѣтей, а у другаго дядюшки Василія было много дѣтей, и онъ сталъ обижаться на брата; зачѣмъ, говоритъ, взялъ ихъ двухъ кормить; намъ и безъ нихъ тяжело. Дядя Алексѣй сталъ совѣтовать мамѣ идти въ Питеръ: Мама была молодая, боялась такъ далеко уходить, а потомъ, какъ увидала что черезъ нея много хлопотъ въ домѣ, сказала: дѣлать нечего, надо собираться въ дорогу. Изъ нашей деревни женщины шли въ Питеръ, въ январѣ мѣсяцѣ; она съ ними и пошла. Купила мнѣ сапожки, завернула меня въ шубу, а у самой дырявый кафтанъ только былъ надѣтъ; а въ ту зиму сильный былъ морозъ, такъ что даже кровь шла у нея изъ колѣнокъ, такъ она ихъ зазнобила.

[1]) Еккл. 7. 29.
[2]) Луки 18. 17.
[3]) Псал. 130

[4]) Іаков. 3. 17.
[5]) Откр. 2. 12.

Другія женщины милостыню просили на дорогѣ, а мама стыдилась просить, и большую мы нужду терпѣли. Дошли наконецъ, до чухонской слободки, — называлась она Плитная Ломка, — тамъ у мамы, была крестовая сестра, Христина, которая жила въ работницахъ у одного нѣмца. Она насъ ласково приняла и съ недѣлю держала и кормила; потомъ, хозяинъ больше не позволилъ насъ держать, а женщина, Авдотья, которая съ нами пришла, стала звать маму по міру ходить. Походила мама дня два, а тамъ Авдотья ей говоритъ: „Не возьму тебя больше съ собой; ты просить не умѣешь, и не хочу съ тобой дѣлиться подаяніемъ“. Мама заплакала и начала горевать, что жить нечѣмъ. Тогда Христина сказала: „Не умѣешь ли ты вышивать узоры на полотенцахъ и простыняхъ?“ Мама отвѣтила: „Могу вышивать; на какой узоръ посмотрю, такой и могу вышить“. Христина объ этомъ сказала дѣвушкамъ, тамошнимъ уроженкамъ; — онѣ принесли мамѣ полотенца и простыни вышивать; и у кого что было, то мамѣ приносили: кто принесетъ хлѣба, а кто капусты или крупъ. Такъ мы зимой и кормились этимъ вышиваніемъ; а когда поспѣли полевыя работы, то всѣ люди, разошлись по работамъ, и мама тоже пошла по дачамъ работать. Бывало, уйдетъ на цѣлую недѣлю, а меня въ избѣ оставитъ съ другими сосѣдскими дѣтьми. Тутъ всего горя не сосчитать, сколько было. Ночью, ребятишки уйдутъ на сарай, а меня одну оставятъ. На лѣстницу не могу подняться, выйду на скотный дворъ, а тамъ овцы меня обступятъ, нюхать меня начнутъ, я испугаюсь, повалюсь и плачу. Иногда дѣти услышатъ и опять меня въ избу приведутъ. Мама оставляла мнѣ хлѣбъ, когда на долго уходила, а я забуду куда она его положила; дѣти постарше, когда вспомнятъ меня накормить, а когда и забудутъ. Мать придетъ домой; я голодная, а хлѣбъ засохшій, на полкѣ лежитъ: не умѣла его найти. Лѣто прожили кое какъ; пришла зима, квартира холодная и мы вышли жить въ баню съ двумя женщинами; а около Рождества мама заболѣла горячкой. Долго лежала она безъ памяти: недѣль шесть; а въ это самое время приключилась мнѣ золотуха, заболѣли глаза, сохранить ихъ некому было; такъ я, трехъ лѣтъ отъ роду, и ослѣпла. Мама опомнилась послѣ горячки, а у меня уже бѣльма на глазахъ; она стала хлопотать обо мнѣ, лечила меня, кто чѣмъ присовѣтуетъ, а золотуху еще хуже раздразнили и бѣльма на глазахъ остались. Мама, бѣдная, сама круглый годъ хворала и работала черезъ силу только чтобы намъ прокормиться. Я иногда по міру съ ребятишками ходила; у меня были знакомые, которые меня, маленькую, жалѣли. Была Елена Максимовна: она разъ увидала изъ окна, что мнѣ дѣти не тотъ кусокъ пирога отдали, который она велѣла отдать:—себѣ взяли большой, а мнѣ дали поменьше; — тогда она уже изъ своихъ рукъ стала мнѣ милостыню подавать. Помню тоже Пелагѣю Ильинишну: какъ приду къ ней, она мнѣ давала, что было у нея получше и теплый платокъ мнѣ разъ подарила. Когда мама стала здорова, у насъ хоть и лишняго не было, а все же были сыты и одѣты.

Потомъ, мы вышли, съ мамой, изъ слободы въ Колпино. У насъ было восемь рублей капитала, но и тотъ у насъ украли; опять мы остались безъ ничего. Въ Колпинѣ мама работала на кирпичныхъ заводахъ и въ другихъ мѣстахъ работала; а придетъ домой, часто бранитъ меня за собакъ. Я наберу хлѣба въ карманы и вынесу на улицу, а собаки обступятъ меня и пляшутъ около меня; я имъ хлѣба бросаю, онѣ хватаютъ, а мнѣ это и любо. Женщины увидятъ и мамѣ скажутъ: „что это Анюта хлѣбъ роздаетъ собакамъ“; а мама разсердится на меня и говоритъ: „Я хлѣбъ покупаю не для собакъ“. Когда я была по старше, лѣтъ девяти, она тоже изъ за куколъ на меня очень сердилась. Какъ я стала понимать, что у дѣтей есть куклы, а у меня нѣтъ, такъ и стала просить чтобы мнѣ дѣти въ руки дали свои куклы подержать. Я руками своими разсмотрю какъ онѣ сдѣланы; и такъ захотѣлось мнѣ свою куклу имѣть, что я украла у мамы тряпокъ и нитокъ и принялась шить себѣ куклу. Думаю: а какъ же буду иголку въ нитку вдѣвать; а одна старушка сказала: „Была такая слѣпая дѣвушка, которая ушко иголки языкомъ находила“. Трудно было находить ушко иголки, а я все таки языкомъ его нашла, и тогда скоро у меня пошла работа. Я отъ мамы прятала свои куклы; но разъ она ихъ увидѣла и такъ разсердилась, что въ печку ихъ бросила, а меня прибила и говоритъ: „Я тебя кормлю, одѣваю, а ты на пустяки мои нитки и тряпки изводишь“. Я плакала, плакала о куклахъ и мамѣ жалко стало, она мнѣ куклу купила и такую хорошую, кожанную. Эта кукла мнѣ вмѣсто выкройки была; и я опять стала изъ тряпокъ куклы дѣлать и платья на нихъ шить и передники. А дѣти стали брать у меня эти куклы и говорили: „если ты не дашь, мы тебя никуда не возьмемъ: ни за ягодами, ни за грибами,—никуда“. Такъ и кожанную куклу выманили у меня: стали грозить всячиной, и я по неволѣ отдала.

На четырнадцатомъ году, я ужасно была больна: опять открылась золотуха; по всему тѣлу пошли большіе пузыри и я цѣлую зиму лежала, а потомъ, съ этой болѣзни, кожа облупилась до пояса; точно была обожженная.

Пожили мы въ Колпинѣ пять лѣтъ и заработала мама и накопила 50 рублей. Мама писала дядѣ Осипу, чтобы онъ ей поставилъ избу и такъ на него понадѣялась, что осенью мы пошли въ свою сторону.

Приходимъ, а онъ и не думалъ намъ избы ставить: деньги взялъ и обманулъ маму. Только говоритъ: „живи покуда у насъ въ избѣ; будешь жить какъ родная“. Но мама жила какъ работница. А лѣто прошло и дядя Осипъ говоритъ: „и ты Анюта, работай у меня“. Трудная была у него работа, и сколько горя я въ тотъ годъ приняла! Онъ хотѣлъ, чтобы я все дѣлала, какъ зрячая, ихъ было шесть человѣкъ и на всѣхъ, на нихъ, надо было стирать. Постройки на дворѣ было много, а меня всюду посылали, иду, пробираюсь: тамъ зацѣплюсь, тутъ ударюсь и голова все болѣла отъ ушибовъ. Когда же сѣно поспѣло, они говорятъ: „носи сѣно въ сѣновалъ“, а я пойду носить—поле широкое,—хожу, хожу, мнѣ и не попасть въ сѣновалъ! Дядя бранится, а ужъ какъ напьется пьяный, мы съ мамой такъ и прячемся по угламъ. Тутъ волостной старшина за насъ вступился, и черезъ годъ намъ дядя избу поставилъ.

Зимой, я не могла по снѣгу работать; все съ мамой пряла; только трудно намъ было даже и на хлѣбъ заработать. Весною, жена полѣсовщика Андрея стала просить маму отдать меня къ ней въ няньки; мнѣ тогда было семнадцать лѣтъ. Добрые были люди—Андрей и Акулина, и хотя работы было много, но мнѣ было не трудно. Бывало, камъ мы встанемъ, сейчасъ хозяйка около ребенка, а я пойду дровъ принесу и печь затоплю; потомъ воды изъ колодца принесу; хозяйка начнетъ стряпать, а я качаю маленькаго, а какъ она уйдетъ на работу, я дѣтей обѣдомъ накормлю, въ избѣ приберу, посуду вымою. Коровы ихъ меня знали: выйду я съ хлѣбомъ, на дворъ, а онѣ ко мнѣ идутъ, такъ что я тамъ и доить могла, — такія были коровы смирныя. Если хозяйкѣ нѣкогда, я возьму въ одну руку маленькаго, а другой рукой въ огородѣ собираю листья отъ капусты и кортофеля для свиней. Такъ привыкла къ этому мѣсту: бывало сѣно привезутъ, я ребятъ упокою, а сѣна нагребу кучу и нанесу въ сарай. Такъ прожила я пятнадцать лѣтъ: зимою у мамы, а весною уходила къ Андрею: дѣтей няньчила и домашнюю работу справляла.

Потомъ, какъ всѣ дѣтки подросли, я отъ нихъ отошла, но все таки, я довольна ими осталась; а они довольны мною и по сей часъ.

Въ то время, когда я жила у Андрея, у меня сильно болѣла нога и я поѣхала въ село Покровское къ нѣмкѣ Каролинѣ Федоровнѣ;—я съ нею прежде была знакома, когда она жила на мельницѣ, у своего племянника, около нашей деревни. Она и въ то время всегда собирала травы и лечила больныхъ, которые къ ней приходили. Андрей по своимъ дѣламъ, ѣхалъ въ Покровское, къ барину, и взялъ меня съ собою.

Баринъ Тимофей Васильевичъ, имѣлъ въ Покровскомъ квартиру, по знакомству съ помѣщицей. Онъ былъ слѣпой, убогій старичекъ, а Каролина Федоровна у него служила. Она дала мнѣ лекарство, а тутъ пришелъ Тимофей Васильевичъ, баринъ, и сталъ распрашивать кто я, откуда, и давно ли ослѣпла. Каролина Федоровна все про насъ разсказала, да похвалила маму,—что она работящая. Черезъ годъ сынъ Каролины Федоровны сталъ звать ее къ себѣ: онъ вышелъ изъ ученія и свою мастерскую открылъ. Мы про это ничего не знали, а намъ Тимофей Васильевичъ послалъ сказать чтобы мы къ нему жить перешли. Мама въ то время отлучиться не могла, а меня послала къ нему, пока сама справится. Каролину Федоровну я уже въ Покровскомъ не застала, но остались тамъ ея двѣ дочери: Лиза—ничего себѣ, толковая, и Минна—дурочка.

Минна очень кушать любила и могла немножко стряпать, а другую работу мнѣ показала Лиза какъ сдѣлать, и сама уѣхала.

Это было ужасно трудное для меня время. Почти вся работа на мнѣ лежала, а отъ Минны не только помощи не дождаться, а только одна помѣха. Я за дровами пойду, а она за мной нарочно дверь затворитъ; я приду, не знаю, и прямо объ дверь лбомъ стукнусь.

Воду надо было съ озера доставать; около спуска былъ мостикъ и я по этой примѣтѣ дорогу находила. Дѣло было зимою, мятель поднялась страшная, и стала я просить Минну: „пойди ты сегодня за водой, боюсь я упасть“. Какъ я ее ни просила, низачто Минна не пошла, а баринъ безъ воды не могъ остаться,—я и поплелась, хоть и страшно, было: думала, вѣрно мостикъ занесло. Иду съ озера и не знаю какъ до дому добраться, хотѣла подняться на гору, а набрела на кустъ, споткнулась и упала; и только одно ведро могла удержать. Ушиблась я, испугалась, а тутъ слышу, Минна смѣется, такъ даже обидно стало. Къ Пасхѣ пришла мама; тутъ насъ было двое и легко было работать; а Минну отвезли къ матери. Тимофей Васильевичъ былъ добрый баринъ и такъ какъ онъ самъ былъ слѣпой и убогій, то онъ и меня жалѣлъ и въ эту зиму научилъ меня читать „Вѣрую“.

Когда я была у Андрея я слышала какъ онъ читалъ молитвы. Евангелія у него не было а только былъ молитвенникъ.

Читалъ онъ что-то про грѣхи, а я стала это замѣчать и взяла себѣ въ умъ что и то не надо дѣлать, и другое не хорошо; что грѣхъ осудить ближняго и позавидовать людямъ.

Старалась я это оставить, а про Іисуса Христа ничего не знала.—Слышала я также что Богъ—Одинъ, въ трехъ Лицахъ, а больше ничего и не слыхала. Къ лѣту пріѣхала въ Покровское помѣщица—Любовь Николаевна. Она была добрая, навѣщала Тимофея Васильевича и какъ придетъ, сейчасъ спроситъ: „Гдѣ-же Аннушка? „Я приду и слу-

шаю, какъ она читаетъ Евангеліе. Недолго прогостила она и мало пришлось мнѣ послушать, а все таки много бросила я своихъ прежнихъ мыслей и перестала такъ скучать о своей насчастной жизни. Я раньше думала: когда же это я помру; что мнѣ Богъ смерти не даетъ? а то если мама первая помретъ, останусь я одна, такъ я совсѣмъ пропала! Или меня собаки съѣдятъ, или въ лѣсу заблужусь; а теперь меня Господь много успокоилъ. Какъ вздумаю про Іисуса Христа, — что Онъ никогда меня не броситъ—такъ на сердцѣ легко и станетъ.

Приходили и другіе люди въ гости къ Тимофею Васильевичу и также читали, только не Евангеліе, а все газеты; и самъ онъ больше о газетахъ говорилъ. Разъ я затосковала, что ничего про Іисуса Христа не слышу и спросила у него: „Развѣ не пріѣдетъ больше Любовь Николаевна къ намъ это лѣто?“

— „Не собиралась“, отвѣчалъ онъ, „а можетъ и пріѣдетъ потому что въ деревнѣ слышно, больныхъ много“.

И въ правду такъ и вышло; денька три прошло и пріѣхала. Стала по деревнямъ ѣздить, стала къ себѣ больныхъ принимать, и такъ у нея много дѣла было, что къ Тимофею Васильевичу только въ торопяхъ, бывало, прибѣжитъ.

Помню, какъ она разъ говорила, что если мы любимъ Господа, надо и людей любить. А Тимофей Васильевичъ говорилъ: „Вы то свою любовь показываете; а въ нашей любви какая польза? Вотъ мы съ Аннушкой ничего для ближнихъ сдѣлать не можемъ.“—„А молитесь ли вы за больныхъ?“ спросила она— „Толку мало отъ нашей молитвы отвѣчалъ онъ.“ А я подумала: „отчего бы не помолиться?“

Въ тотъ же вечеръ захворалъ Тимофей Васильевичъ и мама побѣжала къ Любовь Николаевнѣ; она вмѣстѣ съ фельдшеромъ пришла къ нему, дали лекарства, ему легче стало, но все таки онъ, послѣ этой болѣзни, не могъ совсѣмъ оправиться. Тутъ Любовь Николаевна часто къ намъ ходила и много читала Евангеліе.

Помню я, какъ она читала про Іисуса Христа: что Онъ въ бѣдности родился въ городѣ Виѳлеемѣ, въ пещерѣ, куда пастухи загоняли стада; и спеленала Его Матерь и въ ясли положила. Помню я, какъ Ангелы о томъ пастухамъ возвѣстили и какъ хорошо сказалъ Ангелъ: „возвѣщаю вамъ радость, которая будетъ всѣмъ людямъ.“ Любовь Николаевна прочитала это слово; потомъ, у меня спросила: „А ты Аннушка, имѣешь ли въ сердцѣ радость, что Іисусъ Христосъ родился?“ Я сказала: „не знаю; не разберу, что у меня на сердцѣ! А ночью проснулась и думаю: „отчего это я такъ мало люблю Іисуса Христа?“

И вспомнила, какъ я отъ Любовь Николаевны слышала, что Іисусъ Христосъ съ неба сошелъ чтобы за насъ муку принять и что Онъ умеръ за наши грѣхи и воскресъ для нашего спасенія. Онъ былъ точно выборный изъ большаго, большаго общества всѣхъ людей, въ цѣломъ мірѣ: за всѣ грѣхи наши Онъ Богу отвѣтилъ, а когда воскресъ изъ мертвыхъ то насъ всѣхъ съ Богомъ помирилъ. Онъ и Маріи Магдалинѣ сказалъ: „восхожу къ Отцу моему и Отцу вашему.“

Надо, значитъ, крѣпко, вѣрить и держаться за Іисуса Христа и тогда Богъ прощаетъ грѣхи и принимаетъ насъ въ Свое Царство небесное.

Въ Покровскомъ была дѣвочка Маша, которая очень меня любила;—какъ заблаговѣстятъ, она, бывало, сейчасъ прибѣжитъ чтобы вести меня въ церковь,—и все ихъ семейство такое было доброе. Мать была прачка и всегда меня ласково принимала. Бѣлья ей много нанесутъ съ господскаго дома и я часто ей помогала бѣлье полоскать. Разъ Любовь Николаевна проходила мимо прачешной, а я стою на плоту, около озера, полощу бѣлье съ трехъ корзинъ. Она такъ боялась что я въ воду упаду. Зачѣмъ бояться? Я не боюсь; особенно съ тѣхъ поръ, какъ знаю стишокъ изъ Псалма.“ Я всегда съ Тобой; Ты держишь меня за правую руку; Ты руководишь меня совѣтомъ Твоимъ и потомъ примешь меня во славу.“ Такъ я Бога благодарю за этотъ стишокъ; онъ меня часто утѣшалъ! Слѣпому человѣку нельзя на самаго себя надѣяться; да и никому нельзя! Вотъ, понадѣялся на себя Апостолъ Петръ; бѣда и вышла.

Онъ повсюду ходилъ за Іисусомъ Христомъ и много Его любилъ, и даже обѣщался Ему, что если и другіе Его оставятъ, онъ не оставитъ. А Господь сказалъ: прежде чѣмъ пропоетъ пѣтухъ, ты три раза отъ Меня отречешься. Но когда злые люди пришли съ ножами и веревками, взять Іисуса Христа Петръ сперва, было, хотѣлъ за Христа заступиться, а потомъ побоялся и только издали за Нимъ шелъ. Довели Іисуса Христа до такого судьи, который Его началъ допрашивать, а Петръ, въ это время грѣлся у огня, на дворѣ и простой служанки испугался. Она стала говорить, что видѣла его со Христомъ и другіе сказали тоже самое; а Петръ началъ отпираться, что нѣтъ; началъ даже клясться и божиться что не знаетъ Его. Тутъ пѣтухъ и запѣлъ; а Господь, какъ выходилъ отъ судьи, обернулся на Петра, взглянулъ на него, и Петръ вышелъ вонъ и горько заплакалъ. Ужъ какъ тутъ было не заплакать, послѣ такого грѣха: отъ самаго Христа отказался! Господь зналъ, какъ ему тяжело было и когда воскресъ изъ мертвыхъ, утѣшилъ его. Сперва спросилъ его три раза: „Любишь ли ты Меня.“ Петръ отвѣтилъ: „Ты знаешь, что я люблю Тебя.“ Господь прочиталъ въ сердцѣ его, что ужъ онъ Его такъ

любитъ, что только и хочетъ Ему служить и на самого себя надѣяться пересталъ, и сказалъ ему Господь: „паси овецъ Моихъ“. Іисусъ Христосъ—добрый Пастырь, а мы, люди,—Его овцы.

Пришла осень, и совсѣмъ что-то худо сдѣлалось бѣдному Тимофею Васильевичу: онъ лежалъ съ закрытыми глазами, а Любовь Николаевна около его постели Богу молилась. Я побѣжала къ мамѣ и говорю: „вѣрно ужъ онъ помираетъ;“ она со мной вернулась въ комнату, а онъ приподнялся и хотя съ большимъ трудомъ, но все таки сказалъ: „Богъ такъ, такъ“...—„возлюбилъ міръ“ стала говорить дальше Любовь Николаевна „что отдалъ Сына Своего единороднаго дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную“. Онъ повторилъ: „жизнь вѣчную;“ и такъ и кончился. Царство ему небесное!

Какой милостивый конецъ ему Господь послалъ!

Послѣ похоронъ Тимофея Васильевича Любовь Николаевна должна была уѣхать, а мы съ мамой снарядились въ свою сторону. Первое время такъ трудно и скучно было въ нашей деревнѣ: никто про Бога и не вздумаетъ, всякій праздникъ у питейнаго дома толпятся, и нашъ дядя Осипъ отъ ушибовъ послѣ пьянства, померъ. Мы были съ мамой, около него. Трудно очень онъ помиралъ и прощенья просилъ у мамы. Андрей, полѣсовщикъ, не жилъ уже больше около нашей деревни и некому было мнѣ Евангеліе читать. Была у меня отъ Любовь Николаевны божественная книжка, да нашихъ грамотныхъ парней ни за что не уговоришь за хорошее чтеніе взяться. Въ будни работаютъ, а въ праздники, одни гулянья на умѣ, Я только утѣшалась тѣми стихами Евангелія, которые Любовь Николаевна, бывало, Тимофею Васильевичу повторяла. Найдетъ на меня тоска, я и начну повторять: „Придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ.“ Еще я затвердила тотъ хорошій стишокъ что „любящимъ Бога все содѣйствуетъ ко благу.“ Ужъ чего кажется хуже, когда я съ коромысломъ, завязла въ снѣгу. Былъ ужъ вечеръ, погода дурная, а колодезь далеко, за деревней. Такая поднялась вьюга, что дорогу занесло, не знала какъ мнѣ до дому и добраться. Стала кричать, никто голосу не подалъ,—вѣрно за вѣтромъ не слышали. Перемерзла вся, и страхъ такой напалъ, а тутъ вспомнила слова: „не бойся, только вѣруй,“ и говорю: „Господи, доведи Ты меня до моей избы.“ Господь и довелъ, а я научилась что съ Господомъ ничего бояться не надо.

Другой разъ, жалѣютъ меня добрые люди; говорятъ: „бѣдная Аннушка, свѣта Божіяго не видитъ!“ А я себѣ думаю: Господа на сердцѣ держишь, такъ и свѣтъ Божій видишь; и такая радость на душѣ, что все только и хочешь Бога благодарить и за людей молиться!

Разсказъ слѣпой Аннушки конченъ; теперь я,—та самая Любовь Николаевна, про которую она говоритъ,—хочу прибавить отъ себя нѣсколько словъ. Анна и теперь жива и каждое лѣто мы съ ней видимся; она гоститъ у меня и безъ провожатаго научилась ходить въ больницу. Сидитъ тамъ около больныхъ, утѣшаетъ ихъ; кому кушанье подастъ, кому доброе слово скажетъ, кому пошьетъ что нибудь. Разъ прихожу я туда, подхожу къ двери и слышу голосъ Анны. Она сидѣла около женщины, которая была больна отъ побоевъ мужа и ни за что не хотѣла болѣе къ нему вернуться. Аннушка уговаривала ее молиться за обидчика и говорила ей: „Начни только; увидишь, что Богъ услышитъ: будетъ въ немъ перемѣна. Вѣдь Богъ все можетъ сдѣлать. Проси Бога и за себя, чтобы Онъ твое сердце смирилъ“. Стала она ей еще повторять стихи изъ Евангелія, которые она знала наизусть; и невольно пришло мнѣ на мысль: сколько людей зрячихъ, грамотныхъ, пренебрегаютъ Словомъ Божіимъ, а какъ этимъ сокровищемъ дорожитъ слѣпая дѣвушка! И какъ усердно передаетъ она его другимъ! Каждое лѣто, я съ радостью, учила ее повторять наизусть тѣ мѣста Евангелія, которыя ее особенно трогали, и что она выучивали, того уже никогда болѣе не забывала. Горячо вѣритъ Аннушка тому, что „Богъ есть любовь“ и когда глядишь на нее, и самъ постоянно вспоминаешь ея любимыя слова: „Пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ и Богъ въ немъ“.

ПРЕСТУПНИКИ И РАДОСТНАЯ ИМЪ ВѢСТЬ.

(Изъ твореній Св. Тихона Задонскаго).

Аще бы какіе люди впали въ знатное предъ Царемъ согрѣшеніе, и отъ него бы посланы были въ заточеніе или въ ссылку; и пришелъ бы какой вѣстникъ отъ Царя къ нимъ, и объявилъ бы имъ что Царь ихъ прощаетъ, и преступленіе ихъ оставляетъ имъ, и въ отечество и домъ ихъ паки возвращаетъ, и въ мирѣ и покоѣ даетъ имъ жить: о коль радостная была бы вѣсть бѣднымъ тѣмъ осужденникамъ!—Мы съ праотцемъ нашимъ Адамомъ вси предъ Богомъ—Царемъ небеснымъ—согрѣшили, и изъ рая въ міръ сей, аки въ заточеніе и ссылку, посланы. Христосъ, Сынъ Божій, великаго совѣта Ангелъ, пришелъ къ намъ изгнаннымъ и осужденнымъ, и принесъ пресладкую отъ небеснаго Своего Отца вѣсть, и объявилъ намъ, что Богъ прощаетъ насъ, и паки въ милость Свою пріемлетъ. **И пришедъ благовѣсти миръ вамъ дальнимъ и ближнимъ**, глаголетъ Апо-

столъ (Ефес. 2, 17).—И Самъ Христосъ о Себѣ благовѣствуетъ намъ: **благовѣститенищимъ посла Мя** (Отецъ) **исцѣлити сокрушенныя сердцемъ, проповѣдати плѣненнымъ отпущеніе и слѣпымъ прозрѣніе, отпустити сокрушенныя во отраду, проповѣдати лѣто Господне пріятно** (Луки 4, 18 и 19. — Какъ бы сказалъ: не бойтеся, не ужасайтеся, бѣдніи и отверженніи человѣцы! Я вамъ добрую отъ Отца Моего небеснаго вѣсть принесъ. Согрѣшили вы: Онъ вамъ грѣхи прощаетъ. Отвратились вы отъ Него: Онъ васъ паки къ Себѣ обращаетъ. Удалились и изгнались вы отъ лица Его: Онъ васъ паки къ Себѣ возвращаетъ. Погибли вы: Онъ васъ чрезъ Мене спасаетъ. Выгнались вы изъ рая чрезъ грѣхъ свой: Онъ вамъ благодатію Своею, вмѣсто рая, небо подаетъ. Пріимите убо Мене, яко Посланника Его. **Да не смущается сердце ваше! Вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте. Въ дому Отца Моего обители многи суть** (Іоан. 14, 1 и 2). Въ тыя обители васъ, изгнанныхъ, призываю и возвращаю. — О вѣсти, всему міру дражайшія, сладчайшія и благопріятнѣйшія! Ничего воистинну пріятнѣе не можетъ быть намъ, бѣднымъ грѣшникамъ, паче вѣсти сея! Не такъ алчущимъ пища, жаждущимъ холодная вода, плѣненнымъ свобода, сѣдящимъ во тмѣ свѣтъ, утружденнымъ покой, немощнымъ здравіе, какъ намъ бѣднымъ, удаленнымъ отъ Бога, отверженнымъ, осужденнымъ и погибшимъ грѣшникамъ, вѣсть сія пріятна. Не бойся, не отчаявайся, бѣдный грѣшниче! Христосъ, Сынъ Бога живаго. Царь и Царя небеснаго Сынъ, возлюбленный и единородный, отъ Отца Своего небеснаго посланный, пришелъ тебя спасти, и въ небесное Свое Царствіе привести. **Пріиде Сынъ человѣческій взыскати и спасти всякаго погибшаго** (Луки, 19 10). — **Вѣрно слово и всякаго пріятія достойно, яко Христосъ Іисусъ пріиде въ міръ грѣшники спасти** (1 Тимоѳ. 1, 15). — **Тако бо возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего единороднаго далъ есть, да всякъ, вѣруяй въ Онь, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный Не посла бо Богъ Сына Своего въ міръ, да судитъ мірови, но да спасется Имъ міръ** (Іоан. 3, 16 и 17 . — Благодаримъ Тя, Человѣколюбче, единородный Сыне и Слове Божій, что Ты намъ такъ сладкую и утѣшительную вѣсть отъ Отца Твоего небеснаго принесъ, и тою сердца наша, ядомъ древняго змія огорченная, усладилъ! Вѣруемъ въ Тя, Сына Бога живаго, и пославшаго Тя небеснаго Отца; и Тобою, Иже еси путь, истина и животъ, къ Нему приди надѣемся, и славити Тя на вѣки безконечныя со Отцемъ и Твоимъ Святымъ Духомъ! **Буди убо, Господи, милость Твоя на насъ, якоже уповахомъ на Тя** (Псал. 32, 22)!— На Тя, Господи, уповахомъ, да не постыдимся во вѣки, аминь! — Сею преcладкою вѣстію, или Евангеліемъ Господа нашего Іисуса Христа, утѣшайся печальная душа, согрѣшившая и кающаяся! Сія и въ житіи твоемъ, во время зноя духовнаго да будетъ прохлажденіе, и въ часъ смертнаго подвига живое утѣшеніе. Пріиде Сынъ Божій грѣшники спасти, не такіе-и-такіе, но всякіе, какіе бы они ни были; только бы покаялися, и вѣровали въ пришедшаго грѣшники спасти Іисуса Христа: и рай имъ отверзится рукою на крестѣ распятаго Христа.—Покайся убо и ты, грѣшниче, и вѣруй въ святое и сладчайшее Евангеліе сіе, и безъ сомнѣнія внидеши, съ разбойникомъ, въ рай. **Благословенъ Господь Богъ Израилевъ, яко посѣти и сотвори избавленіе людямъ Своимъ, и воздвиже рогъ спасенія намъ въ дому Давида отрока Своего: якоже глагола усты святыхъ отъ вѣка Пророкъ Его** (Луки 1, 68, 69 и 70).

ИЗЪ ТВОРЕНІЙ СВ. ЕФРЕМА СИРИНА.

Смотрите, никто не говори: много нагрѣшилъ я, нѣтъ мнѣ прощенія. Кто говоритъ это, тотъ не знаетъ, что Богъ есть Богъ кающихся, что Онъ пришелъ на землю не праведныхъ спасати, а грѣшниковъ призвать къ покаянію,—и что когда кто кается, радость бываетъ объ немъ на небесахъ.

Истинное покаяніе состоитъ въ томъ, чтобы удалиться отъ грѣха и возненавидить оный. И вотъ когда кто скажетъ отъ сердца: неправду возненавидѣхъ, и омерзихъ; тогда Богъ съ радостію пріемлетъ такого.

Но смотрите, никто да не дерзнетъ также сказать: я не согрѣшилъ. Кто говоритъ это, тотъ слѣпъ, смежилъ очи, самъ себя обманываетъ и не знаетъ, какъ окрадываетъ его сатана и въ словахъ и въ дѣлахъ, то чрезъ слухъ, то чрезъ глаза, то чрезъ осязаніе, то чрезъ помыслы. Ибо кто похвалится, что у него невинно сердце, и чисты всѣ чувства?

Никто не безгрѣшенъ, никто не чистъ отъ скверны, никто изъ человѣковъ не свободенъ отъ вины, кромѣ Того Единаго, Кто насъ ради обнищалъ богатъ сый. Безгрѣшенъ Онъ одинъ, взявшій грѣхи міра, желающій спастися всѣмъ человѣкамъ, нехотящій смерти грѣшника, человѣколюбивый, многоблагоутробный, милосердый, душелюбивый.

Къ Нему прибѣгнемъ и мы; потому что всѣ грѣшные, прибѣгавшіе къ Нему, улучили спасеніе.

„БЛАЖЕННЫ СЛЫШАЩІЕ СЛОВО БОЖІЕ!“

(Луки 11, 28).

„БЛАЖЕННЫ СЛЫШАЩІЕ СЛОВО БОЖІЕ!“

(Луки 11. 28)

Да; „блаженны слышащіе Слово Божіе и **соблюдающіе** его!“ Эта женщина слушаетъ, какъ внимательно! Всѣмъ сердцемъ внимаетъ она тому что Ап. Павелъ говоритъ о Христѣ; и про нея сказано что она не только слушала, но приняла, сохранила и исполнила: открыто исповѣдала свою вѣру, и принимая въ свой домъ гонимыхъ за правду служителей Христовыхъ, Его Самого приняла.

„И такъ всякаго, кто слушаетъ „слова Мои сіи и исполняетъ ихъ уподоблю мужу благоразумному, который построилъ домъ свой **на камнѣ**. И пошелъ дождь и разлились рѣки, и подули вѣтры, и устремились на домъ тотъ и онъ **не упалъ**, потому что основанъ былъ на камнѣ.“ (Матѳ. 7, 24, 25).

„Міръ проходитъ и похоть его, а исполняющій волю Божію пребываетъ во вѣкъ.“ (1. Іоан. 2, 17).

Условія подписки: «Русскій Рабочій» выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Подписка принимается въ конторѣ Редакціи Журнала (Сергіевская ул., д. № 20, кв. 7) отъ 9 до 12 час. утра. Цѣна годовой подп. безъ достав. **60** к., съ дост. въ Спб. **75** к., съ пересыл. иног. **1** р.

Редакторъ-Издательница А. И. Пейкеръ.

Дозволено цензурою, Спб., 10 октября, 1883 года. Типографія К. Д. Ксеневиля, Надеждинская, 39.

МУЧЕНИКЪ ЗА ПРАВДУ.

МУЧЕНИКЪ ЗА ПРАВДУ.

Смотрите, передъ вами стоитъ одинъ изъ многихъ, и многихъ мучениковъ которые, въ первые времена христіанства, положили жизнь свою за Божію правду; одинъ изъ тѣхъ, про которыхъ Христосъ сказалъ: „Блаженны изгнанные за правду; ибо ихъ есть царство небесное [1])".

Онъ въ темницѣ, беззащитный, во власти жестокихъ людей; но онъ не страшится смерти; онъ не на людей и смотритъ. Не видитъ ли онъ, какъ перво-мученикъ Стефанъ,—не злобу людскую,—а „славу Божію и Іисуса, стоящаго одесную Бога [2])"?

Не вспоминаетъ ли онъ слова Христовы: „говорю же вамъ, друзьямъ Моимъ; не бойтесь убивающихъ тѣло, и потомъ не могущихъ ничего болѣе сдѣлать [3])"? — „Я сказалъ вамъ сіе для того, чтобы вы, когда прійдетъ то время, **вспомнили**, что Я сказывалъ вамъ о томъ [4])".

Настала минута смерти; но не ужаснулась ея то сердце, которое **помнило** слова Христовы.

Христосъ сказалъ: „Всякій живущій и вѣрующій въ Меня не умретъ во вѣкъ [5]); и этому свидѣтелю Христову люди „не могли ничего болѣе сдѣлать", какъ только умертвить тѣло; духъ же вырвался отъ нихъ въ полноту жизни и блаженства.

„Смертное поглощено было жизнью [6])"; „поглощена смерть побѣдою [7])"!

„Благодареніе Богу, даровавшему намъ побѣду Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ [8])"!

„Кто отлучитъ насъ отъ любви Божіей: скорбь, или тѣснота, или гоненіе, или голодъ, или нагота, или опасность или **мечъ?** Какъ написано: за Тебя умерщвляютъ насъ всякій день; считаютъ насъ за овецъ, обреченныхъ на закланіе. Но все сіе преодолѣваемъ Силою Возлюбившаго насъ [9])".

И намъ, Господи, дай **все сіе преодолѣвать** Силою Твоею! И насъ благослови за Твою правду стоять, за нее, если нужно, страдать, и для нея одной жить!

---

[1]) Матѳ. 5. 10. [2]) Дѣян. 7. 55.

[3]) Лук. 12. 4. [4]) Іоан. 16. 4. [5]) Іоан. 17. 26. [6]) 2 Кор. 5. 4. [7]) 1 Кор. 15. 54.

[8]) 1 Кор. 15. 57. [9]) Римл. 8. 35—37.

КУДА УКРЫЛАСЬ ОВЕЧКА.

— „Прости, родимый, прости мой голубчикъ“, шептала старушка, обнимая внука и прижимая голову его къ груди своей.

Плакала старушка; плакалъ и юноша; онъ отправлялся въ путь далекій и опасный: на войну. Тяжела была ему разлука, но какъ сравнить его еще почти дѣтскую печаль съ глубокимъ горемъ того сердца, которое приголубило его съ младенческаго возраста и теперь отпускало одного, на чужбину, — быть можетъ, на смерть. Бабушка благословляла его, охватывала его крѣпко своими старческими руками, и поручала его Милости Божіей.

Ушелъ молодой солдатъ; а старушка все стояла и провожала его глазами. Онъ уже давно скрылся, а она еще къ нему руки протягивала и ему напутственныя слова твердила. Наконецъ она, медленными шагами, повернула назадъ въ избу; но свѣтлая, просторная изба не приглянулась ей сегодня; не захотѣлось ни на что смотрѣть; она сѣла у окошка, опустила голову и долго плакала и думала.

Было о чемъ вспомнить бабушкѣ Степанидѣ, и теперь, въ минуту ея одиночества, эти воспоминанія, какъ старые пріятели, толпою окружили ее. Вотъ предстаетъ передъ ней то время, когда ее окружала веселая, дружная семья; суеты, шума, заботъ было много; зато, и отрады сколько! Потомъ становится, по немногу, все тише да тише; умолкаютъ на землѣ родные голоса; прощается Степанида съ однимъ, съ другимъ, переносится ея сердечное богатство въ другой міръ, и душа ея смиряется горемъ. Наконецъ, около нея совсѣмъ опустѣло, совсѣмъ утихло; только слышится, по временамъ, жалобный дѣтскій плачъ, изъ колыбели, около печки. Тамъ лежитъ годовой внучекъ—Петя, блѣдный, болѣзненный,—и протягиваетъ къ ней худенькія ручки.

Протянула и бабушка руки свои безпомощному сироткѣ и приняла его, какъ Божіе утѣшеніе, въ одинокое сердце. Няньчится она съ нимъ день и ночь, и лелѣетъ, бережетъ его такъ, что болѣзни скоро всякій слѣдъ пропалъ, и вмѣсто плача, часто раздается смѣхъ ребенка. Ростетъ Петя и бѣгаетъ на крѣпкихъ, рѣзвыхъ ножкахъ по избѣ, а старушка тѣшится мальчикомъ и сама оживаетъ и веселѣетъ, глядя на него. Вотъ ужъ онъ совсѣмъ подросъ и въ школу ходитъ; а бабушка, сама неграмотная, радуется, что внучекъ такъ проворно все въ книгѣ разбираетъ и святыя слова Евангелія читаетъ такъ внятно, что даже и она, неученая, все можетъ понять. Припоминается ей тотъ день когда мальчикъ, весь раскраснѣвшійся отъ мороза, разъ вбѣжалъ въ избу и закричалъ ей: „Бабушка, я тебѣ теперь цѣлыхъ три стишка могу подрядъ изъ Евангелія прочитать. Садись-ка, послушай; я ихъ въ школѣ все для тебя твердилъ“. И, сбросивъ свой тулупчикъ, онъ читаетъ медленно, но не запинаясь, эти слова: „Кто изъ васъ, имѣя сто овецъ и потерявъ одну изъ нихъ, не оставитъ девяноста девяти въ пустынѣ, и не пойдетъ за пропавшею, пока не найдетъ ея? а нашедши, возьметъ ее на плеча свои съ радостью; и пришедши домой, созоветъ друзей и сосѣдей, и скажетъ имъ: „Порадуйтесь со Мною: я нашелъ Мою пропавшую овцу“.

— „Къ чему же это, батюшка, сказано?“ спрашиваетъ Степанида.

— „Къ чему, бабушка“? повторяетъ ребенокъ; „а должно быть тутъ что нибудь про людей и про Бога говорится“.

— „Да ужъ извѣстно что мы всѣ заблудшіе, какъ вонъ эта овца: во грѣхахъ заблудились“; и она вздохнула. Оба замолчали и задумались.

Что-то имъ представилось такое, что ихъ обоихъ за душу захватило, а высказать того они не съумѣли.

Особенно запали въ сердце бабушки прочитанныя слова. Она хоть и не ясно понимала, а очень ихъ полюбила и часто заставляла внучка повторять ихъ. Разъ, когда уже онъ совсѣмъ бѣгло читалъ, дошли до того мѣста Евангелія, гдѣ сказано: „Я есмь Пастырь добрый; Пастырь добрый полагаетъ жизнь Свою за овецъ“. Мальчикъ поднялъ глаза и сказалъ: „Бабушка, вѣдь это все къ тому же сказано, какъ и про овцу“. Старушка кивнула головой и отвѣтила: „Слышу, голубчикъ, что къ тому же“.

Выросъ Петя большой; и тутъ налегла старушкѣ на душу тяжелая забота. Онъ былъ парень веселый, привѣтливый, всѣ его любили и хотѣли заманить въ свою компанію. Пристрастился онъ къ забавамъ, къ гулянью, раза два пришелъ домой выпивши, и бабушка плакала, уговаривала, а онъ не слушалъ. „Берегла я тебя, какъ глазъ свой, а ты у меня, какъ овца заблудшая пропадешь“, горевала Степанида; и тутъ ей часто приходило на память то, что онъ ей, въ былые годы, про овцу читалъ, и часто твердила она себѣ въ утѣшеніе: „Богъ милостивъ: у Него овца не пропадетъ“.

Но вотъ, наступило тяжелое время: разразилась ужасная война; стали набирать ополченіе, не миновали и Петра. Пришлось молодцу бросить забавы и собираться въ путь, и протрезвила гроза неразумную голову. Только два дня дано было на сборы; и въ эти два дня, Петръ, точно малое дитя, отъ бабушки не отходилъ; и она, хоть и крѣпилась, а тяжело вздыхала и съ него глазъ не сводила. Послѣдній вечеръ провели въ тихой бесѣдѣ.

— „Давно ужъ не читалъ ты мнѣ, Петинька, про овцу заблудшую“, говоритъ бабушка, „прочитай, голубчикъ, на прощанье“.

Петру жаль стало, что онъ такъ давно уже не утѣшалъ этимъ старушку. Онъ взялъ Евангеліе и сталъ читать; а Степанида, слушая, обильныя слезы проливала.

„Бабушка, родная“, сказалъ онъ, когда окончилъ, „вѣрно ты про

меня думаешь, что я похожъ на эту заблудшую овцу; но не сокрушайся такъ обо мнѣ: Господь милостивъ, не дастъ мнѣ погибнуть. У меня и теперь ужъ совсѣмъ не то на сердцѣ, что раньше было".

— „Вѣрю, дитятко", отвѣтила старушка, дрожащимъ голосомъ, и положила руку свою на голову внука; „вѣрю, что Господь углядитъ за тобой и на чужой сторонѣ и укроетъ тебя отъ всякой напасти".

На другое утро, со свѣтомъ встали, распростились, и нѣтъ его! Нѣтъ его, — горестно повторяетъ старушка и не сидится ей больше у окошка; она встаетъ и уныло принимается за домашнюю работу, а въ душѣ, все одна молитва: „Сохрани, Господи, и мою овечку на Рукахъ Твоихъ!"

Прошла недѣля, другая, и Петръ уже попалъ въ жаркій бой; прямо изъ мирнаго села на поле битвы. Страшно было ему, сначала, среди свиста пуль; на глазахъ его падали, какъ скошенная трава, одинъ товарищъ за другимъ. Теперь моя очередь, думаетъ онъ; но нѣтъ; смерть его пощадила.

Наступаетъ вечеръ, умолкаетъ, на время, шумъ сраженія; зато, слышнѣе раздаются стоны. Непріятель отступилъ; Петръ съ нѣкоторыми другими, ходитъ среди умершихъ: уноситъ умирающихъ и менѣе безнадежно раненыхъ на перевязочный пунктъ. Наконецъ и это дѣло кончилось; товарищи его разбрелись въ разныя стороны, а онъ, усталый, измученный душой и тѣломъ, сѣлъ на пригоркѣ отдохнуть. Но не давался ему что-то отдыхъ; слишкомъ все внутри растревожилось и какой то трепетъ напалъ. Въ ушахъ слышатся раздирающіе крики; глазамъ чудится кровь, страшныя раны и искаженныя лица страдальцевъ. И никакъ не спрячешься отъ всѣхъ этихъ ужасовъ; тѣснятъ они душу, такъ что ей не дышется свободою, а вырваться некуда. Вдругъ, вспоминается ему бабушка:

— „Вѣрно она теперь, сердечная, молится за меня" думаетъ онъ, „и некому ей изъ Евангелія про заблудшую овцу почитать! Да она и такъ это всегда на сердцѣ держитъ; какъ прощалась со мной, все про то же самое поминала; такъ и слышу какъ она говоритъ: „Спаси тебя Христосъ, сынокъ родимый, спаси тебя отъ грѣха, отъ всякой бѣды!"

Петръ отеръ слезу, другую; зато отъ души отлегло.

Вдругъ, недалеко отъ него, послышался опять шумъ и крикъ; онъ вскочилъ съ мѣста и увидалъ вдали нѣсколькихъ солдатъ, которые, повидимому, кого то преслѣдовали. Хотѣлъ было Петръ побѣжать къ нимъ,—посмотрѣть что случилось; но въ эту минуту что то стремительно бросилось на него и прижалось къ нему. Онъ наклонился и увидалъ у ногъ своихъ, маленькую бѣлую овечку, дрожащую отъ испуга. Ему жаль ее стало; онъ схватилъ ее на руки и спряталъ подъ свой плащъ.

Тутъ подбѣжали товарищи и начали кричать:

— „Давай, давай ее сюда; будетъ хоть чѣмъ поужинать. Довольно мы за нею набѣгались.

— „Нѣтъ, не дамъ ее", отвѣчалъ Петръ рѣшительно; „она ко мнѣ подъ защиту прибѣжала".

— „Пустяки какіе!" еще громче закричали всѣ; „не съ голоду же намъ помирать, по твоей милости."

Овечка все дрожала подъ плащемъ; Петръ это чувствовалъ и держалъ ее крѣпко одной рукой, а другою вынулъ изъ кармана кошелекъ.

— „Вотъ вамъ, братцы," сказалъ онъ, „возьмите отъ меня послѣдній рубль,—больше ничего за душой нѣтъ,—а овечка пусть будетъ моя."

— „Пойди ты съ твоимъ рублемъ „сердито отвѣчали солдаты;" что мы теперь на него добудемъ. Подавай сюда овцу, а то тебѣ самому не поздоровится."

Дѣло дошло бы до драки; но тутъ подошелъ молодой офицеръ и спросилъ въ чемъ дѣло.

Солдаты стали жаловаться на Петра, доказывая, что овца имъ принадлежитъ; Петръ ничего не доказывалъ, а только говорилъ: „Жаль мнѣ ее на смерть отдать." Офицеръ добродушно поглядѣлъ на него и, обратившись къ другимъ, сказалъ: „Бросьте вы ссориться; ступайте за мной; я васъ и безъ овцы накормлю".

Тѣмъ дѣло кончилось, и Петръ опять остался одинъ. Овечка лежала смирнехонько у него на рукахъ, и наконецъ, заснула. Онъ же не спалъ. „Бѣдняжка", думалъ онъ, глядя на нее, „не искалъ я ее; она сама бросилась ко мнѣ, и какъ крѣпко прижалась!" Тутъ задумался Петръ о другой овцѣ, о той за которую бабушка молилась, за которую Христосъ Свою душу положилъ. „Меня то вѣдь **Онъ** ищетъ", говорилъ онъ самъ себѣ," и сейчасъ, въ эту темную ночь, Онъ душу мою грѣшную ищетъ. Господи! не станешь Ты больше искать; я теперь самъ къ Тебѣ иду. Порадуешься Ты, Господи, что пропавшую овцу Свою нашелъ".

Радовалась и душа, которая нашла себѣ вѣчное пристанище!

На зарѣ, всталъ молодой солдатъ, съ спящей овцой на рукахъ, и отправился въ ближайшее селеніе, разыскивать ея хозяина. Спрашивалъ въ одной избѣ, въ другой; нѣтъ, говорятъ, у насъ всѣ овцы на лицо. Наконецъ, входитъ въ ветхую избушку, на самомъ краю деревни. Тамъ сидитъ у печки старушка и качаетъ колыбель. „Бабушка, не у васъ ли овечка пропала"? Но нѣтъ нужды и спрашивать; лицо старушки просіяло и овца соскочила съ рукъ и стала къ ней ласкаться.

— „Спасибо тебѣ, батюшка", благодарила она, „послѣдняя она у меня осталась; думала, ужъ и эта пропала, а ты вотъ нашелъ. Спаси тебя Господи"!

— „И я у моей старушки послѣдняя овца“ подумалъ Петръ, выходя изъ избушки, „обрадуется и она, что овцу ея Господь нашелъ“.

Прошло нѣсколько дней и опять настало сраженіе. Опять уносятъ съ поля битвы множество раненыхъ; вотъ несутъ и Петра. Изъ груди его сочится кровь; онъ лежитъ безъ памяти, блѣдный какъ смерть.

Перевязали рану; къ утру онъ пришелъ въ сознанiе и, слабымъ голосомъ, подозвалъ къ себѣ сестру милосердія.

— „Сестрица, вѣдь ужъ мнѣ не встать болѣе“?

— „Не знаю, голубчикъ; подождемъ,—что скажетъ докторъ“.

Докторъ, выходя, сказалъ вполголоса: „этотъ до вечера не доживетъ“. Петръ услыхалъ это и опять позвалъ сестру:

— „Сестрица, мнѣ бы бабушкѣ моей, передъ смертью, хоть вѣсточку послать“?

— „Гдѣ твоя бабушка?

Петръ назвалъ мѣстность.

— „Вотъ удивительно“! сказала сестра; „вѣдь и я оттуда же, и завтра уѣзжаю домой, въ вашъ городъ, на отдыхъ. Тамъ ужъ до вашей деревни — рукой подать. Я могу сама твою бабушку навѣстить“.

Петръ заплакалъ отъ радости. „Матушка, родная“, сказалъ онъ, „сходи ты къ моей старушкѣ, утѣшь ее, бѣдную; поклонъ ей отъ меня свези и скажи ей что Господь помиловалъ меня: заблудшую овцу нашелъ. Такъ и скажи, голубушка“.

Сестра обѣщала ему все исполнить и записала имя бабушки и то что надо ей передать.

Къ вечеру послышалось движеніе съ кровати Петра: онъ вдругъ приподнялся, протянулъ руки и, внятнымъ голосомъ, сказалъ:

— „Слава Тебѣ Господи!“

Черезъ нѣсколько минутъ его на землѣ не стало!

. . . .

Прошло немного времени, и незнакомая женщина тихонько растворяла дверь избы бабушки Степаниды. Какъ перемѣнилась старушка съ того дня, какъ разставалась съ внукомъ! Лежитъ она слабая, исхудалая, на лавкѣ, и съ трудомъ повернула голову, услышавъ шорохъ. Подошла сестра милосердія, стала около нея на колѣни и тихимъ голосомъ сказала:

— „Бабушка, Богъ твою молитву услышалъ; ты о Петрѣ больше не плачь“.

— Старуха взглянула на нее, съ удивленіемъ.

— „Ты развѣ отъ него“? спросила она.

— „Прямо отъ него: онъ тебѣ со мной поклонъ послалъ, и вотъ его слова: скажи ей, что Господь помиловалъ меня: заблудшую овцу нашелъ. Бабушка, Онъ ее въ небесный домъ отнесъ; ты вѣдь не будешь объ этомъ горевать“.

Старушка пристально посмотрѣла въ лицо сестры; потомъ, медленно спросила:

— „Убили его развѣ“?

— „Онъ мало страдалъ“, отвѣчала та, „и такъ спокойно, радостно къ Богу отошелъ“!

— „И мнѣ ужъ не долго“, проговорила Степанида, заплакала и начала шептать молитву.

Сестра молилась съ нею и за нее, посидѣла еще около нея, потомъ, поцѣловала старушку и вышла. Ей жаль было оставлять ее одну и она пошла позвать къ ней сосѣдку. Обѣ вернулись вмѣстѣ, подошли къ старушкѣ;... и бабушки Степаниды уже на землѣ не стало!

КАКОВЪ БЫЛЪ НАШЪ СПАСИТЕЛЬ НА ЗЕМЛѢ.

Такъ **святъ**! „Онъ не сдѣлалъ никакого грѣха и не было лести въ устахъ Его“ [1]). Агнецъ чистый, непорочный, Онъ прошелъ, тернистымъ путемъ, сквозь тьму міра сего, и эта тьма Его не коснулась; изранили Его тернія, сталъ Онъ „Мужемъ скорбей“ [2]), извѣдалъ всѣ страданія и болѣзни человѣческія, но остался непричастнымъ человѣческому грѣху. Хотѣли люди уловить Его въ словѣ или въ дѣлѣ, рады были бы подмѣтить хотя что нибудь, за что осудить Его, недружелюбно и зорко наблюдали они, но ни малѣйшаго пятна найти не могли. Вездѣ и во всемъ, все та же совершенная святость; она блистала слишкомъ ярко для тѣхъ, которые „возлюбили тьму“ грѣха; и наконецъ, стала имъ ненавистна, такъ, что они порѣшили отъ нея избавиться.

Такъ **кротокъ**! „Будучи злословимъ, Онъ не злословилъ; страдая, не угрожалъ“ [3]). Много оскорбленій сыпали на Него люди, клеветой, неблагодарностью отвѣтили на безчисленныя Его благодѣянія, назвали Его „злодѣемъ“ [4]); ругалась тварь надъ Создателемъ своимъ, и Онъ это перенесъ, въ безмолвіи. Онъ испилъ горькую чашу ненависти и жестокости людской до дна, и душа Его добровольно смирилась до самой смерти и не только все претерпѣла, но все любовью покрыла.

Такъ **терпѣливъ**! Терпѣливъ въ страданіи; терпѣливъ въ ожиданіи и подчиненіи Волѣ Отца. До тридцати лѣтняго возраста, Онъ прожилъ въ Назаретѣ, почти никому не извѣстный, выжидая времени назначеннаго Отцемъ для начала Его служенія. Какъ терпѣливъ былъ Онъ къ врагамъ и къ слабымъ, еще неразумнымъ, маловѣрнымъ ученикамъ Своимъ! Такъ трудно понимали они

[1]) Петр. 2.22. [2]) Исаiи 53. 3. [3]) 1 Петр. 2. 23. [4]) Іоан. 18. 30.

Его; такъ скоро забывали слова Его; такъ мало еще могли вмѣстить изъ того, что Онъ хотѣлъ имъ передать! Но безграничное терпѣніе Его снисходило къ ихъ немощи; не истощилось оно и въ страданіи. „Слово терпѣнія Моего“ [5]), такъ назвалъ Господь то, что Онъ пришелъ сказать людямъ; и дѣйствительно, вся жизнь Его и смерть Его было одно только долготерпѣніе любви.

Такъ **милостивъ!** „Трости надломленной не переломитъ и льна курящагося не погаситъ [6]).

На каждое воздыханіе, каждое трепетное желаніе сердца Онъ отвѣчалъ; и сожалѣнію Его не было границъ. Воззвалъ къ Нему слѣпой, среди шумной толпы, Господь тотчасъ услышалъ молящій голосъ и сдѣлалъ слѣпаго зрячимъ [7]). Захотѣлось Закхею, мытарю, увидѣть Его, хоть издалека, и онъ для этаго влѣзъ на дерево, потому что малъ былъ ростомъ, а Господа окружало множество народа. Іисусъ поднялъ къ нему глаза и не только далъ ему взглянуть на Себя, но вошелъ къ нему въ домъ [8]). Приступила къ Нему женщина грѣшница и ни одного слова даже не произнесла, а Онъ утолилъ жажду души ея, простивъ ей всѣ ея согрѣшенія, и отпустилъ ее, съ миромъ [9]). „Я буду милостивъ къ неправдамъ ихъ“ [10]) обѣщалъ Господь, и эта Милость сколько грѣховъ простила, сколькихъ грѣшниковъ уже приняла, сколькихъ и теперь призываетъ!

Такъ **преисполненъ любви:** „Нѣтъ больше той любви“ [11]) сказалъ Онъ; и, дѣйствительно, небо и земля могли подтвердить что „нѣтъ больше“.

Любовь высокая, и широкая, и глубокая [12]); любовь непостижимая, любовь вѣчная!

Господь Богъ, глядя на непокорный, во грѣхахъ погибающій міръ, сказалъ: „пошлю имъ Сына Моего возлюбленнаго; можетъ быть, увидѣвъ Его, **постыдятся**“ [13]).

[5]) Откр. 3. 10. [6]) Матѳ. 12. 20. [7]) Луки 18. 35. [8]) Луки 19. 1. [9]) Луки 7. 37. [10]) Евр. 8. 12. [11]) Іоан. 15. 13. [12]) Ефес. 3. 18, 19. [13]) Луки 20. 13.

Можетъ быть, увидѣвъ Его, во всей красѣ Его безпредѣльнаго милосердія, Его святости, Его смиренія и долготерпѣнія, постыдятся своихъ грѣховъ! Каменное сердце, которое ничему не поддавалось, не устоитъ противъ той Любви, которой „нѣтъ больше“: оно разобьется! И, дѣйствительно, нашлись такіе, которые поднявъ взоръ на Сына Божія, такъ постыдились грѣховъ своихъ, что „оставили все и послѣдовали за Нимъ“ [14]). Они не могли уже болѣе оторваться отъ Него, такъ что когда Онъ вошелъ на небо, и они туда, сердцемъ, за Нимъ вошли, и съ Нимъ тамъ остались, ожидая, въ блаженномъ уповании, той минуты, когда опять увидятъ Его лицомъ къ лицу.

Читатель, ты не можешь теперь, тѣлесными очами твоими, видѣть Христа; но, смотри, живой образъ Его такъ ясно начертанъ въ Писаніи! Вглядись въ Него; можетъ быть, увидавъ Его, и твое сердце дрогнетъ; и, если ты, до сихъ поръ, упорствовалъ противъ Него, или чуждался Его, можетъ быть, ты, передъ Нимъ, постыдишься, и воздашь славу Возлюбившему тебя.

ИЗЪ ТВОРЕНІЙ СВ. ТИХОНА ЗАДОНСКАГО.

(Сокровище духовное отъ міра собираемое.)

I. Зеркало.

Видимъ, что люди зеркала имѣютъ въ своихъ покояхъ ради потребы своей. Христіанинъ! что сынамъ вѣка сего зеркало, то да будетъ намъ Евангеліе и непорочное житіе Христово. Они посматриваютъ въ зеркала и исправляютъ тѣло свое и пороки на лицѣ очищаютъ. Сотворимъ и мы такъ! Христосъ Сынъ Божій Себя и святое житіе Свое во образъ намъ подалъ, какъ выше видѣли мы: „образъ дахъ вамъ да якоже Азъ сотворихъ вамъ, и вы творите.“ (Іоан. 13. 15)

[14]) Луки 5. 11.

Предложимъ же и мы предъ душевными очами чистое сіе зеркало, и посмотримъ въ него: сообразноли наше житіе житію Христову? Надобно-же непремѣнно сообразнымъ быть. Ибо какъ ветхому Адаму сотворились мы сообразными; такъ должны сотвориться сообразными и новому, Іисусу Христу, ежели хотимъ войти въ жизнь вѣчную. И какъ уподобились, злонравіемъ, первому тому человѣку; такъ должны уподобиться добронравіемъ второму Человѣку, Господу съ небесъ, Іисусу Христу, да такъ будемъ, вѣрою, „новая тварь“. „Яковъ перстный таковы и перстніи; и яковъ Небесный, тацы же небесніи; якоже облекохомся во образъ перстнаго, да облечемся и во образъ Небеснаго.“ (1 Кор. 15. 48, 49). Посматривай же часто въ чистое непорочн аго житія Христова зеркало, и пороки приставшіе къ твоей душѣ стирай покаяніемъ и сокрушеніемъ сердца, и сколько силъ есть, тому сообразуйся; сообразуйся Христу Сыну Божію здѣсь, въ смиреніи, кротости, терпѣніи, любви и прочихъ добродѣтеляхъ, тогда и тамъ сообразенъ будешь: а нынѣшнимъ христіанамъ не сообразуйся. У нынѣшнихъ христіанъ, по большей части, житіе есть противное Христу, а не сообразное. Христосъ жилъ въ смиреніи: нынѣшніе христіане любятъ жить въ гордости и пышности. Христосъ искренно и просто со всѣми обходился: нынѣшніе христіане хитро и лукаво со всѣми обходятся. Христосъ жилъ въ нищетѣ великой, такъ, что не имѣлъ гдѣ приклонить главы, хотя и могъ все имѣть, какъ Господь всѣхъ: нынѣшніе христіане о томъ думаютъ и стараются, какъ-бы великое богатство собрать, и ежели-бы можно было, всѣ бы сокровища міра у себя имѣли. Христосъ, будучи достоинъ всякаго почитанія

и прославленія, избѣгалъ чести и славы; нынѣшніе христiане въ томъ всю силу и стараніе свое полагаютъ, чтобы въ мірѣ семъ почтенными и прославленными быть. Христосъ жилъ въ любви и милости: нынѣшніе христiане другъ друга ненавидятъ, другъ на друга клевещутъ, другъ друга злословятъ, хулятъ, другъ у друга крадутъ, похищаютъ, отнимаютъ, другъ другу козни и сѣти сплетаютъ. Христосъ за обиду никому не мстилъ, хотя и могъ всѣхъ враговъ своихъ, мановеніемъ единымъ, поразить: нынѣшніе христiане и словомъ и дѣломъ другъ другу отомщаютъ. Христосъ былъ передъ хулителями Своими кротокъ: укоряемъ, напротивъ не укорялъ; нынѣшніе христiане другъ друга укоряютъ, и другъ друга языкомъ, какъ мечемъ острымъ, сѣкутъ. Христосъ въ великомъ терпѣніи жилъ: нынѣшніе христiане, хотя и малая какая напасть и бѣда приключится, ропщутъ и хулятъ. У Христа одно сіе тщаніе было, чтобы волю небеснаго Своего Отца исполнить, и дѣло спасенія нашего совершить;— исполнилъ и совершилъ;—у нынѣшнихъ христiанъ все иное; они о волѣ Божіей не стараются, но все тщаніе полагаютъ въ томъ, какъ бы міру угодить, и прихоти свои исполнить. Видишь, христiанинъ, что Христосъ въ мірѣ семъ сдѣлалъ; видишь, что дѣлаютъ и христiане. Самъ-же познавай какое есть нынѣшнихъ христiанъ христiанство! Видишь самъ, что оно ложно! Не сообразуйся-же нынѣшнимъ христiанамъ, такъ какъ всѣ ихъ замыслы, начинанія, тщанія и дѣла противны Христу: но, какъ въ зеркало, ради исправленія лица твоего, посматриваешь, такъ посматривай часто въ зеркало непорочнаго житія Христова, и нравъ свой исправляй по тому, и душу свою очищай. „Сіе да мудрствуется въ насъ, еже во Христѣ Іисусѣ". (Филип. 2, 5) „Молю убо васъ, братіе, щедротами Божіими, представьте тѣлеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служеніе ваше.

И не сообразуйтеся вѣку сему, но преобразуйтесь обновленіемъ ума вашего, во еже искушати вамъ что есть воля Божія, благая, угодная и совершенная." (Рим. 12, 1 и 2).

II. Всякая вещь въ своемъ мѣстѣ упокоивается.

Видимъ, что всѣ вещи въ сродныхъ себѣ мѣстахъ, упокоиваются. Огонь къ верху идетъ и тамъ покой себѣ обрѣтаетъ; воздухъ въ воздухѣ упокоивается; земная вещь къ землѣ идетъ и всякое тѣло на землѣ упокоивается; рыба воды ищетъ и упокоивается въ ней; воды въ море текутъ и тамъ упокоиваются; словомъ, всякая вещь, въ сродномъ себѣ естествѣ, покой обрѣтаетъ. И хотя препятствуется, однакоже къ своему мѣсту и покою стремится. Огонь, хотя и воспящается, однакоже къ верху стремится; всякая тяжесть, хотя къ верху и бросается, однакоже опять къ землѣ обращается, какъ къ своему мѣсту и покою. Такъ душа человѣческая въ единомъ Богѣ упокоивается, и нигдѣ не можетъ сыскать себѣ покоя, кромѣ единаго Бога. Единъ Богъ души есть покой. Душа есть духъ невещественный, образъ и подобіе Божіе въ себѣ имѣющій; гдѣ же ей и покой имѣть, какъ не въ Создателѣ своемъ, какъ въ своемъ первообразномъ?

Богъ Самъ нигдѣ благопріятнѣе не живетъ, какъ въ душѣ человѣческой — Своемъ образѣ и подобіи; такъ и душа человѣческая ничѣмъ удовольствоваться не можетъ, какъ своимъ Создателемъ; и нигдѣ покоя сыскать не можетъ, какъ въ прелюбезномъ Божествѣ. Что же душу можетъ упокоить и удовольствовать, какъ духовное и Богу сообразное и подобное существо? Пища ли, одежда ли, драгоцѣнный уборъ, домъ, богатство, красота міра сего, высокая честь, сласть и всякое видимое увеселеніе? Нѣтъ; ничѣмъ этимъ душа успокоиться и удовольствоваться не можетъ. Ибо все это тлѣнно есть, душа же нетлѣнна, то— временное, душа же вѣчна; то—видимо; душа же невидима. Со всѣмъ тѣмъ душа никакого сходства не имѣетъ; какъ же тѣмъ успокоиться и удовольствоваться можетъ, что ей несходно и несродно? Духъ тѣломъ, и безсмертное смертнымъ, и нетлѣнное тлѣннымъ, и невещественное вещественнымъ, и невидимое видимымъ никакъ не можетъ довольствоваться. Есть иное нѣчто, чѣмъ душа успокоивается и довольствуется. Добро есть свѣтъ солнца, луны и звѣздъ, но тѣлесное добро: тѣло просвѣщаетъ. Добро есть воздухъ, но тѣлесное добро: тѣло оживляетъ. Добро есть хлѣбъ и всякая пища, но тѣлесное добро: тѣло укрѣпляетъ, Добро есть питіе, но тѣлесное добро: тѣло утѣшаетъ. Добро есть вода; но тѣлесное добро: тѣло омываетъ и прохлаждаетъ. Добро есть домъ, но тѣлесное добро: тѣло упокоиваетъ. Добро есть огонь, но тѣлесное добро: тѣло согрѣваетъ. Добро есть одежда, но тѣлесное добро: тѣло одѣваетъ. Добро есть плодъ деревъ и травъ, но тѣлесное добро: тѣло того вкушаетъ. Добро есть медъ, но тѣлесное добро: тѣло услаждаетъ, и прочая. Все сіе, и прочее подобное тому, души удовольствовать не могутъ. Есть иное, что душу упокоиваетъ, и довольствуетъ. Есть Жизнь, которою душа оживляется; есть Свѣтъ, которымъ душа просвѣщается; есть Хлѣбъ и Пища, которою душа укрѣпляется; есть Питіе, которымъ прохлаждается; есть Домъ, въ которомъ упокоивается; есть Сладость, которою услаждается; есть Одѣяніе, которымъ одѣвается, и прочая. Богъ Одинъ—душѣ, какъ образу и подобію Своему, есть Свѣтъ, Жизнь, Пища, Питіе, Укрѣпленіе, Прохлаж-

деніе, Утѣшеніе, Увеселеніе, Радость, Покой, Миръ, Богатство, Честь, Слава. и все Блаженство. Безъ Бога и кромѣ Бога душа жить, упокоиться и блаженна быть не можетъ.

„Богъ Любы есть и пребываяй въ Любви, въ Бозѣ пребываетъ и Богъ въ немъ“ (1 Іоан. 4, 16).

Сколько люди изобрѣтаютъ способовъ, чтобы душу свою упокоить и удовольствовать; но не могутъ изобрѣсти въ мірѣ ничего, чѣмъ бы она успокоилась и удовольствовалась. Сколько собираютъ богатства, сколько стараются въ высокую честь произойти, сколько тщатся великую славу пріобрѣсти, сколько вымышляютъ родовъ пищи, напитковъ, сластопитанія, красныхъ домовъ и строеній, одеждъ и прочихъ прихотей; но не могутъ душъ своихъ упокоить и удовольствовать, и день ото дня болѣе и болѣе желаютъ и вымышляютъ новостей и перемѣнъ во всемъ. Не могутъ упокоить и удовольствовать душъ своихъ! Какая тому причина? Потому что ищутъ того, чѣмъ душа не упокоивается и не довольствуется; а не ищутъ того въ чемъ, **единомъ**, душа покой и удовольствіе свое обрѣтаетъ. Всѣ созданія душу, — какъ образъ и подобіе Божіе, — упокоить и удовольствовать не могутъ. Къ Богу ведутъ ее; но она только въ Богѣ упокоивается. Вѣдалъ сіе добро Давидъ Святый. Сего ради, хотя Царемъ Израилевымъ былъ, богатство, честь и славу великую имѣлъ, однакоже все то за ничто вмѣнялъ, но душею своею спѣшилъ къ **Живому Источнику**—Богу. „Имже образомъ желаетъ елень на источники водные; сице желаетъ душа моя къ Тебѣ Боже! Возжада душа моя къ Богу крѣпкому, живому“. (Псал. 41. 2, 3). И на другомъ мѣстѣ поетъ: „Насыщуся, внегда явитимися Славѣ Твоей“; (Псал. 16, 15) то есть ничѣмъ душа моя не можетъ, насытиться и удовольствоваться, какъ только Тобою, Единымъ, о Боже! Тогда я насыщусь и удовольствуюсь, когда возсіяетъ мнѣ слава Святѣйшаго Лица Твоего. Христіанинъ! сей Пророкъ святый, примѣромъ своимъ, научаетъ и насъ ни въ чемъ покоя и удовольствія не искать душамъ нашимъ, какъ только во единомъ Богѣ. Для чего же искать покоя и удовольствія тамъ, гдѣ сыскать не можемъ? Духъ въ духѣ, а не въ веществѣ упокоивается. Душа,—какъ образъ и подобіе Божіе въ себѣ имѣющая,—достоинствомъ и драгоцѣнностью своею весь міръ превосходитъ: ибо и земля со всею полнотою ея, единой души человѣческой не стоитъ. Нисшая Бога, но высшая всѣхъ тварей—душа человѣческая. Честенъ портретъ царя земнаго. ради царя; ибо образъ и подобіе царское въ томъ изображается; честна и душа человѣческая и многоцѣнна и великолѣпна, ибо образъ и подобіе небеснаго Царя въ ней изображено.

Для чего же ее нисшему созданію порабощать? Всякое созданіе недостойно ея есть. Сего ради, Христосъ, Спаситель нашъ, промышляя о покоѣ и блаженствѣ душъ нашихъ, и видя насъ къ нижайшему состоянію уклонившихся и въ земныхъ и суетныхъ вещахъ упражняющихся и такимъ образомъ, безъ всякой нашей пользы, трудящихся и утруждающихся, и о нашемъ сожалѣя и соболѣзнуя бѣдствіи, къ Себѣ насъ призываетъ и у Себя обѣщаетъ душамъ покой. „Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи и Азъ упокою васъ“ (Матѳ. 11. 28, 29).

О заблудшіе и бѣдные человѣки! Для чего трудитесь и ищете покоя тамъ, гдѣ покоя сыскать не можете? Оставьте суетные и безполезные замыслы и тщанія ваши, и пріидите ко Мнѣ, и „обрящете покой душамъ вашимъ“. Нигдѣ же обрѣсти покоя не можете, кромѣ у Меня.

„Услыши, Господи, гласъ мой, имже воззвахъ, помилуй мя и услыши мя! Тебѣ рече сердце мое: Господа взыщу. Взыска Тебѣ лице мое; Лица Твоего, Господи, взыщу. Не отврати лица Твоего отъ мене! Насыщуся, внегда явится мнѣ слава Твоя“. (Псал. 26. 7. 8. 9. и 16. 15).

ХРИСТІАНСКАЯ МУЧЕНИЦА, УМИРАЮЩАЯ ЗА ВѢРУ.

Эта мученица была богатаго, знатнаго рода и жила въ Римѣ, окруженная роскошью и почестями. Пришло время, когда она увѣровала во Христа и тутъ благоволеніе и слава міра отошли отъ нея. Стали ее преслѣдовать, гнать; наконецъ, объявили ей, что ее сожгутъ на кострѣ, если она не отступится отъ своей вѣры. Она сказала: „Благодарю Тебя, Господи, что Ты призываешь меня оставить все земное ради Тебя, вѣчнаго Сокровища души моей“, и пошла на костеръ. И мы скажемъ: благодареніе Богу, что были такіе люди, которымъ Имя Христа было дороже всего на свѣтѣ; которые для Него, Одного, хотѣли жить и за Него, всякую минуту, готовы были умереть. Много ихъ было; Апостолъ Павелъ говоритъ: „не достанетъ мнѣ времени чтобы повѣствовать о тѣхъ, которые вѣрою творили правду... укрѣплялись отъ немощи,.. замучены были,.. подвергаемы пыткѣ... скитались, терпя недостатки, скорби, озлобленія [1]).

Не достанетъ времени! А теперь, много ли потребовалось бы времени для того чтобы перечислить имена тѣхъ, которымъ Имя Христа дороже всего на свѣтѣ? Тутъ одинъ, тамъ одинъ, и такъ они рѣдки, что міръ дивится имъ какъ чему то очень необыкновенному. „Жатвы много, а дѣлателей мало;“ [2]) грѣха и всякой неправды много, а побѣждающихъ грѣхъ, поборниковъ правды Божіей мало! Поклонниковъ міра сего — толпа;

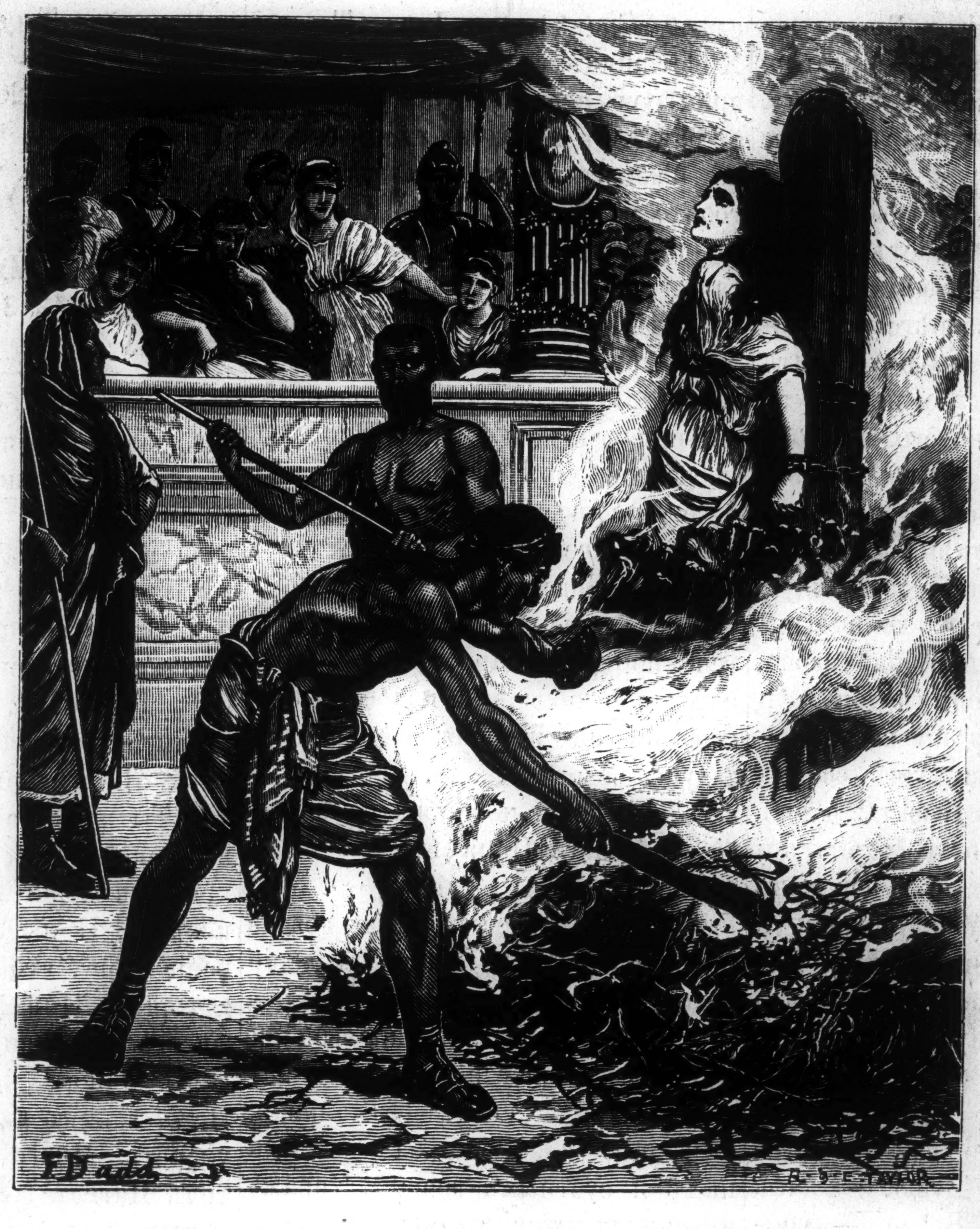
---

[1]) Евр. 11. 32. [2]) Луки. 10. 2.

и истинныхъ поклонниковъ Божіихъ, поклоняющихся Ему въ духѣ и истинѣ, какое малочисленное стадо! „Такихъ поклонниковъ ищетъ Себѣ Отецъ“ [3]) и какъ рѣдко Онъ ихъ находитъ!

Теперь, уже не тѣ времена, говорятъ люди; теперь, никому не нужно умирать за Христа. Если умирать не надо, то неужели и жить для Него, также, не надо?

Ради Него, умереть для грѣха, и „взявъ крестъ свой“, идти за Нимъ,— неужели этого больше не надо? Было время, когда люди такъ понимали Евангеліе и не жалѣя себя, повиновались ему; но теперь, хоть Евангеліе и то же, пониманіе стало другое и это новое пониманіе какъ охотно угождаетъ плоти и допускаетъ всякаго рода зло, и какъ искусно оправдываетъ то, что ненавистно въ очахъ Божіихъ!



ХРИСТІАНСКАЯ МУЧЕНИЦА, УМИРАЮЩАЯ ЗА ВѢРУ.

Дѣйствительно, теперь уже не тѣ времена: теперь,—„времена тяжкія, когда люди, именующіе себя христіанами, стали горды,.. нечестивы,.. жестоки,.. не любящіе добра,... болѣе сластолюбивы, нежели боголюбивы, имѣющіе видъ благочестія; силы же его отрекшіеся“. [4])

Однимъ только **видомъ** благочестія довольствуются многіе люди; и вѣра ихъ только на устахъ! Вѣра поверхностная и пустая, безъ сокрушенія, безъ отверженія себя. Вѣра безсильная, боязливая, въ которой нѣтъ возвышенности, нѣтъ рвенія и преданности Богу, нѣтъ всеобъемлющей любви! Она не сражается, до крови, со грѣхомъ, не стремится пылкимъ желаніемъ къ пришествію Христа; она нисколько не похожа на несокрушимую, испытанную бурями и страданіями, вѣру Апостольскихъ и мученическихъ временъ. Вѣра безплодная, мертвая, безъ всякаго вліянія на окружающее. Люди говорятъ о Богѣ, но связаннымъ языкомъ; какъ будто трудятся для Бога, но разслабленными руками; идутъ путемъ христіанскимъ, но какими тяжелыми, усталыми шагами!

Господи, если къ кому нибудь изъ насъ относятся эти слова Твои: „ты носишь имя будто живъ, но ты **мертвъ**, [5])“ даруй намъ принять въ сердце Твое святое обличеніе, пока еще не поздно; тою новою жизнью, которую Ты намъ съ неба принесъ, даруй намъ ожить, и въ ней научи насъ пребывать, до конца!

---

[3]) Іоан. 4. 23.

[4]) Тим. 3. 5.

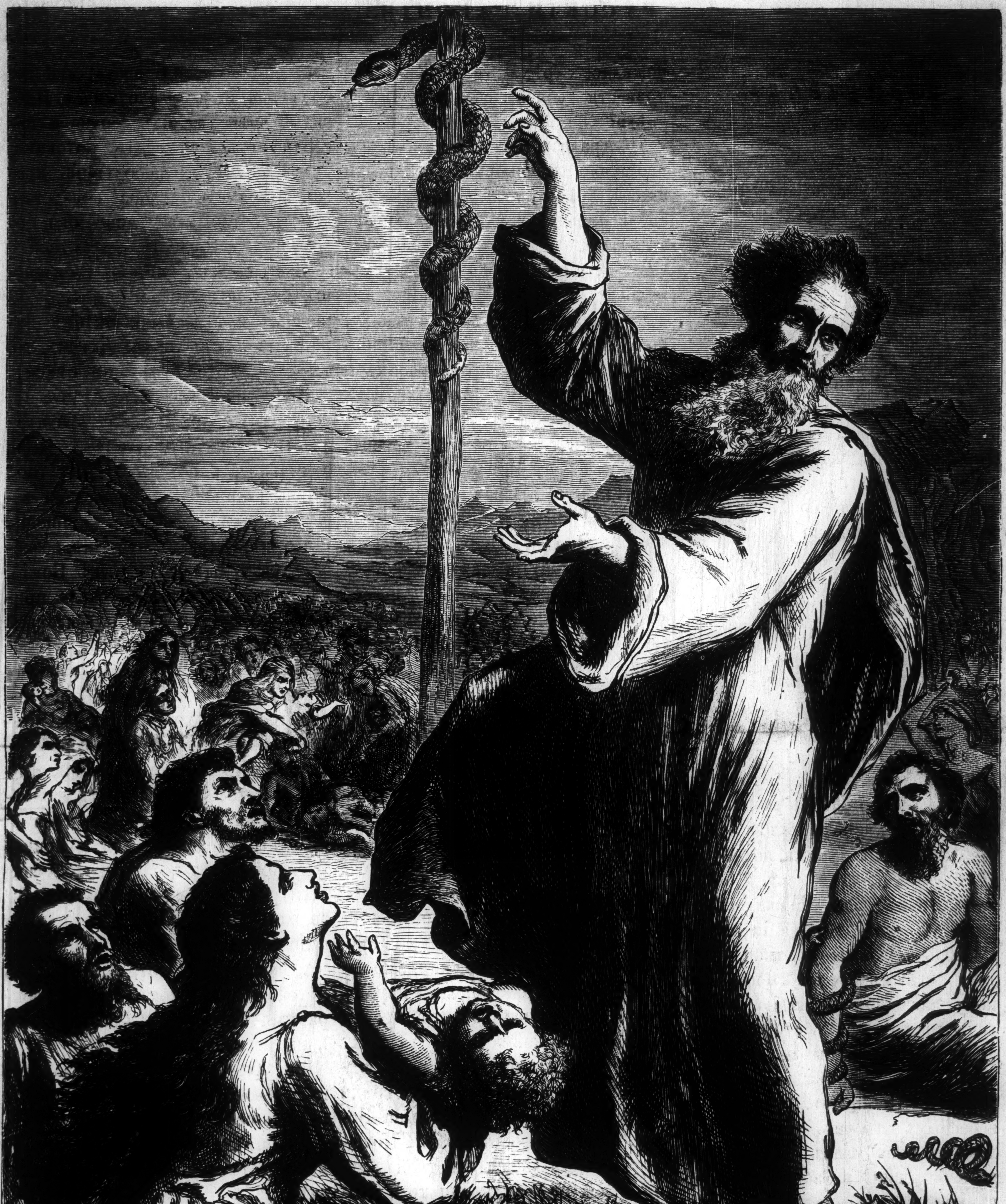
[5]) Откр. 3. 1.

Условія подписки: «Русскій Рабочій» выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Подписка принимается въ конторѣ Редакціи Журнала (Сергіевская ул., д. № 20, кв. 7) отъ 9 до 12 час. утра. Цѣна годовой подп. безъ достав. **60** к., съ дост. въ Спб. **75** к., съ перес. иног. **1** р.

Редакторъ-Издательница А. И. Пейкеръ.

Дозволено цензурою, Спб., 12 октября, 1883 года. Типографія К. Д. Кесневиля, Надеждинская, 39.

№ 9 1883 г. РУССКІЙ РАБОЧІЙ. Цѣна 5 коп.



ЯЗВЫ НАРОДА.

(Числа 21. 5—9).

ЯЗВЫ НАРОДА.

(Числа 21. 5—9).

Народъ сильный, многочисленный, народъ чудеснымъ образомъ избавленный отъ рабства, призванный Богомъ къ великой будущности,—что сталось съ тобою? Ты лежишь въ разслабленіи, безпомощный, умирающій, покрытый глубокими, страшными язвами!

Израиль, Израиль, давно ли, водимый всесильной десницей Божіей, переходилъ ты, съ торжествомъ, черезъ разступившуюся передъ тобою пучину Чермнаго моря, оставляя позади себя погибающія полчища Фараоновы? Давно ли даровалъ тебѣ Господь Богъ твой такія великія и богатыя обѣщанія, и ты внялъ словамъ Его и обратилъ взоръ твой къ уготованной тебѣ, обѣтованной землѣ? А теперь... „Краса твоя, о, Израиль, поражена на высотахъ твоихъ! Какъ пали сильные!“ [1]

Почему же такъ?

„Язва твоя жестока“, говоритъ Господь, „ибо Я поразилъ тебя жестокимъ наказаніемъ за множество беззаконій твоихъ, потому что грѣхи твои умножились“. [2]

Да; грѣхи твои умножились: забылъ ты славу призванія твоего! Господь—Избавитель твой — велъ тебя дивнымъ путемъ къ назначенному для тебя наслѣдію, ограждалъ тебя со всѣхъ сторонъ, „носилъ тебя какъ бы на орлиныхъ крыльяхъ [3]“, побѣждалъ за тебя всѣхъ противниковъ, питалъ тебя небеснымъ хлѣбомъ, утѣшалъ тебя любовію, покрывалъ все неразуміе твое безмѣрнымъ Своимъ долготерпѣніемъ; ты же на все это чѣмъ отвѣтилъ? Невѣріемъ, неблагодарностью, ропотомъ. Ты „сталъ говорить **противъ** Бога“, сталъ съ вожделѣніемъ озираться назадъ къ землѣ рабства; Израиль, Израиль, умножились грѣхи твои! Какъ же привести тебя къ сознанію твоего грѣха?

Пострадать ты долженъ, чтобы смирилось непокорное сердце и смолкли гордыя уста. И послалъ Господь страданіе: появились ядовитыя змѣи и умертвили многихъ. Смотри, читатель, на картину нашу; видишь, какое страданіе, какое отчаяніе выражается на лицахъ; помилованія, облегченія, жизни проситъ человѣкъ близкимъ своимъ и себѣ; и вотъ оно помилованіе, вотъ она жизнь, посланная Богомъ, въ отвѣтъ на мольбы народа. Мѣдный змѣй вознесенъ Моисеемъ на шестъ, высоко, чтобы каждый могъ увидѣть его и „взглянувъ на него, остаться живъ“. Смотри, (на второй картинкѣ) съ какимъ безпокойствомъ умоляетъ этотъ человѣкъ умирающую жену свою взглянуть на вознесеннаго змѣя. Ахъ, пока въ ней еще есть дыханіе, еслибы она только раскрыла глаза и обратила ихъ туда, гдѣ и для нея, умирающей, есть исцѣленіе! Неужели тяжелая, смертельная дремота такъ овладѣла ею, что даже вѣсть о жизни не пробудитъ ее? Выше подымай завѣсу; громче говори о спасеніи; можетъ быть, она еще очнется, взглянетъ, и будетъ спасена!

Многіе взглянули и спаслись.

Народъ нынѣшняго времени, именующій себя христіанскимъ, но неживущій по христіански,—народъ, возросшій на почвѣ облитой кровью многихъ мучениковъ и вѣрныхъ свидѣтелей Божіихъ,—народъ, живущій на той землѣ, гдѣ за грѣхи народа пролилась кровь Сына Божія, что сталось съ тобой? Пожалѣлъ о тебѣ Спаситель твой и душу Свою положилъ для того чтобы вывести тебя изъ тьмы грѣха и привести къ наслѣдію вѣчному на небесахъ. А ты лежишь въ разслабленіи, безпомощный, покрытый глубокими язвами грѣха! Язвы народа, не перечислишь васъ! Вражья рука нанесла эти язвы и теперь ихъ растравляетъ, а народъ, слѣпой, или не узналъ врага, или добровольно съ нимъ сдружился. Ядовитый змѣй ужалилъ сердце и изъ сердца стали истекать, потоками, „злые помыслы, любодѣянія, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство“. [4]

Язвы народа, какъ вы губительны, какъ подтачиваете вы силы душевныя и тѣлесныя! Бѣдный народъ, виноватъ ли ты въ томъ, что ты такъ жестоко уязвленъ грѣхомъ?

Ахъ, виновенъ ты въ этомъ, потому что добровольно предался власти ядовитаго, лукаваго змѣя; а главное, виновенъ ты въ томъ, что примирился съ кровавыми язвами твоими и исцѣленія не ищешь.

Подобно змѣю въ пустынѣ, вознесенъ былъ на крестъ Сынъ Божій, для того, чтобы взоры всѣхъ привлечь къ Себѣ и всякой уязвленной душѣ даровать жизнь. [5]

Виновна ты, грѣшная душа, въ томъ, что ты жизни этой не хочешь; отъ „Солнца правды“ прячешься и „исцѣленія, которое въ лучахъ Его“, не принимаешь. Виновна въ томъ, что ты не туда смотришь: отъ Вознесеннаго за тебя на крестъ отворачиваешься и прикованаешь взоръ все крѣпче къ землѣ, грѣхомъ переполненной. „Вы **не хотите** прійти ко Мнѣ, чтобы имѣть жизнь“.

„Сколько разъ хотѣлъ Я собрать дѣтей твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья, и вы **не захотѣли**“! [6]

Не захотѣли! Въ этомъ твоя вина и твое осужденіе. „Еслибы Я не пришелъ и не говорилъ имъ, то не имѣли бы грѣха, а теперь не имѣютъ извиненія во грѣхѣ своемъ“. [7]

Неужели тяжелая смертельная дремота, такъ овладѣла тобою, что даже вѣсть о жизни не пробуждаетъ тебя?

Выше подымемъ завѣсу; громче

---

[1]) 2 Царствъ 1, 19. [2]) Іерем. 30. 12—15.
[3]) Исх. 19. 4.

[4]) Марк. 7. 21, 22. [5]) Іоан. 3. 14 и 12. 32.
[6]) Іоан. 5. 40. Матѳ. 23. 37. [7]) Іоан. 15. 22.

станемъ говорить о спасеніи; можетъ быть, ты еще очнешься, устремишь взоръ на Христа и будешь спасенъ!

„СЕ, СТОЮ У ДВЕРИ И СТУЧУ“.

(Откр. 3. 20).

Въ нашъ городъ однажды привезли показывать замѣчательную картину. Писалъ ее какой-то чужестранный художникъ, и толковъ о ней было такъ много, что и мнѣ захотѣлось посмотрѣть на диковину; избралъ я для этого ненастное, дождливое утро, надѣясь что народу будетъ не такъ много, какъ обыкновенно, и что мнѣ удастся полюбоваться ею въ тишинѣ. Дѣйствительно, когда я вошелъ, комната была совершенно пуста, и я могъ безпрепятственно вглядѣться въ то, что представилось моимъ глазамъ. Передо мною стоялъ человѣкъ въ бѣлой одеждѣ, прикрытой лучезарнымъ плащемъ. Голова его была увѣнчана терніемъ, сквозь который сверкали драгоцѣнные камни. Вокругъ была ночь. Въ одной рукѣ онъ держалъ ярко горѣвшій фонарь, а другой рукой онъ стучалъ въ затворенную дверь. Лицо его, чудное, святое лицо,—выражало столько любви, терпѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ неземнаго величія, что разъ взглянувъ, нельзя было отъ него оторваться, и я стоялъ прикованный. Я зналъ, что эта картина представляетъ Спасителя, но я никогда не видалъ подобнаго изображенія и глядя на эту дверь, на этотъ фонарь, спрашивалъ себя: что это значитъ?

Въ эту минуту я услыхалъ подлѣ себя движеніе и поднявъ глаза увидалъ недалеко стоящаго старика, который смотрѣлъ на тоже самое, какъ и я; смотрѣлъ на тоже самое, да только не такъ, какъ я. Ему это все какъ будто было давно знакомо, въ его глазахъ не было ни удивленія, ни недоумѣнія. Взоръ его устремленный на фигуру Спасителя, какъ будто ясно говорилъ: я знаю все, что это значитъ.

Насъ въ комнатѣ было только двое, и мнѣ очень хотѣлось спросить его о томъ, что онъ зналъ такъ хорошо, но я не рѣшался. Вдругъ онъ самъ обратился ко мнѣ и привѣтливымъ голосомъ спросилъ:

— „Нравится вамъ картина“?

— „Очень нравится, только я ее не ясно понимаю“, отвѣтилъ я.

— „А понять хотите?“ спросилъ онъ, глядя на меня пристально.

— „Хочу“, отвѣтилъ я, и я говорилъ правду.

— „Прочитайте надпись“ сказалъ мнѣ старикъ, „а я вамъ помогу понять картину. Вы еще очень молоды, но и вамъ уже пора“.

Я прочиталъ надпись вслухъ; она была взята изъ Св. Писанія: „се, стою у двери и стучу; если кто услышитъ голосъ Мой и отворитъ дверь — войду къ нему и буду вечерять съ нимъ и онъ со Мною“.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, старикъ заговорилъ:

— „Эта картина—живая проповѣдь“ сказалъ онъ, „для тѣхъ, которые вникаютъ въ смыслъ ея. Для меня она особенно жива, потому что она напоминаетъ мнѣ человѣка, съ которымъ я былъ близко знакомъ, въ былые годы. Если вы желаете, я вамъ разскажу про него, передамъ вамъ нѣкоторые случаи изъ его жизни, а вы смотрите на картину, и вамъ все станетъ ясно. Дай Богъ, чтобы это было ко благу вашей души“, прибавилъ онъ съ глубокимъ чувствомъ. Я поблагодарилъ и приготовился слушать. Мы сѣли на диванѣ противъ картины и мой собесѣдникъ началъ свой разсказъ:

— „Мой пріятель былъ очень молодъ, почти ребенокъ, когда я съ нимъ познакомился. Отца у него не было; но была добрая, любящая мать, которая много за него молилась, и всячески старалась оберегать его отъ мірскихъ соблазновъ. У него было много веселыхъ пріятелей, было много богатства, а главное, было сердце перемѣнчивое, увлекающееся, такъ что мать много за него боялась, молилась и не только молилась, но часто и слезы надъ нимъ проливала. Домъ его былъ очень роскошный; я жилъ недалеко и изъ оконъ моихъ, могъ видѣть нарядную дверь парадкаго подъѣзда, безпрестанно открывавшуюся для пріема гостей. Онъ часто показывался у этой двери, привѣтствовалъ и провожалъ друзей своихъ. Я точно вижу и теперь еще его юное, веселое лицо. Съ другой стороны дома, на восточной сторонѣ, была другая, небольшая дубовая дверь и около этой двери часто стояла мать. Она раскрывала ее, чтобы войти въ цвѣтникъ, гдѣ росли различныя, изящныя, благоуханныя растенія. За этими цвѣтами она сама ходила, и тщательно берегла ихъ отъ сорныхъ травъ и всякихъ вредныхъ насѣкомыхъ. Покуда мальчикъ былъ маленькій, онъ иногда работалъ съ нею въ этомъ садикѣ, но впослѣдствіи я все видѣлъ, что она работала одна, одна проходила черезъ дубовую дверь и лицо ея становилось все грустнѣе. Разъ она особенно долго трудилась надъ садикомъ, стараясь привести его въ порядокъ, послѣ сильной бури, и покуда она работала, мнѣ казалось, что она плакала. Вдругъ, растворилась калитка сада и къ ней подошелъ человѣкъ, величественной наружности, одѣтый въ простое, дорожное платье. Она видимо ободрилась, обрадовалась, подвела его къ дубовой двери и побѣжала къ парадной двери, около которой стоялъ ея сынъ съ гостями.

— „Пойди къ нему, Онъ тебя зоветъ, Онъ къ тебѣ пришелъ“ уговаривала она, но онъ медлилъ. Она схватила его за руку и повлекла за собою; лицо его омрачилось и онъ нехотя поздоровался съ Путешественникомъ. Мать уговаривала, упрашивала Гостя войти, но юноша упорно молчалъ, и Незнакомецъ, пока-

чав головою, повернулся уходить. Прощаясь съ матерью, Онъ сказалъ ей, чтобы не смущалось сердце ея; лицо ея просіяло, она проводила его до калитки, потомъ еще долго смотрѣла Ему въ слѣдъ, и наконецъ, медленными шагами, возвратилась въ домъ. Путешественникъ сталъ часто возвращаться и тихо стучалъ у дубовой двери; но въ домѣ было такъ много шуму и всякаго веселья, что тихій стукъ оставался незамѣченнымъ. Слышала его только мать, потому что она къ нему прислушивалась и его ожидала. Она на минуту растворяла дверь и грустнымъ голосомъ говорила: „я его просила, умоляла—онъ не хочетъ"... Однажды пришелъ тотъ-же Путникъ въ рубищѣ нищаго и попросилъ вызвать къ себѣ хозяина дома. Слуга сперва грубо отказалъ и сталъ бранить Его, но хозяинъ услыхалъ разговоръ и вдругъ показался въ дверяхъ. Что-то должно быть, особенно трогательное и вмѣстѣ съ тѣмъ потрясающее было во всей наружности смиреннаго Незнакомца, потому что юноша сперва вздрогнулъ, потомъ какъ будто смягчился и протянулъ было руку, чтобы пригласить Его войти. Но позади, послышался насмѣшливый голосъ, кто-то дернулъ его за рукавъ, онъ отшатнулся назадъ и поспѣшно захлопнулъ дверь.

Отвергнутый Проситель, вздохнувъ глубоко, опять удалился, и такое глубокое огорченіе выразилось на лицѣ Его, что я думалъ: Онъ вѣрно больше никогда не вернется, не захочетъ опять испытать то-же самое; но нѣтъ, Онъ еще вернулся, дверь-же на этотъ разъ была не только крѣпко затворена, но даже заколочена. Глуше раздавался стукъ, не отвѣтили на него даже и отказомъ и голоса матери уже не слышно было. Она лежала больная, и въ это время посланы были работники, чтобы заколотить дверь, въ которую такъ настоятельно стучалъ Незнакомецъ; никто имъ не препятствовалъ, и цвѣтникъ съ благоуханными растеніями увядалъ безъ ухода.

Время проходило, юноша возмужалъ, сталъ занимать все болѣе и болѣе видное положеніе въ свѣтѣ, сталъ пользоваться похвалой и почетомъ окружающихъ его.

Никто изъ нихъ, никогда и не подходилъ къ накрѣпко заколоченной двери, никто не видалъ, какъ тамъ часами стоялъ въ ожиданіи усталый одинокій Путникъ, и какъ Онъ, простоявъ напрасно долгое время, уходилъ, часто въ глухую ночь, непринятый, несогрѣтый, неутѣшенный. Никто изъ богатыхъ гостей роскошнаго дома объ этомъ не зналъ, а еслибы и узнали, то вѣроятно равнодушно махнули-бы рукою. „Намъ пріятно, намъ весело", сказали-бы они, „что намъ за дѣло, до этого незваннаго гостя. Онъ намъ не кстати, онъ намъ напоминаетъ то, что мы желаемъ въ себѣ заглушить".

Молодому хозяину случалось иногда, мелькомъ, изъ окошка, увидать стоявшаго у двери Странника, но онъ тогда поспѣшно отворачивался и отходилъ прочь. Часто даже слова нетерпѣнія вырывались изъ устъ его, и лицо его на минуту выражало безпокойство, но онъ возвращался къ своимъ веселымъ друзьямъ и безпокойство вскорѣ исчезало. Мать его все слабѣла, не выходила болѣе изъ своей комнаты, и часто съ грустью смотрѣла изъ окна на увядающій садикъ. Деревья были еще зелены, но плодовъ на нихъ уже не было; между немногими, уцѣлѣвшими цвѣтами, густо разрослась крапива, показались и другія сорныя травы, а вокругъ двери стали переплетаться колючія вѣтви шиповника. Въ одно раннее утро, опять подошелъ къ двери Чужестранецъ и такъ сильно и громко началъ стучать, что всѣ обитатели дома услышали и встревожились. Добрая мать также услыхала, но не испугалась: она глядѣла на сына своего съ невыразимой тоской и послѣдній разъ умоляла его принять Странника.

„Хорошо, матушка", сказалъ сынъ „я исполню твое желаніе", и вышелъ изъ комнаты. Онъ было направился къ двери, но по дорогѣ туда его кто-то задержалъ; онъ пошелъ въ другую сторону, и къ вечеру вернулся въ комнату матери, не исполнивъ своего обѣщанія. Она была уже безъ сознанія; въ ту же ночь душа ея покинула грѣшный міръ, и Странникъ, прождавши долго, съ израненными отъ колючихъ вѣтокъ руками, отошелъ отъ дома.

Съ того времени, заброшенный садикъ совсѣмъ заглохъ; зато лишь только изгладилось живое воспоминаніе о смерти матери, веселье въ домѣ полилось рѣкой. Долгіе мѣсяцы не показывался Путешественникъ. Явился Онъ снова около дома въ день свадьбы хозяина, и держалъ въ рукѣ своей свадебный подарокъ, но и Онъ, и подарокъ его были отвергнуты:—Ему не нашлось мѣста на семейномъ праздникѣ. Опять, нѣсколько времени спустя, когда всѣ праздновали рожденіе перваго сына и пировали у счастливаго отца, ни одной крохи не пало на долю Странника. Стукъ Его послышался у двери, но Его присутствіе и благословеніе не понадобились никому. Родился еще ребенокъ, отецъ въ радости своей задумалъ было впустить хоть на минуту столько разъ отвергнутаго Гостя, но онъ высказалъ свое намѣреніе своимъ пріятелямъ—они его осмѣяли и намѣреніе осталось неисполненнымъ. Разъ, въ одинъ тихій лѣтній вечеръ, Путешественникъ опять подошелъ къ дому и удалился отъ него, неся на рукахъ недавно родившееся дитя. Онъ прижималъ неподвижную головку къ груди Своей; блѣдное лицо спящаго младенца выражало глубокій, радостный покой.

Отецъ плакалъ горько и послалъ гонцевъ, чтобы настигнуть Путника и умолять Его возвратить

ребенка. Но отцу былъ присланъ такой отвѣтъ: „Ты можешь, душой, перенестись туда, куда переселилось дитя, и со временемъ увидишь его, но оно къ тебѣ болѣе не вернется“. Перенестись душою туда! Нѣтъ, онъ этого не захотѣлъ, поплакалъ, поскучалъ, а потомъ сталъ развлекаться и возложилъ всѣ надежды свои на старшаго сына, лелѣялъ его, тѣшилъ, воспитывалъ для того-же міра, въ которомъ самъ жилъ, накоплялъ для него богатства и думалъ себѣ: уберегу я хоть его отъ посѣщеній Странника.

Но опять постигло горе нежданное: не стало любимца, наслѣдника несмѣтнаго богатства; Странникъ уводилъ и его съ Собою и мальчикъ, какъ будто, охотно покидалъ родительскій кровъ и съ любовью и довѣріемъ смотрѣлъ на своего Спутника.

Какой плачь, какой вопль поднялся по немъ въ опустѣломъ домѣ, какому горькому отчаянію предались осиротѣлые родители! Несчастный отецъ сидитъ, въ безутѣшной тоскѣ; вдругъ слышится ему знакомый стукъ у двери, и онъ съ гнѣвомъ подымается съ мѣста: „Опять пришелъ!„ восклицаетъ онъ, „сегодня я съ Нимъ самъ поговорю, спрошу у Него, кого Онъ еще хочетъ отъ меня взять“!

Онъ направился къ двери, ключъ съ трудомъ повернулся въ замкѣ; послѣ долгихъ усилій, дверь наконецъ растворилась. За высокими колючими кустами терна и шиповника, терпѣливо стоялъ и ждалъ усталый Путникъ и взоръ Его, полный сожалѣнія, устремился на хозяина дома, который разразился на Него горькими упреками:

„Ты врагъ мой,“ говорилъ онъ, „Ты разорилъ мое счастье, похитилъ моихъ дѣтей, унесъ отъ меня обоихъ, скажи, кого тебѣ еще нужно?“ Потомъ, переходя отъ упрековъ къ мольбамъ, онъ со слезами сталъ просить:

„Отдай мнѣ моихъ ненаглядныхъ дѣтей, на что мнѣ жизнь и всѣ радости ея, и все мое богатство, безъ нихъ! Отдай мнѣ дѣтей моихъ, докажи, что у тебя есть ко мнѣ милосердіе. Если ты отдашь мнѣ ихъ, я сдѣлаю для тебя все, что ты хочешь!—„Твоимъ дѣтямъ теперь хорошо“, отвѣчалъ Странникъ, „они наслаждаются истиннымъ, вѣчнымъ блаженствомъ, и если-бы и могли, не захотѣли-бы вернуться къ тебѣ. Я ихъ взялъ отъ тебя, потому что ты сгубилъ-бы ихъ, если-бы они остались на твоихъ рукахъ, взялъ ихъ для того, чтобы твое сердце оторвать отъ земнаго и привлечь туда, гдѣ они теперь. Ты можешь пойти къ нимъ и жить съ ними вѣчно, путь туда тебѣ открытъ, выслушай только Меня, впусти меня въ домъ свой и Я тебѣ укажу этотъ путь.

Бѣдный отецъ весь задрожалъ, услышавъ эти слова, и сквозь полуоткрытую дверь отвѣтилъ:

„Странникъ, я теперь такъ погруженъ въ свое горе, что ни о чемъ другомъ не могу говорить; кромѣ того, домъ мой въ безпорядкѣ—я никакъ не могу тебя принять“. „Печаль твою Я бы облегчилъ“, тихимъ голосомъ сказалъ Странникъ, „во Мнѣ ты нашелъ-бы покой и утѣшеніе твоему сердцу.

Я пришелъ помочь тебѣ, потому что Мнѣ жаль тебя, впусти меня“. Но нѣтъ... Онъ убѣждалъ долго, настоятельно, и все было напрасно. „Не могу тебя принять, теперь не время, когда нибудь въ другой разъ“, вотъ все, чего Онъ могъ дождаться. Наконецъ и дверь затворилась!

Прошли мѣсяцы, и опять стало шумно и весело въ богатомъ домѣ, опять наполнился онъ гостями и тяжелое горе разсѣялось. Но не долго продолжались пиры: самъ хозяинъ заболѣлъ. Настолько опасна была его болѣзнь, что не надѣялись на выздоровленіе. Издалека была вызвана единственная сестра его, которая и ходила за нимъ. Не одно только безпокойство, но и глубокая печаль выражалась на лицѣ сестрѣ; больной метался, стоналъ, а она его о чемъ то убѣдительно просила. Вдругъ лице ея озарилось надеждой — послышался знакомый стукъ въ дверь—она схватила больнаго за руку и умоляющимъ голосомъ сказала: „Онъ еще разъ тутъ, Онъ еще не покинулъ тебя; впусти Его“.

„Я слишкомъ слабъ, „отвѣчалъ ей братъ, „теперь не могу. Пойди, упроси Его, чтобы Онъ возвратилъ мнѣ здоровье, и я, когда поправлюсь, приму Его къ себѣ“.

„Я буду молить Его за тебя, но призови-же ты Его самъ; слышишь, Онъ все стучитъ“, настаивала сестра. „Теперь не въ силахъ я спать хочу, оставь меня, не безпокой меня,“ отвѣчалъ больной. „ты меня только разстроиваешь“. Онъ повернулся къ стѣнѣ и закрылъ глаза, а сестра молилась за него, какъ обѣщала.

Больной поправился, но лишь только онъ почувствовалъ въ себѣ прежнія силы, то и вернулся къ прежней жизни. Объ обѣщаніи, данномъ сестрѣ, онъ самъ никогда не вспоминалъ, а когда она о немъ говорила, онъ только сердился и говорилъ ей, чтобы она молчала. Годы уходили, и все оставалось постарому. Только тернія и всякія колючія растенія разростались все шире, подымались все выше и совсѣмъ уже застилали дубовую дверь. Цвѣты давно погибли, и садъ превратился въ пустырь. Давно, давно уже не бывалъ тутъ Странникъ, но разъ, въ одно холодное, ненастное утро, Онъ снова появился. Строгая печаль выражалась на лицѣ Его. Онъ началъ стучать, но по обыкновенію никто не отворилъ, за дверью даже послышался сдержанный смѣхъ. Онъ простоялъ весь день. Солнце сѣло за мрачныя тучи, подулъ рѣзкій холодный вѣтеръ, а Онъ все стоялъ. Наступила полночь. Ночная мгла охватывала Его и кропила Его непокрытую голову.

Онъ держалъ въ одной рукѣ заж-

женный фонарь, освѣщавшій все вокругъ, и снова повторялъ тотъже стукъ.

Ночь приходила къ концу и долготерпѣнію Странника также насталъ конецъ. Онъ сталъ медленно удаляться отъ двери! Огонь отъ фонаря освѣщалъ его величественную наружность, и сіяющее одѣяніе, прикрытое грубымъ, поношеннымъ плащемъ. Выходя изъ калитки, Онъ коснулся одеждой единственнаго, еще уцѣлѣвшаго, цвѣточка; цвѣтокъ сломился, и падая, смѣшался съ сухими листьями, устилавшими дорожку. Странникъ удалялся на всегда!..

Выйдя изъ сада, Онъ остановился еще разъ на минуту и обернувшись къ дому, произнесъ грозное осужденіе. Потрясающія слова раздались въ тишинѣ ночной:

„Сколько разъ Я приходилъ и звалъ тебя, и стучалъ въ дверь твою, но ты не принялъ Меня, Я простиралъ къ тебѣ руки, а ты видѣть этого не захотѣлъ; теперь Я ухожу отъ тебя, ты будешь звать Меня, но Я болѣе не отвѣчу, будешь искать Меня, но болѣе не найдешь, Я покидаю тебя на вѣки“!..

Въ эту ночь, владѣлецъ дома спалъ тревожнымъ сномъ; на него напалъ какой-то безотчетный страхъ, онъ безпрестанно вздрагивалъ, и съ безпокойствомъ озирался вокругъ. Вездѣ чудились ему какія-то странныя тѣни. Тоска захватывала его за душу. Онъ чувствовалъ, точно его что-то покидаетъ, точно онъ хочетъ удержать что-то и не можетъ. Вѣтеръ завывалъ вокругъ дома, какъ будто стоналъ о чемъ-то, и это наводило на него ужасъ.

Мало по малу, однако, ему удалось подавить свое душевное волненіе — онъ опять склонился на подушку и заснулъ, повторяя безсознательно: „завтра я отворю Ему, завтра я приму Его“.

Настало и это завтра. Ясное солнце оживило всю природу, но не могло оно ни оживить, ни согрѣть застывшую, омертвѣлую душу. Мрачная туча точно окружила ее со всѣхъ сторонъ, заслоняя отъ нея свѣтъ. Уныло проходилъ одинъ день за другимъ. Снова пріѣхала сестра, и снова пыталась уговаривать брата своего, но онъ чуждался ея, и пугался даже звука ея голоса, какъ голоса совѣсти. Навѣщалъ его и тотъ другъ дѣтства, который про него все это теперь разсказываетъ но онъ его не охотно принималъ. Иногда онъ подходилъ къ окну, чтобъ посмотрѣть, не идетъ-ли Странникъ, и даже разъ пытался отворить крѣпко замкнутую дверь; но ключъ былъ давно потерянъ и заржавленныя петли и запоры едва-ли поддались-бы теперь его слабымъ усиліямъ. Угощая друзей или считая свои сокровища, онъ проводилъ время, а когда душевное мученье становилось нестерпимымъ, онъ повторялъ себѣ: „завтра Онъ придетъ“...

Наконецъ, онъ слегъ въ кровать, сталъ замѣтно слабѣть и даже мысли его стали путаться.

Часто посѣщалъ его пріятель и когда больной былъ въ сознаніи, онъ старался успокоить его душу, но душа, казалось, уже неспособна была принять успокоеніе, и больной постоянно отвѣчалъ одно и то-же: „Ахъ, поздно! теперь уже поздно!“

Было время все это слушать и принять, но теперь оно прошло, и не возвратится никогда: передо мною одна погибель и ее не отвратитъ отъ меня никто. „Время прошло! „твердилъ онъ много разъ, даже когда былъ безъ сознанія. Тѣлесныя страданія его усиливались, уста произносили проклятія и на себя, и на всю прошлую жизнь свою, и на всѣхъ тѣхъ, которые раздѣляли съ нимъ эту жизнь и завлекали его въ погибель. Такъ онъ и умеръ!“

Старикъ замолчалъ; очевидно ему были очень тяжелы эти воспоминанія: онъ отвернулъ голову и закрылъ лицо руками. Я былъ сильно потрясенъ разсказомъ и также не могъ ничего говорить, только пристально смотрѣлъ на картину и мнѣ казалось, что я слышу стукъ въ дверь, что эти чудныя, умоляющія очи смотрятъ мнѣ въ самое сердце и спрашиваютъ у меня:

Ты? отворишь-ли Мнѣ дверь?

ИЗЪ ТВОР. СВ. ТИХОНА ЗАДОНСКАГО.

Завтра пріиду.

Слышимъ слово это отъ людей: завтра пріиду. Слово это говоритъ человѣкъ, когда его другой къ себѣ зоветъ, тогда онъ, если занятъ какимъ нибудь дѣломъ или иную какую нужду имѣетъ и отъ дома своего отлучиться не можетъ, зовущему его отвѣчаетъ такъ: завтра пріиду! Христіанинъ! Христосъ насъ зоветъ къ Себѣ, и зоветъ всегда и непрестанно: „пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененіи, и Азъ упокою вы“. (Матѳ. 11. 28.) Здѣсь Христосъ Господь призываетъ на покаяніе и черезъ покаяніе всѣхъ грѣшниковъ къ Себѣ. Но многіе христіане отлагаютъ это покаяніе, и какъ-бы отказываютъ Христу, и хотя не устами, но сердцемъ говорятъ: завтра пріиду. У всѣхъ такая мысль есть, и слово это, „завтра пріиду“ въ сердцѣ имѣется, у всѣхъ тѣхъ, которые день ото дня обращеніе и покаяніе истинное откладываютъ. Всѣ таковые говорятъ въ сердцѣ своемъ: завтра пріиду. Говоритъ блудникъ, прелюбодѣй, и нечистоты любитель: завтра пріиду. Говоритъ пьяница и сластолюбецъ: завтра пріиду. Говоритъ въ гордости, пышности и въ суетѣ міра этого живущій: завтра

пріиду. Говоритъ, сребролюбецъ, воръ и хищникъ: завтра пріиду. Говоритъ всякій грѣшникъ, который въ грѣхахъ живетъ и не исправляется: завтра пріиду. А многіе до болѣзни, многіе до кончины своей покаяніе свое отлагаютъ. Есть такіе, которые и не думаютъ о немъ. Таковые неотмѣнно говорятъ въ сердцѣ своемъ: „нѣсть Богъ“. (Псал. 13. 1.) О бѣдный грѣшникъ! зачѣмъ утренній день обѣщаешь себѣ, который не въ твоей, но въ Божіей власти? Что, если завтрашняго дня не дождешься? Что если Царскій указъ къ тебѣ придетъ тотчасъ, и тѣмъ позоветъ тебя Царь небесный, Господь, не къ покаянію уже но къ отвѣту и суду? Какой страхъ, трепетъ, ужасъ и отчаяніе будетъ колебать тогда твою душу! Смерть невидимою дорогою за всякимъ ходитъ, и похищаетъ человѣка, когда не ожидаетъ, и гдѣ не ожидаетъ и какъ не ожидаетъ. Что, если она и къ тебѣ въ такихъ мысляхъ придетъ и безъ голоса возгласитъ тебѣ: „иди, человѣкъ! Господь Вседержитель зоветъ тебя! „Что? будешь-ли говорить тогда завтра пріиду? Нѣтъ, хотя и не хочешь, но пойдешь. Но съ какою надеждою? не знаю. — Грѣшная душа! Богъ обѣщалъ намъ свою благодать и милость, но утренняго дня не обѣщалъ: А Духъ Святый глаголетъ: „Днесь, аще Гласъ Его услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ“. (Псал. 94. 7. 8: Евр. 3. 7. 8; 4. 7.). Проповѣдники Христовы то и знаютъ, что покаяніе проповѣдуютъ и грѣшникамъ возглашаютъ: покайтеся, и пріидите ко Христу. Но, грѣшная душа отвѣчаетъ въ сердцѣ своемъ: завтра пріиду!

Слѣпой грѣшникъ! разсуди и осмотрись, кому ты такъ отказываешь въ сердцѣ своемъ: завтра приду. Зоветъ тебя Богъ и Господь твой, Создатель твой, Царь царствующихъ и Господь Господствующихъ; зоветъ щедрый и милостивый, долготерпѣливый и многомилостивый Господь; зоветъ любезно; зоветъ Іисусъ, Искупитель твой, который пострадалъ и умеръ за спасеніе твое; зоветъ, да не впадешь въ вѣчную погибель и смерть; зоветъ въ вѣчное свое царство и блаженство. Онъ жалѣетъ о тебѣ, яко милосердъ; да не погибнешь, но ты Ему отвѣчаешь мыслью и не раскаяннымъ нравомъ и неисправнымъ сердцемъ: завтра пріиду!.. Безстыдно царю земному, и даже низшему властелину, отказывать и говорить: завтра приду; весьма тяжко и безстыдно небесному Царю отказывать и отвѣчать завтра приду! Тяжко и безстыдно, но и страшно. Ибо будетъ время, когда грѣшники пожелаютъ придти къ Нему; но затворены будутъ двери! Тогда услышатъ: не вѣмъ васъ; вы Меня не знали и Я не знаю васъ; вы Меня не слушали, и Я васъ не слушаю. (Луки. 13. 25, 26, 27; Матѳ. 25. 10, 11, 12.) Понеже звахъ, и не послушасте, и простирахъ словеса, и не внимасте, но отметасте Моя совѣты, и Моимъ обличеніямъ не внимасте: убо и Азъ вашей погибели посмѣюся, порадуюся-же, егда пріидетъ вамъ пагуба. (Притч. 1. 24. 25. 26.) Поэтому глаголетъ: „днесь, аще гласъ Его услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ.“ Не медли-же, грѣшникъ, обратиться къ Господу, да не узнаешь на себѣ судъ Божій вмѣсто милости Божіей.

Ко Христу приходимъ не ногами, но сердцемъ, не измѣненіемъ мѣста, но измѣненіемъ воли и нравовъ къ лучшему. Кто внутри себя измѣнится и отъ злаго обычая отставши, покаяніемъ себя очищаетъ и всякаго грѣха бережется, и волѣ Христовой угождаетъ, тотъ ко Христу идетъ и уже не говоритъ, завтра пріиду, но съ Пророкомъ глаголетъ: „готово сердце мое, Боже! готово сердце мое.“ (Псал. 107, 2). Вотъ я иду! Возставъ иду ко Отцу моему, и реку ему: Отче, согрѣшихъ на небо и предъ Тобою; и уже нѣсть достоинъ нарещися сынъ Твой: сотвори мя яко единаго отъ наемникъ Твоихъ (Луки 15, 18.) О, съ какою любовью смотритъ на такую душу возвратившуюся и идущую къ Себѣ Іисусъ Христосъ! Ахъ! сынъ мой погибшій ко Мнѣ возвращается цѣлъ (тамъ-же 54). Милуя помилую его и щедря ущедрю его. (Іерем. 31. 20.).

Радуйтесь, Ангелы, ибо нашлась погибшая овечка. Сынъ Мой, отлучившійся отъ Меня, ко Мнѣ возвратился здравъ. Любезное Мое созданіе, человѣкъ по образу Моему и по подобію сотворенный, но погибшій, нашелся цѣлъ. Бѣдный грѣшникъ! возстанемъ и мы такъ, и поскорѣе поспѣшимъ къ благоутробному Отцу нашему. Онъ ждетъ насъ и пришедшихъ обниметъ распростертыми руками. Нигдѣ и ни въ чемъ мы не сыщемъ покоя, кромѣ Него. Онъ Одинъ упокоиваетъ насъ: „пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы“. Полно уже на чужой странѣ медлить; полно злому господину работать; полно грѣхами, какъ негодными рожками питаться. Возставше, пойдемъ къ Отцу нашему, и будетъ питать насъ трапезою, какая приготовляется для сыновъ Его. Отче! согрѣшихъ на небо и предъ Тобою и уже нѣсть достоинъ нарещися сынъ Твой; сотвори убо мя, яко единаго отъ наемникъ Твоихъ!

ЯЗВЫ НАРОДА.

(Числа 21 5—9).

Нынѣ, когда услышите гласъ Его, не ожесточите сердецъ вашихъ.
(Евр. 3. 7. 8).

Вотъ теперь время благопріятное, вотъ теперь день спасенія.
(2 Кор. 6. 2).

Условія подписки: «Русскій Рабочій» выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Подписка принимается въ конторѣ Редакціи Журнала (Сергіевская ул., д. № 20, кв. 7) отъ 9 до 12 час. утра. Цѣна годовой подп. безъ достав. 60 к., съ дост. въ Спб. 75 к., съ перес. иног. 1 р.

Редакторъ-Издательница А. И. Пейкеръ.

Типографія И. Н. Скороходова, Надеждинская, 39.

Дозволено цензурою, Спб., 17 ноября, 1883 года.

№ 10. 1883 г. РУССКІЙ РАБОЧІЙ. Цѣна 5 коп.

ФАРИСЕЙ И МЫТАРЬ.

(Луки 18. 10).

Такъ говоритъ Высокій и Превознесенный, вѣчно Живущій, — Святый имя Его: Я живу на высотѣ небесъ и во святилищѣ, и также съ сокрушенными и смиренными духомъ, чтобъ оживлять духъ смиренныхъ и оживлять сердца сокрушенныхъ.

(Исаии 57. 15).

ПЛАЧЪ ЦАРЯ ДАВИДА.

Паденіе царя Давида было тяжкое. Онъ предалъ смерти вѣрнаго слугу своего Урію, для того чтобы взять къ себѣ жену его Вирсавію. „Давидъ послалъ и взялъ ее въ домъ свой, и она сдѣлалась его женою и родила ему сына. И было это дѣло, которое сдѣлалъ Давидъ зло въ очахъ Господа“. (2 Царст. 11. 2. 7.). Господь обличилъ Давида черезъ пророка Нафана, а когда, сознавши грѣхъ свой, Давидъ сказалъ: „Я согрѣшилъ передъ Господомъ“, то черезъ пророка услышалъ отвѣтъ Бога: „Господь снялъ съ тебя грѣхъ твой, ты не умрешь“. Богъ простилъ Давида, но грѣхъ оставляетъ слѣды въ сердцѣ человѣка и Господь не избавилъ Давида отъ тяжелыхъ скорбей, которыя привели его къ болѣе глубокому сознанію содѣланнаго грѣха. Сынъ, родившійся отъ Вирсавіи, долженъ быть умереть, и Давидъ, какъ изгнанникъ, долженъ былъ бѣжать изъ Іерусалима, узнавъ что сынъ его, Авессаломъ возсталъ противъ него. У Давида было много приверженцевъ въ Іерусалимѣ, и если-бы онъ разсуждалъ и дѣйствовалъ по собственнымъ соображеніямъ, то ему представилась-бы полная возможность отразить нападеніе сына съ оружіемъ въ рукахъ. Отчего-же Давидъ, съ храбрыми своими воинами, не остался въ Іерусалимѣ? Не потому-ли, что онъ помнилъ обличеніе Господа: „Я воздвигну на тебя зло изъ дома твоего“, (2 Цар. 12. 11.) и опасался навлечь бѣдствіе и раззореніе, заслуженныя его грѣхомъ, на невинныхъ жителей Іерусалима? Въ Священномъ Писаніи мы видимъ трогательную картину бѣгства Давида. „Давидъ пошелъ на гору Елеонскую, шелъ и плакалъ; голова у него была покрыта, онъ шелъ босый и всѣ люди, которые были съ нимъ, покрыли каждый голову свою, шли и плакали“. (2 Цар. 15. 30).

Эти люди, слѣдовавшіе за Давидомъ, не только показывали ему свою преданность въ несчастьи, но Господь расположилъ ихъ сердца къ пониманію скорби Давида о его грѣхѣ. Для него было большимъ утѣшеніемъ, что люди, знавшіе его тяжкій грѣхъ, его не покинули.

Давидъ сознавалъ что не заслужилъ этой милости, принялъ ихъ сочувствіе, какъ помощь отъ самого Господа и укрѣпился въ вѣрѣ: Овъ говоритъ въ 118 Псалмѣ „если-бы не законъ Твой былъ утѣшеніемъ моимъ, то погибъ-бы я въ бѣдствіи моемъ!“ Давидъ какъ всѣ ветхозавѣтные праведники, зналъ, что возмездіе за грѣхъ — смерть. (Галатамъ 3. 24.). Но онъ могъ прозрѣть въ любовь Господа къ погибающимъ грѣшникамъ, и могъ помышлять о законѣ духа жизни во Христѣ Іисусѣ Который освободилъ его отъ закона грѣха и смерти. Пробный камень искренности покаянія Давида былъ Семей, несправедливо его обвиняющій. Мы читаемъ въ словѣ Божіемъ что „когда дошелъ царь Давидъ до Бахурима, вотъ вышелъ оттуда человѣкъ изъ рода дома Саулова, по имени Семей, сынъ Геры; онъ шелъ и злословилъ, и бросалъ камнями на Давида и на всѣхъ рабовъ его; всѣ-же люди и всѣ храбрые были по правую и по лѣвую сторону царя.

Такъ, говорилъ Семей, злословя его: „уходи, уходи, убійца и беззаконникъ! Господь обратилъ на тебя всю крова дома Саулова, вмѣсто котораго ты воцарился, и предалъ Господь царство въ руки Авессалома, сына твоего, и вотъ ты въ бѣдѣ, ибо ты—кровопійца.“ Справедливо-ли Семей обвинялъ Давида? Нѣтъ, именно въ отношеніи Саула всѣ поступки Давида были правильны, и онъ ни въ чемъ не могъ обвинить самаго себя. Когда его слуги уговаривали его воспользоваться случаемъ лишить жизни врага своего, онъ сказалъ людямъ своимъ. „Не дай мнѣ Господь, чтобы я совершилъ такое дѣло противъ государя моего, помазанника Божія, чтобы я поднялъ руку мою на него, такъ какъ онъ помазанникъ Божій“. Почему-же Давидъ не возмутился проклятіями и несправедливыми укорами Семея? Потому что онъ прямо изъ рукъ Господа принялъ эту скорбь, какъ послѣдствіе грѣха, въ которомъ обличилъ его Господь черезъ Пророка, и въ ушахъ его звучало слово: „Ты—этотъ человѣкъ“. Давидъ видѣлъ въ Семеѣ орудіе Божіе и потому говоритъ: „Господь повелѣлъ ему бранить Давида. Кто-же можетъ сказать: зачѣмъ ты такъ дѣлаешь? Можетъ быть, Господь увидитъ бѣдствіе мое, и воздастъ мнѣ Господь добромъ за нынѣшнее поруганіе его“. (2 Цар. 16. 10, 12.).

О, какой источникъ утѣшенія въ скорби дается смиренному сердцу, преданному всецѣло Господу! Многіе люди готовы называть себя великими грѣшниками, но какъ только другой человѣкъ начнетъ ихъ обвинять, то сейчасъ-же возмущаются, оправдываютъ самихъ себя, и открывается въ нихъ тайная гордость, которая скрывалась подъ лживымъ смиреніемъ. Можетъ-ли искренно кающійся назвать себя невиннымъ, когда онъ знаетъ, что очи Господа, какъ пламень огненный проникаютъ до глубины сердца и что передъ Его всеиспытующимъ взоромъ ничто не сокрыто. Тайные грѣхи, тайные помыслы знаетъ Господь; Намъ-ли, немощнымъ и недостойнымъ хвалиться чѣмъ-бы то ни было, передъ Богомъ или людьми!

Нѣтъ, осудимъ сами себя, въ глубокомъ сознаніи того, что хоть-бы люди, не видящіе нашего сердца, и считали насъ хорошими, передъ Богомъ мы жалки, и нищи, и слѣпы и наги. (Откр. 3. 17).

Осудимъ себя, какъ тотъ мытарь, про котораго разсказываетъ намъ, въ притчѣ, Спаситель. Глазъ не смѣя поднять, онъ ударялъ себя въ грудь, говоря: „Боже, будь милостивъ ко мнѣ, грѣшнику“,— покуда

гордый фарисей, въ слѣпотѣ душевной, выхвалялся своей праведностью.

„Всякій возвышающій самъ себя униженъ будетъ, а унижающій себя, возвысится“. (Луки 18. 14).

„Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать,“ (Іак. 4. 6.)—ту благодать, о которой молилъ Давидъ, когда плакалъ о грѣхѣ своемъ.

„Омой меня, и буду бѣлѣе снѣга“, просилъ онъ... „Сердце чистое сотвори во мнѣ Боже,... возврати мнѣ радость спасенія Твоего... отверзи уста мои, и уста мои возвѣстятъ хвалу Твою“. (Псал. 50. 9—17.)

Да; и тѣ-же уста, которыя просили объ этомъ, прославили Господа, за то, что Онъ молитву „услышалъ“. (Псал. 65. 19, 20).

ПЛАЧЪ ЦАРЯ ДАВИДА.

РАБЫ ГРѢХА.

„Мы не были рабами никому никогда“, воскликнули Іудеи, когда Христосъ обѣщалъ сдѣлать ихъ **свободными**.

„Всякій дѣлающій грѣхъ есть рабъ грѣха“. [1]) отвѣчалъ имъ Господь.

[1]) Іоан. 8. 32—36.

Ап. Павелъ говоритъ: „Неужели вы не знаете, что кому вы отдаете себя въ рабы для послушанія, того вы и рабы; кому повинуетесь, или рабы грѣха къ смерти, или послушанія къ праведности“. [2]).

Рабы грѣха къ смерти, какое страшное слово, какое ужасное рабство! Взгляните на этого человѣка: онъ шатаясь выходитъ изъ питейнаго дома, гдѣ пропилъ послѣдній свой заработокъ, послѣ того, какъ хозяинъ отказалъ ему отъ мѣста. Жена больная, ждетъ и не дождется мужа, дѣти плачутъ, просятъ хлѣба, а онъ не имѣя силы дойти до дома, лежитъ среди улицы въ безчувственномъ состояніи, пока его съ презрѣніемъ и бранью не оттащутъ въ сторону, чтобы онъ не мѣшалъ прохожимъ. А эта больная дѣвушка, умирающая отъ чахотки послѣ грѣховной, бурной молодости; а этотъ преступникъ, ожидающій отправки на каторгу, не испытываютъ-ли они всей тяжести рабства грѣха, съ его ужасными послѣдствіями!

Остановимся еще передъ этимъ полуразвалившимся домикомъ. Какой онъ долженъ быть холодный: его окна заклеены бумагой, его дырявая крыша не починена. Кто-же тамъ живетъ? спросите вы.

Это жилище богача, скупаго Терентія. Онъ голодаетъ и мерзнетъ, глядя на деньги, съ которыми не хочетъ разстаться. Но вотъ въ сосѣдней избѣ выкинуло изъ трубы, искры сыплются; одна изъ нихъ упала на крышу Терентія, крыша загорѣлась, скоро весь его домъ будетъ въ огнѣ. „Пожаръ, пожаръ“! слышится со всѣхъ сторонъ. Замужняя дочь Терентія, Марфа, выбѣгаетъ изъ своего дома и спѣшитъ къ тому мѣсту, гдѣ начался пожаръ. Съ трудомъ, посреди густаго дыма, она пробирается къ старику.

Онъ держится за сундукъ, прикрѣпленный къ полу. „Уйдемъ, уйдемъ,

[2]) Римл. 6. 16.

уговариваетъ она отца. Онъ смотритъ на нее безсмысленными глазами, а мужъ Марфы силою уводитъ ее отъ дома, который уже началъ горѣть. „Спасите отца“, кричитъ она пожарному. Пожарный, не смотря на жалобные крики Терентія, старается оттащить его отъ сундука, но Терентій, собравъ свои послѣднія силы, вырывается изъ его рукъ и, бросившись на горѣвшій сундукъ, вмѣстѣ съ нимъ дѣлается жертвою пламени. О! не такъ страшенъ огонь, охватившій его исхудалое, старческое тѣло, какъ ожидающій его огонь вѣчный.

Если-бы только, какъ Закхей, „онъ искалъ видѣть **Іисуса**“, то былъ-бы спасенъ [3]).

Сынъ Божій, Іисусъ Христосъ, „пришелъ взыскать и спасти погибшее“. Онъ знаетъ, что изъ всѣхъ тяжестей земныхъ, самая великая тяжесть—грѣхъ. Грѣхъ давитъ человѣка, наклоняетъ его взоръ къ землѣ и бремя наложенное сатаною все тяжелѣе и труднѣе становится, пока совершенно не раздавитъ человѣка.

Пожалѣйте самихъ себя, не отвергайте предлагаемаго вамъ спасенія.

Слышите призывъ Спасителя: „Пріидите ко Мнѣ, всѣ труждающіеся и обремененные и Я успокою васъ Возьмите иго Мое на себя и научитесь отъ Меня, ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ и найдете покой душамъ вашимъ. Ибо иго Мое благо и бремя Мое легко . [4])

„Если Сынъ освободитъ васъ, то истинно свободны будете“.

ЖЕЛѢЗО НА НАКОВАЛЬНѢ.

Иванъ Петровичъ прожилъ много лѣтъ и состарѣлся въ селѣ Покровскомъ. Онъ пріѣхалъ туда учите-

[3]) Луки, 19. 3. [4]) Матѳ. 11. 28.

лемъ и скоро сталъ пріятелемъ всего населенія. И старъ, и младъ обращался къ нему за добрымъ совѣтомъ и помощью; дѣтки привыкли къ нему, какъ къ родному, толпились вокругъ него, когда онъ показывался на улицѣ; онъ же и ласкалъ ихъ, и наставлялъ, и горевалъ объ нихъ, въ случаѣ ихъ болѣзни или какого нибудь проступка,—словомъ, любилъ ихъ всей душой и они это чувствовали и ему тѣмъ же отвѣчали. Иванъ Петровичъ не только любилъ своихъ ребятъ, но и молился за нихъ, потому что онъ былъ человѣкъ благочестивый: Евангеліе было у него и на столѣ, и въ сердцѣ, и изъ своего сердца онъ передавалъ его другимъ.

Теперь уже Иванъ Петровичъ старикъ, и все еще живетъ онъ въ селѣ Покровскомъ. Новый молодой учитель ведетъ школу, а онъ живетъ недалеко, и по мѣрѣ силъ продолжаетъ трудиться для ближнихъ. „Все хлопочетъ около народу“, говорили про него крестьяне, и онъ такъ съ ними сжился, что и разставаться не хотѣлъ. „Старъ ужъ я, чтобы къ новому мѣсту привыкать“, говорилъ онъ, „здѣсь и жизнь земную покончу, между своими родными“. И правда, кто-же ему былъ не родной? Вотъ, этотъ здоровый крестьянинъ, съ сѣдѣющей бородой, самъ отецъ семейства, усердный труженикъ надъ своей земелькой;—вспоминаетъ Иванъ Петровичъ, какъ онъ, 8-ми лѣтнимъ мальчикомъ, сидѣлъ у него на скамьѣ и, свѣсивши кудрявую головку надъ книжкою твердилъ азбуку.

А Агафья, баба такая умная, разсудительная, что всякій ее къ себѣ на совѣтъ приглашаетъ, была бѣдная сиротка, бездомная; у Ивана Петровича грамотѣ научилась, отъ него добрыхъ рѣчей наслушалась, потомъ хоть и рано овдовѣла, а сыновей своихъ сама ко всякой работѣ пріучила и на честный, добрый путь поставила. А теперь, какъ дѣти выросли и времени свободнаго побольше, Агафья все чаще за книжкой сидитъ, по праздникамъ къ себѣ молодыхъ дѣвицъ зазываетъ и имъ изъ Божіяго Слова читаетъ и разсказываетъ. „Спасибо тебѣ, батюшка, что уму разуму научилъ“ повторяла она часто Ивану Петровичу; и не она одна, а многіе, и многіе твердятъ за нею тоже самое.

Это утѣшало старика, но были у него и горести большія. Одна изъ нихъ, какъ черная туча долго лежала на душѣ его, и объ ней разскажемъ мы теперь читателю. Чужая бѣда, какъ вглядишься въ нее поближе, больше жалости къ ближнимъ внушитъ и самого отъ опасности предостережетъ.

Былъ вечеръ. Иванъ Петровичъ возвращался изъ сосѣдней деревни, и подходя къ селу, поровнялся съ кузницей. Онъ остановился. Ярко пылаетъ огонь и сквозь открытыя двери краснымъ заревомъ освѣщаетъ дорогу. Кузнецъ Григорій такъ занятъ работой, что и не замѣчаетъ стараго учителя, а тотъ стоитъ и смотритъ на него: „Молодецъ“, думаетъ онъ, „и ростомъ высокъ, и лицомъ красивъ, и умомъ Богъ не обидѣлъ, а на работу ужъ какой мастеръ, — просто любо смотрѣть“. Однакоже, Иванъ Петровичъ почему то вздыхаетъ, глядя на Григорія. Онъ вѣрно вспоминаетъ прошлое: видитъ его еще мальчикомъ у себя въ школѣ, и сердце у него сжимается. Григорій на ученье понятливъ, но ужъ слишкомъ онъ бойкій, во всякой винѣ съумѣетъ себя оправдать, на всякое замѣчаніе дать отвѣтъ. Григорій подростаетъ, его пѣсни на всѣхъ гуляніяхъ раздаются, его голосъ всѣхъ громче смѣется и нерѣдко угощается онъ виномъ, молодости своей не жалѣя. Станешь его уговаривать, онъ шутитъ или сердится, передъ собою опасности не видитъ, и за собою никакого порока признать не хочетъ. „Пустяки“, говоритъ, „проживу не хуже тѣхъ, которые меня учить хотятъ“. Но вотъ, полюбилась ему тихая, скромная дѣвушка, и онъ задумалъ на ней жениться. Сначала колебалась Марья, но Григорій какъ будто перемѣнился, присмирѣлъ, много хорошаго ей обѣщалъ, такъ что она повѣрила, и пошла за него. Дѣйствительно, казалось, что дѣло наладилось: Григорій работаетъ усердно, выпиваетъ изрѣдка, да и то какъ-то ловко, такъ что не всѣмъ замѣтно; — а Иванъ Петровичъ все таки вздыхаетъ, глядя на него!

Поздоровались, минутку поговорили, и кузнецъ опять принялся за работу. Онъ вынулъ изъ огня раскаленный кусокъ желѣза и положилъ его на наковальню, поднялъ могучую руку и началъ изо всѣхъ силъ ударять молотомъ. Искры посыпались во всѣ стороны. Размягченное, пылающее желѣзо затрепетало и стало гнуться подъ ударами; но вотъ, удары прекращаются, желѣзо начинаетъ темнѣть, холодѣть, и наконецъ принимаетъ прежній, мрачный, твердый видъ.

Иванъ Петровичъ любилъ размышлять надъ тѣмъ, что попадалось ему на глаза, и теперь, онъ раздумывалъ, глядя на кусокъ желѣза; „было мягкое, какъ вышло изъ пламени“, говорилъ онъ самъ себѣ, „подавалось куда угодно, огнемъ пылало, а теперь остыло, затвердѣло, почернѣло; такъ и съ человѣкомъ бываетъ: смягчится на время горемъ или нуждою, согнется подъ ударами, а потомъ, минуетъ горе, и сердце опять, какъ и прежде, жестокое станетъ. Одна только любовь Божія можетъ смягчить сердце на всегда“.

Иванъ Петровичъ пошелъ своей дорогой, а Григорій продолжалъ свою работу.

— „Милости просимъ, Иванъ Петровичъ, спасибо, что провѣдали“, говорила нѣсколько дней спустя хозяйка кузнеца, Марья, усаживая старика на лавку. Въ избѣ все было прибрано, полъ чисто выметенъ, полки вытерты; изба

была просторная, свѣтлая, но Марья была что-то невесела.

— „Ужъ не боленъ-ли Григорій?“ спросилъ Иванъ Петровичъ, „его что-то другой день на кузницѣ не видать?“

— „Да, нездоровъ онъ“, отвѣчала Марья, и слезы навернулись у нея на глазахъ, „то есть не то, что нездоровъ, а знаете, бѣда съ нимъ приключилась. Онъ тутъ въ зимней избѣ лежитъ—должно быть не спитъ—зайдите, поговорите съ нимъ“.

Иванъ Петровичъ догадался въ чемъ дѣло: „съ водкой опять связался“, подумалъ онъ, и пошелъ къ Григорію. Григорій лежалъ на лавкѣ, прикрытый кафтаномъ, лицо его было блѣдно, глаза мутные и безжизненные.

Иванъ Петровичъ вспомнилъ прошлое, ему жаль его стало, какъ малаго ребенка, онъ подошелъ и съ грустью сказалъ: „Гриша, Гриша, до чего ты себя довелъ!“ Григорій смягчился, услышавъ ласковый голосъ стараго учителя и тихо сказалъ: „Попалъ въ бѣду, но больше этого не случится“.

— „Эхъ, Гриша, не вѣрится мнѣ что-то“, отвѣчалъ старикъ, „ужъ не первый разъ ты это говоришь. Охота у тебя, быть можетъ, теперь и есть, да только ты не съ того конца начинаешь. Смириться тебѣ надо передъ Богомъ; на себя не надѣяться, а на Его помощь всѣмъ сердцемъ положиться, тогда все будетъ хорошо, и въ сердцѣ твоемъ, и въ жизни твоей. А ты ужъ больно высоко голову держишь, оттого она у тебя и кружится. „Смиритесь подъ крѣпкую руку Божію,“ — сказано въ Словѣ Божіемъ, „и **Онъ** вознесетъ васъ“, а самому возноситься, какъ опасно, какъ страшно“!

— „Гдѣ ужъ теперь возноситься“, проговорилъ Григорій, „самъ я вижу, что дѣло плохо: второй день крохи во рту небывало, силъ на работу нѣтъ, да и денегъ сколько потерялъ, половину пропилъ, половину изъ кармана вытащили; нѣтъ, ужъ теперь меня на эту штуку больше не заманятъ. Хоть какъ будутъ просить, не поддамся. На то и голова на плечахъ, чтобы безразсуднымъ не быть“.

— „Ахъ, своя безразсудная головушка горю не поможетъ“, настаивалъ Иванъ Петровичъ, „сама же грѣхъ задумываетъ и ко всякому пороку склоняется. Сила Божія нужна, чтобы удержать человѣка отъ зла и кто, со смиреннымъ сердцемъ, этой силы у Бога проситъ, тому она и дается. Ты ее не просишь, Гриша, страшно мнѣ за тебя“.

— „Не бойтесь, не бойтесь, Иванъ Петровичъ“, съ увѣренностью сказалъ Григорій, „вотъ увидите, ужъ я больше въ петлю ни за что не попадусь“.

Старикъ грустно покачалъ головою и простившись съ нимъ, ушелъ.

На слѣдующій день, Григорій опять работалъ на кузницѣ, и когда Иванъ Петровичъ проходилъ мимо: онъ крикнулъ ему: „здравствуйте“, очень громко и самодовольно, какъ будто хотѣлъ сказать: „вотъ видите, я вамъ говорилъ, что встану на ноги“.

Въ концѣ недѣли, когда Марья, подъ вечеръ, проходила мимо питейнаго дома, она черезъ окно, увидала тамъ голову своего мужа, и такъ ей стало стыдно, такъ горько, что она опрометью пустилась бѣжать домой и какъ вошла въ избу, опустилась на лавку и зарыдала. Испуганныя дѣти подбѣжали къ ней, двухлѣтняя Таня также начала плакать. Мать взяла ее на колѣни, и глотая свои слезы, принялась утѣшать ребенка. Къ ужину Григорій пришелъ домой, и замѣтилъ что жена была какъ то особенно молчалива.

Онъ посмотрѣлъ на нее, увидалъ заплаканные глаза и сказалъ:“ Полно, баба, тужить. Чтожъ за бѣда, если выпьешь стаканчикъ, другой, съ друзьями. Видишь, вѣдь не умеръ-же я отъ этого“, и онъ засмѣялся.

— „Не до смѣху мнѣ, Григорій,“ кротко отвѣчала Марья, „кабы ты бросилъ пить совсѣмъ, вотъ тогда-бы мнѣ было весело“.

Голосъ ея задрожалъ, она вдругъ приподнялась съ мѣста, упала Григорію въ ноги и, низко наклонивъ голову, сквозь слезы, сказала:

— „Христа ради, Григорій, брось ты пить, пожалѣй ты дѣтокъ своихъ, пожалѣй ты душу свою“. Григорій растрогался и даже испугался: „Вставай, вставай, Маша“, сказалъ онъ, приподнимая ее, „прости меня, что я такъ обидѣлъ тебя, сердешную, не плачь, я брошу пить, вотъ увидишь, что брошу; совсѣмъ мало вѣдь я и пью-то. Вотъ поглядѣла бы ты лучше на другихъ — хоть бы на Степана сапожника, или на сосѣда Никиту,—такъ перестала бы обо мнѣ сокрушаться“.

— „Съ малаго начнется, скоро и до большаго дойдетъ, „отвѣчала Марья, „тяжела у меня о тебѣ забота, Григорій, такъ тяжела, что кабы не Господь, такъ все сердце бы раздавила. Если-бы ты за Бога взялся, я бы знала, что Онъ тебѣ поможетъ—мнѣ бы легче стало; а то вонъ Божья книга лежитъ на полкѣ, никогда ты въ нее не заглянешь, никогда ты намъ съ дѣтьми изъ нея не почитаешь. А ужъ безъ Бога, что-же хорошаго можетъ выйти“!

Григорій на это не зналъ что отвѣтить; разсердиться на Марью духу не хватало, глядя на ея кроткое, печальное лицо, а сознаться, что она права, гордость мѣшала.

Прошелъ годъ. Григорій лежитъ больной: у него сильный жаръ, бредъ, фельдшеръ не надѣется на выздоровленіе. Горячка схватила его послѣ того вечера, когда онъ, шатаясь, вышелъ изъ кабака, забрелъ въ ближайшее поле и тамъ пролежалъ на мокрой травѣ нѣсколько часовъ, пока его нашли и привели домой.

Марья похудѣла отъ заботъ и нужды, много теперь на ней, бѣдной, лежитъ труда. Сосѣдки всѣ заняты своими дѣлами—помочь не могутъ, зато Иванъ Петровичъ приходитъ каждый день и сидитъ около больнаго, пока хозяйка справляется съ домашней работой. Грустно старику смотрѣть на бывшаго своего ученика, какъ тотъ мечется, томится въ болѣзни.

„Сломила болѣзнь тѣло,“ думаетъ онъ „сломила-ли она душу гордую“!

Наконецъ, жаръ спалъ, Григорій сталъ поправляться, но, по слабости, еще не могъ вставать. Иванъ Петровичъ сидитъ около него; Григорій, глядя на него, прослезился.

„Ужъ очень вы меня жалѣете, Иванъ Петровичъ,“ сказалъ онъ, „не заслужилъ я этого отъ васъ!“

— „Гриша“, отвѣтилъ старикъ, „знаешь о чемъ я сейчасъ думалъ: вспоминалъ, какъ ты разъ въ кузницѣ кусокъ желѣза ковалъ, и оно сначала, какъ изъ огня вышло, было мягкое, такъ что куда угодно погнешь, а потомъ совсѣмъ затвердѣло; такъ, думаю себѣ, чтобы и съ тобой не было. Посѣтилъ тебя Богъ болѣзнью; она, какъ огонь, охватила тебя со всѣхъ сторонъ, и твое сердце какъ будто смягчилось, но на долго-ли? Пройдетъ болѣзнь—смотри, чтобы не затвердѣло у тебя опять сердце. Одна только любовь Божья можетъ смягчить сердце на всегда“, прибавилъ старикъ, вспоминая свои размышленія около кузницы.

— „Нѣтъ, ужъ я теперь, кажется, проученъ надолго“, отвѣчалъ больной, „противно даже думать о винѣ, а не только пить его. До какой нужды, до какого горя оно довело меня! Вотъ, я слышу, что за время моей болѣзни, на селѣ новая кузница открылась — отобьетъ, пожалуй, отъ меня работу, не буду знать, чѣмъ и хлѣбъ добывать, когда поправлюсь“.

— „Будешь по Божьему жить, такъ Богъ безъ хлѣба не оставитъ“, отвѣчалъ Иванъ Петровичъ, „вотъ хоть-бы къ новому кузнецу наймись, — онъ, говорятъ, мастера ищетъ“.

Къ новому кузнецу наймись! При этихъ словахъ, лицо Григорія омрачилось и непріязненное выраженіе показалось въ глазахъ его, но онъ промолчалъ. Прощаясь съ нимъ, Иванъ Петровичъ сказалъ: „Гриша, моли Бога, чтобы не затвердѣло сердце твое“.

Григорій поправился, думалъ было взяться за прежнюю работу, но новая кузница, дѣйствительно, работу отбила. Новый кузнецъ былъ человѣкъ степенный, всегда при своемъ дѣлѣ, такъ что къ нему и стали всѣ обращаться; а Григорій еще и до болѣзни отвадилъ отъ себя многихъ людей; придутъ въ кузницу, а онъ, нетрезвый, работу справляетъ какъ попало, да еще и бранится вдобавокъ, а частенько его и вовсе тамъ нѣтъ, оставляетъ за себя какого-то мальчика, который въ дѣлѣ ничего не смыслитъ. Не идетъ дѣло на кузницѣ, работу никто не несетъ, а Григорія досада разбираетъ. Сердится онъ на Николая, зачѣмъ кузницу завелъ, обижается на людей, что не къ нему, а къ Николаю работу несутъ. „Люди всегда готовы изъ за новаго старое бросить“, повторяетъ онъ, и на всѣхъ смотритъ какъ на враговъ, а ужъ съ Николаемъ и двухъ словъ перемолвить не хочетъ.

Разъ, пошелъ Григорій въ сосѣднюю деревню къ зятю, возвращается домой, а дома дочка Лиза захворала, головы поднять не можетъ. Марья тихо плачетъ о томъ, что и гривенника нѣтъ, чтобы къ фельдшеру сходить за лекарствомъ, и харчей дома, кромѣ сухаго хлѣба, никакихъ нѣтъ. Дѣвочка проситъ чаю, бараночка и нечего ей дать.

Марья никогда не упрекала мужа, очень рѣдко при немъ плакала, но тутъ не могла утерпѣть. Какъ онъ вошелъ въ избу, и спросилъ, что случилось, слезы у нея полились ручьемъ, и она сказала:

„Григорій, батюшка, сходи ты, поклонись Ивану Петровичу, не одолжитъ-ли гривенника Лизѣ на лекарство. Боюсь — помретъ дѣвочка“.

Григорій вышелъ, а Марью въ это время пришли провѣдать знакомыя бабы и принялись охать и жалобиться.

„Вотъ муженекъ-то, до чего довелъ“, говорила, качая головой, бабушка Ѳедора, „заморилъ ребенка голодомъ да холодомъ, да и ты сама, Марія, на что стала похожа; а прежде вѣдь не такая была, у отца съ матерью подъ крылышкомъ никакой нужды не знала, да и съ Григоріемъ то раньше другое было житье, а теперь совсѣмъ пропадаетъ мужикъ, и совѣсть даже всякую потерялъ“.

— „Полно, бабушка, „кротко сказала Марія,“ нелюбо и нехорошо мнѣ слушать, какъ ты мужа моего бранишь; ему и самому теперь не легко“.

— „Что-жъ, что не легко—самъ виноватъ“, повторяла Ѳедора, а за нею и другія бабы. Онѣ разошлись по домамъ, а Григорій вернулся съ гривенникомъ, и говоритъ: „ступай ты сама къ фельдшеру, лучше моего разскажешь въ чемъ дѣло, а я посижу съ ребенкомъ“.

Сидитъ Григорій около ребенка, дѣвочка ручонки протягиваетъ и жалобнымъ голоскомъ проситъ: „мама, дай чаю“. Ручки исхудалыя, не такія какъ у другихъ дѣтей, личико маленькое, глаза впалые.

Отецъ все это видитъ и тяжело ему смотрѣть на ребенка. Вдругъ растворяется дверь и въ избу входитъ.... кто-же? Кузнецъ Николай.

Григорія передернуло, но онъ все таки всталъ, поздоровался и сказалъ: „просимъ милости садиться“.

— „Я къ тебѣ по дѣлу, пріятель“, началъ Николай добродушно,

„ты вѣдь на нашу работу мастеръ, а мнѣ какъ разъ мастеръ и нуженъ; не наймешься-ли ко мнѣ? Жалованьемъ тебя не обижу и коли нужда есть, такъ и впередъ деньжонокъ дамъ, только смотри, братъ, съ водкой не знайся, а то мы съ тобой не долго вмѣстѣ наживемъ“.

Хотѣлось было Григорію сказать; „благодаримъ покорно, обойдемся и безъ вашей работы“, но сердце еще не совсѣмъ каменное стало—жаль больнаго ребенка и жены и другихъ дѣтей, да и самому голодать нѣтъ охоты, а кошелекъ пустой и въ амбарѣ хлѣба ужъ не много.

Григорій условился придти работать на слѣдующій-же день и даже сказалъ спасибо, хотя обида на Николая все таки лежала на сердцѣ.

— „Водки пить не будешь?“ спросилъ кузнецъ, вставая.

— „Какая тутъ водка, не до водки мнѣ теперь—я ее и видѣть не хочу“, отвѣтилъ Григорій все съ тою-же увѣренностью.

Николай ничего больше не сказалъ и вышелъ, а въ скоромъ времени вернулась Марья и порадовалась, что Григорій порядился на работу, порадовался и старикъ учитель: вѣдь все это было дѣло его рукъ. Развѣ не онъ пошелъ уговаривать Николая позвать Григорія къ себѣ на кузницу; развѣ не онъ просилъ: „поговори съ нимъ поласковѣе, можетъ быть, онъ образумится и ради дѣтокъ своихъ примется за трудъ“.

На слѣдующій день, Григорій пошелъ работать, а маленькой дѣвочкѣ дома, не смотря на лекарства, становилось все тяжелѣе; вечеромъ, когда отецъ, на полученныя отъ Николая деньги, принесъ чаю и сахару, Лиза уже была безъ памяти, и чаю больше не просила. Два, три дня еще промаялась она, и наконецъ, въ воскресенье, рано утромъ, умерла.

Мать и дѣти плакали по ней, и Григорій плакалъ, а Иванъ Петровичъ, глядя на него, думалъ: „опять лежитъ желѣзо на наковальнѣ, опять оно мягкое, гибкое, огнемъ расплавленное, на долго-ли? неужели опять затвердѣетъ?“

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИЗЪ ТВОР. СВ. ТИХОНА ЗАДОНСКАГО.

Не бойся, Я съ тобою.

Бываетъ, что мать, видя свое дитя, скорбящее и плачущее, утѣшаетъ его и говоритъ ему: „не бойся, я съ тобою“.

Такъ, милосердый, и человѣколюбивый Богъ, Который есть Создатель и Отецъ щедротъ и „Богъ всякія утѣхи“, вѣрной душѣ, находящейся во искушеніяхъ и напастяхъ, скорбящей, и сѣтующей, и боящейся, глаголетъ: „Не бойся, Я съ тобою“. Я твой Создатель, Я твой Искупитель, Я твой Спаситель, Я твой Помощникъ и Заступникъ; Я, Который въ Рукѣ Своей все содержу и Которому все повинуется, Я—съ тобою.

„Рече Сіонъ: остави мя Господь и Богъ забы мя. Егда забудетъ жена отроча свое, еже не помиловати исчадія чрева своего. Аще же и забудетъ сихъ жена, но Азъ не забуду тебе, глаголетъ Господь“. (Исаіи 49. 14 и 15.) — „Аще преходиши сквозь воду, съ тобою есмь, и рѣки не покрыютъ тебе; и аще сквозѣ огнь пройдеши, не сожжешися, и пламень не опалитъ тебе, Яко Азъ Господь Богъ твой, Святый Израилевъ, спасаяй тя“. (Исаіи 43. 2 и 3.)

Такъ былъ Господь съ вѣрнымъ Своимъ Ноемъ, и сохранилъ его отъ всемірнаго потопа. Былъ съ вѣрнымъ Своимъ Лотомъ и сохранилъ праведника отъ казни Содомской. Былъ съ рабами Своими Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ и сохранилъ ихъ на землѣ пришельствія ихъ, какъ писано о нихъ: „не остави человѣка обидѣти ихъ, и обличи о нихъ цари: не прикасайтеся помазаннымъ моимъ, и во Пророцѣхъ Моихъ не лукавнуйте“. (Псал. 104. 14. 15.) Былъ со Іосифомъ, и въ нашедшихъ на него искушеніяхъ и страданіяхъ сохранилъ его и прославилъ его. Былъ со Ираилемъ во Египтѣ, откуду и глаголалъ: „видя, видѣхъ озлобленіе людей Моихъ, иже во Египтѣ, и вопль ихъ услышахъ отъ дѣлъ приставниковъ“. (Исход. 3. 7.) Былъ съ тѣмъ же Израилемъ въ исходѣ его изъ Египта, и раздѣлилъ ему Чермное море, и сотворилъ ему путь посреди водъ, и провелъ его сквозь Чермное море, и спасъ его отъ Фараона мучителя: откуда и воспѣлъ благодарственную пѣснь Спасителю своему Богу. Былъ съ тѣмъ же Израилемъ въ пустынѣ, и питалъ его Своею чудесною манною, и поражалъ предъ лицомъ его враговъ его, и ввелъ его въ гору святыни Своея. Былъ съ тѣмъ-же Израилемъ, живущимъ въ землѣ обѣтованной, и спасъ его, какъ поетъ пророкъ: „яко аще не Господь бы былъ въ насъ, да речетъ убо Израиль: яко аще не Господь бы былъ въ насъ, внегда востати человѣкомъ на ны, убо живыхъ пожерли быша насъ“ и пр. (Псал. 123. 1 и 2.) Былъ съ Давидомъ, помазанникомъ Своимъ, въ различныхъ искушеніяхъ и гоненіяхъ, и сохранялъ раба Своего отъ враговъ его. Былъ съ Іоною въ глубинѣ морской, и сохранилъ его во чревѣ китовомъ, и избавилъ его отъ звѣря морскаго. Былъ съ тремя отроками въ печи Вавилонской, и угасилъ имъ силу огненную, и научилъ ихъ пѣть благодарственную пѣснь. Былъ съ Даніиломъ во рвѣ, и заградилъ уста львовъ, и избавилъ его оттуда. Былъ съ Апостолами, былъ съ мучениками, и сохранилъ ихъ посреди ужасныхъ мученій; былъ съ пустынниками, жившими въ пещерахъ, въ вертепахъ и пропастяхъ земныхъ,

и сохранилъ ихъ отъ козней вражьихъ; былъ, и есть, и будетъ до скончанія вѣка съ вѣрными рабами Своими, по неложному Своему обѣщанію: „се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка, аминь. (Матѳ. 28. 20).

О Божественный, о любезный, о сладчайшій Твой Гласъ! Съ нами-же неложно обѣщался быти до скончанія вѣка, Христе! Его-же вѣрные, утвержденіе надежды имѣя, радуемся! Поэтому, вѣрные рабы Его, чувствуя при себѣ присутствіе Его и живое утѣшеніе, дерзаютъ, восклицаютъ и поютъ пѣснь въ радости Духа: „Богъ намъ прибѣжище и сила, Помощникъ въ скорбѣхъ обрѣтшихъ ны зѣло. Сего ради не убоимся, внегда смущается земля и прелагаются горы въ сердца морская“, и пр.

„Господь силъ съ нами, заступникъ нашъ Богъ Іаковль“ (Псал. 43. 23, и 12). и опять: „Аще и пойду посредѣ сѣни смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси, Боже“ (Псал. 22. 4.). И еще: „Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой: кого убоюся? Господь защититель живота моего: отъ кого устрашуся?“ и проч. (Псал. 26. 1.). Смотри Христіанинъ! будь только Божій: а Богъ Своего не оставитъ (Псал. 33. 23. 28, 11; 31, 11. Вѣруй сердечно Ему, какъ Богу; угождай ему вѣрою и правдою, всю надежду твою полагай на Него, и отъ сердца призывай Его: а Онъ близъ тебя есть, съ тобою есть‘ сохраняетъ тебя, Святый Израилевъ; и гдѣ ни будешь, въ какой скорби и искушеніи ни находишься, съ тобою есть, и смотритъ на подвигъ твой, и невидимою рукою укрѣпляетъ тебя и помогаетъ тебѣ; и хотя всѣ злые люди возстанутъ на тебя и бѣсовскіе полки окружатъ тебя, ничего не успѣютъ. (Псал. 144. 15; Исаіи 41, 10). Господь сохранитъ тя, Господь покровъ твой на руку десную твою. Во дни солнце не ожжетъ тебе, ниже луна нощію. Господь сохранитъ тя отъ всякаго зла, сохранитъ душу твою Господь. Господь сохранитъ вхожденіе твое, и исхожденіе твое, отъ нынѣ и до вѣка“. (Псал. 120. 5. 6. 7. и 8). „Не остави мене Господи Боже мой, не отступи отъ мене; вонми въ помощь мою, Господи спасенія моего“. (Псал. 37. 22. 23.).

— „Господи силъ, съ нами буди! иного бо, развѣ Тебе, помощника въ скорбѣхъ не имамы. Господи силъ, помилуй насъ!“

„РУССКІЙ РАБОЧІЙ“

будетъ издаваться и въ будущемъ 1884 году, на прежнихъ условіяхъ.

ГОДОВАЯ ЦѢНА:

Съ пересылкою иногороднимъ	1 р.	— к.
Съ доставкою, въ С.-Петербургѣ	— „	75 „
Безъ доставки	— „	60 „

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторѣ редакціи на Сергіевской улицѣ, д. № 20, кв. 7. С.-Петербургъ.

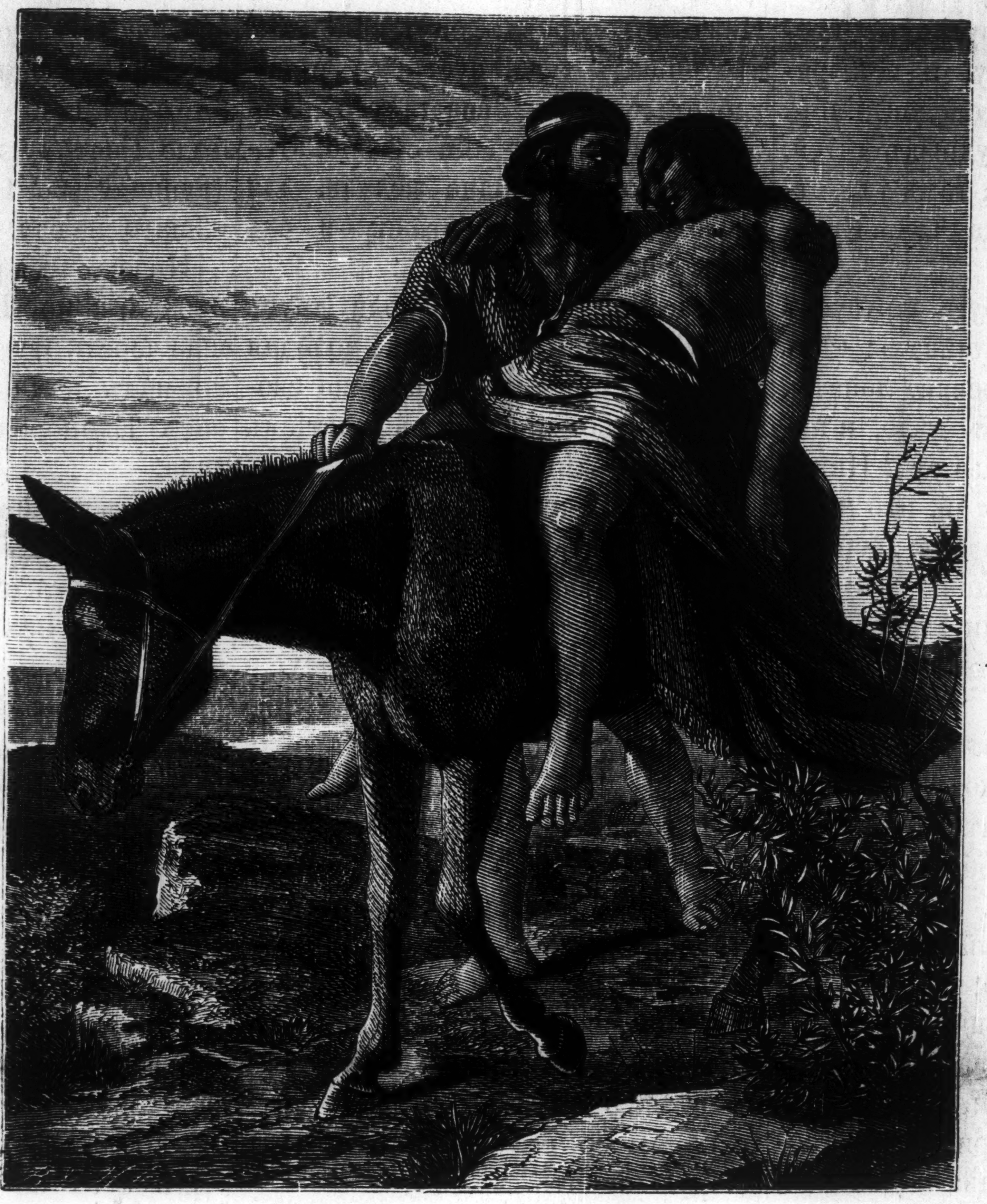
Со всѣми письмами и требованіями по журналу просятъ обращаться туда-же.

Редакція проситъ читателей, сочувствующихъ изданію, содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, его распространенію.

Редакторъ-Издательница А. И. Пейкеръ.

Дозволено цензурою, Спб., 10 декабря, 1883 года. Типографія И. Н. Скороходова, Надеждинская, 39.

№ 11 1883 г. РУССКІЙ РАБОЧІЙ. Цѣна 5 коп.



МИЛОСЕРДЫЙ САМАРЯНИНЪ.

„Кто мой ближній?“

(Луки 10. 29).

КТО МОЙ БЛИЖНІЙ?

Да; кто онъ? Кто этотъ человѣкъ, на котораго я долженъ смотрѣть какъ на брата своего, которому долженъ руку протянуть, сердце открыть, поспѣшить къ нему на помощь, пока еще эта помощь можетъ спасти его?

Кто онъ? А вотъ этотъ самый, мимо котораго я прохожу такъ равнодушно, говоря себѣ: это чужой.

Этотъ самый, котораго я оскорбляю своимъ пренебреженіемъ, отталкиваю своею холодностью, котораго я осуждаю такъ немилосердно и злорадно, котораго я соблазняю и вовлекаю въ погибель своимъ примѣромъ!

Время стояло ненастное, дождливое. Недалеко отъ нашего села, при большомъ помѣстьи, строился плавильный заводъ, и тутъ же, для снабженія паровика водой, рыли колодезь. Дѣло было уже почти окончено, но земля размокла отъ сильныхъ дождей и рабочіе совѣщались о томъ не лучше ли повременить, а то пожалуй, опасно,— земля можетъ обвалиться.

— „Конечно, опасно“, говорилъ старшій и болѣе опытный, „того и гляди, еще это обрушится, тогда бѣда будетъ“. Онъ указывалъ на груду каменьевъ. сложенныхъ для фундамента, у самаго колодца.

— „Пустяки“, возразилъ смѣлый Евдокимъ, „никакой бѣды не будетъ“, и прежде чѣмъ успѣли остановить его, онъ спустился внизъ. Однакоже, бѣда случилась: мокрая земля обвалилась и подъ тяжестью своею зарыла несчастнаго человѣка. Мигомъ пронеслась вѣсть по всей мѣстности и всѣ поспѣшили на помощь. Вѣтеръ, дождь, грязь,— все стало людямъ нипочемъ. Ла-

вочникъ бросилъ свой товаръ, мастеровой—свои инструменты, крестьяне свою молотьбу, и всѣ, разомъ, столпились у колодца. Бабы, схвативъ на руки грудныхъ дѣтей, побѣжали туда же; а тамъ уже отчаянно рыдала молодая жена Евдокима.

Люди смотрѣли другъ другу въ лицо, и каждый спрашивалъ: чѣмъ могу я помочь? Веревки, лопаты, топоры, все пошло въ дѣло, и никто не спрашивалъ: чье это? Никто не говорилъ: „не трогай, это **мое**"; напротивъ, всякій кричалъ: „берите, скорѣе, пока еще живъ!" Ни отъ кого не слышны были слова: „не мое дѣло"; нѣтъ, каждый считалъ это **своимъ** дѣломъ, хотѣлъ тутъ руку приложить, и столько набралось желающихъ помочь, что надо было многихъ просить отступить подальше, чтобы не обвалилось отъ тяжести и то мѣсто, на которомъ они стояли. Каменный фундаментъ сильно давилъ землю; боялись, что онъ обрушится и окончательно раздавитъ Евдокима. „Разнесите фундаментъ", кричалъ завѣдующій постройкой; и люди принялись таскать огромные каменья и работали съ неимовѣрной быстротой, не чувствуя тяжести.

—„Придется снова складывать", замѣтилъ кто-то, „это будетъ денегъ стоить".

— „Что за важность!" вскричали всѣ, „не въ деньгахъ дѣло,— лишь бы человѣка спасти"!

Работали неутомимо, потъ лилъ градомъ, здоровыя плечи заныли, но никто этаго не замѣчалъ; наконецъ, и самыя сильныя руки затряслись отъ изнеможенія; тогда, ихъ смѣнили другія, но работа не прекращалась ни на минуту.

Вытащили много земли и стали кликать Евдокима, спрашивая: „Живъ ли"?

Точно изъ могилы послышался отвѣтъ:

— „Живъ; спасайте скорѣе, задыхаюсь"!

Живъ! Радостно забились сердца, и еще быстрѣе пошла работа. Никто не говорилъ: „самъ виноватъ, что пошелъ туда, пусть же и погибаетъ;" нѣтъ, **спасти** его надо было, чего бы оно ни стоило; этого одного всѣ сердца желали, для этого всѣ руки работали;—**и онъ былъ спасенъ**!..

Спасенъ! повторяли люди другъ другу. Спасенъ! твердила молодая женщина, прижимая младенца своего къ груди и глядя съ участіемъ на жену и дѣтей Евдокима.

„Спасенъ! слава Тебѣ, Господи;" шептала старушка, со слезами вспоминая собственнаго сына, недавно умершаго.

Спасенъ! слышалось повсюду, и въ этой радости всѣ какъ будто слились въ одинъ голосъ, въ одну душу.

Между тѣмъ, тутъ погибалъ только **одинъ** человѣкъ и ничѣмъ онъ особеннымъ отъ другихъ людей не отличался. Умеръ бы онъ,—страданье его было бы не продолжительное; жена его, поплакавъ, погоревавъ, пожалуй, со временемъ утѣшилась бы; дѣтямъ онъ оставилъ бы по себѣ честное имя и добрую память.

А сколько, у насъ на глазахъ, умираютъ каждый день, умираютъ сегодня, самою ужасною смертью, смертью душевною и вѣчною! Мрачная бездна грѣха поглотила ихъ; на душѣ ихъ лежатъ тяжелые камни, и если ни чья рука къ нимъ не протянется, они погибнутъ безвозвратно! Сокрушаются объ нихъ отцы, матери, жены, просятъ нашего участья, взываютъ къ намъ: помогите,... а мы проходимъ мимо и говоримъ: „что мнѣ за дѣло?"

Что мнѣ за дѣло! Да; такъ думалъ и левитъ, который, въ притчѣ Спасителя, увидѣлъ на дорогѣ лежащаго, несчастнаго, израненнаго, едва живаго человѣка и „**прошелъ мимо.**"

Но не такъ думалъ Самарянинъ, который, проѣзжая, **нашелъ** его и „увидѣвъ его **сжалился**, и подошедши, **перевязалъ** ему раны, возливая масло и вино; и посадивъ его на своего осла, привезъ его въ гостинницу и **позаботился** о немъ".

Какое дѣло до насъ, грѣшныхъ, было Святому и Праведному, обитающему во Славѣ небесъ? Что общаго между Свѣтомъ и тьмой?

Ничего; ихъ раздѣляетъ глубокая пропасть; но Любовь Божія перешла черезъ эту пропасть и настолько надъ нами сжалилась, что за насъ Единороднаго на смерть отдала.

И Онъ пришелъ „взыскать и спасти"; пришелъ ходить съ мѣста на мѣсто, протягивая руку погибающимъ, для нихъ на землѣ жилъ, за нихъ умеръ и оставилъ послѣ Себя завѣщаніе: „**Какъ** Я возлюбилъ,... **такъ** и вы любите".

Люди погибаютъ,—что-же я тутъ могу сдѣлать? Какъ, что сдѣлать? Нашли люди что дѣлать, когда пришлось вытаскивать человѣка изъ колодца: ничего не удержали, ничего не пожалѣли. Смотри, сколько искушеній окружаютъ твоего брата, какая глубокая тьма охватываетъ его со всѣхъ сторонъ; смотри на эти тяжелые каменья, которые чуть чуть не раздавили его. Онъ пропадаетъ въ пьянствѣ, въ другомъ какомъ нибудь порокѣ, въ тоскѣ безотрадной, въ безвыходной нуждѣ.

Онъ пропадаетъ, потому что ты ему руки протянуть не хочешь; знай же, что за смерть его тебѣ придется отвѣчать.

Не вѣришь ты этому? Слушай слова Писанія: „Когда Я скажу беззаконнику: беззаконникъ, ты смертью умрешь, а ты не будешь ничего говорить, чтобы **предостеречь** беззаконника отъ пути его, то беззаконникъ тотъ умретъ за грѣхъ свой, но **кровь его взыщу отъ руки твоей**": (Iезек. 33. 8).

Что ты можешь сдѣлать! Собери всѣ силы души твоей, забудь **себя**, свою выгоду, свои удобства, свой покой и, во Имя Христа, иди выручать ближняго, — найдешь, что сдѣлать. Снимай, съ Божіей по-

мощью, тяжелые камни съ души его, вытаскивай его изъ пропасти, а не хватаетъ у тебя силъ, призывай другихъ на помощь. Попроси у одного веревку, у другаго лопату,—помогай каждый чѣмъ можешь, только помогай, ради Христа, пока еще не погибъ братъ твой, — пока еще не умеръ онъ во грѣхѣ, мучительною, позорною смертью!

А что, если онъ самъ виноватъ, что погибаетъ? Самъ виноватъ былъ и тотъ, котораго завалилъ колодезь; однакоже, побѣжали его спасать.

А что, если, для того чтобы выручать ближняго, потребуется много силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, много средствъ?.. Все это потребовалось для спасенія погибающаго въ колодцѣ, и все это было дано. Спасеніе человѣческой жизни требовало жертвы, и эта жертва была принесена охотно, радостно.

Подымись же, братъ, на святое дѣло! Если ты любишь Спасителя твоего, если твое сердце сколько нибудь прониклось сознаніемъ Его любви, то да согрѣетъ, да оживитъ, да откроетъ его широко эта безконечная Любовь. Сколько разъ уже, быть можетъ, взывалъ къ тебѣ тотъ или другой, прося о помощи; и ты не отвѣчалъ! Отвѣть же теперь, и не только откликнись тому, кто зоветъ тебя, но иди искать такого, который тебя не ищетъ, который настолько уже окоченѣлъ, что даже голосу подать не можетъ, ищи его съ молитвой, ищи его усердно, терпѣливо, взирая на Пастыря добраго, Который положилъ Свою душу и „оставилъ намъ примѣръ, чтобы мы шли по слѣдамъ Его“.

Онъ поможетъ тебѣ и **искать** и **найти!**

ЖЕЛѢЗО НА НАКОВАЛЬНѢ.

(Окончаніе).

Работаетъ Григорій у Николая ужъ другой мѣсяцъ, и все покуда идетъ хорошо. Самъ онъ собою очень доволенъ и часто повторяетъ Ивану Петровичу: „вотъ видите, какъ захотѣлъ, такъ и бросилъ все старое“.

Николай сталъ довѣрять ему кузницу когда приходилось самому отлучаться, по своимъ надобностямъ, и вотъ теперь онъ уѣхалъ на два дня въ городъ, а Прокофій, содержатель питейнаго дома, пришелъ подковать лошадь въ кузницу.

— „Что-жъ ты, старый пріятель, насъ совсѣмъ забылъ“, началъ онъ, покуда Григорій справлялъ дѣло, „ты бы, хоть ради дружбы, иной разъ потолковать пришелъ“.

— „Некогда мнѣ“, отвѣчалъ Григорій отрывисто, продолжая работать.

— „Что за некогда, зайди хоть на минутку, мы и на томъ спасибо скажемъ. Вотъ кстати колесо надо обтянуть, пойдемъ сейчас со мной, возьмешь колесо, а мы дорогой потолкуемъ“.

— „Я лучше мальчика пошлю“, сказалъ Григорій.

— „Да что ты, братъ, точно заразы какой боишься“, засмѣялся Прокофій, „былъ мужикъ смѣлый, а теперь сталъ точно баба“.

Григорію эта насмѣшка не понравилась—онъ на нее сперва ничего не отвѣтилъ, но когда окончилъ ковку, взялъ кафтанъ и сказалъ: „ладно; пойдемъ“. Мальчику велѣно было стеречь кузницу и прибѣжать за нимъ въ случаѣ надобности.

Какъ только вышли на улицу, Прокофій спросилъ: „Скоро-ли самъ хозяиномъ будешь, Григорій? Тебѣ-ли въ работникахъ жить, когда столько времени самъ всѣмъ дѣломъ заправлялъ? Вотъ, и люди говорятъ, что если-бы ты опять свою кузницу открылъ, тебѣ-бы работы навалило сколько хочешь. Я, первый, все съ тобою-бы дѣло имѣлъ, а то ужъ я Николая не очень долюбливаю“.

— „Не на что мнѣ кузницу открывать“, отвѣчалъ Григорій. „инструментъ я весь продалъ на хлѣбъ, а новымъ обзаводиться не на что“.

— „Помогли-бы добрые люди, кабы на то пошло“, отвѣчалъ Прокофій, „многіе тебя жалѣютъ, что ты въ наемникахъ живешь; ты вѣдь парень хорошій, обходительный“.

Григорій ничего не сказалъ, но слова Прокофія какъ-то особенно запали ему въ душу. Они пробудили въ немъ то, что на время заснуло, растравили чувство обиды на Николая. Тутъ подошли къ шинку. Въ дверяхъ показалась хозяйка.

— „Ужъ не знаешь, здороваться-ли съ вами“, сказала она, „старый знакомый, а сталъ совсѣмъ чужой“.

— „Да, онъ съ нами больше знаться не хочетъ“, подхватилъ Прокофій, „еле, еле заманилъ на минутку колесо посмотрѣть“.

— „Ну, ужъ отъ меня гость безъ угощенія не уйдетъ“, сказала Матрена Матвѣевна. „Милости просимъ зайдите, Григорій Семенычъ, не побрезгайте“.

— „Нѣтъ, спасибо“, отвѣчалъ Григорій, „мнѣ на работу надо“.

— „Побаивается видно стараго Николая“, сказала Матрена въ полголоса, но такъ что Григорій могъ слышать, „вотъ что значитъ хозяйская воля, а не своя“.

— „У меня воля своя, а я все таки пить не хочу“, отвѣчалъ Григорій.

— „Полно, Григорій, братъ“, вмѣшался Прокофій, „мы вѣдь знаемъ, что ты не въ неволѣ живешь и коли захочешь, зайдешь выпить стаканчикъ, ради старой дружбы. Ты вѣдь не то что другой,—мѣру знаешь,—и уйдешь отсюда такой-же трезвый, какъ пришелъ“.

— „Ну, пожалуй“, — Григорій вошелъ.

Поздній вечеръ; во многихъ из-

бахъ лучинки уже погасли и народъ успокоился на ночь, а Марья сидитъ за столомъ, шьетъ рубашку и ждетъ. Бѣгала она на кузницу — тамъ Григорія нѣтъ. Мальчикъ сказалъ ей, куда онъ пошелъ, сказалъ ей также, что Николай на сумеркахъ вернулся изъ города.

Марья докончила рубашку и склонила голову на столъ.

Да, ниже, ниже опускай голову, бѣдная Марья: твой Григорій теперь и тебя и себя губитъ; онъ ужъ сталъ точно не человѣкъ, а хуже всякой безсловесной твари. Сперва шумѣлъ, бранился, потомъ до безчувствія дошелъ.

Слышится шумъ за дверью, Марья вздрагиваетъ, бѣжитъ отворять: товарищи тащатъ Григорія въ избу, пересмѣиваясь между собою, а онъ и глазъ не открываетъ, и слова проговорить не можетъ, только лицо какое-то нехорошее стало. Лежитъ онъ на лавкѣ, въ тяжеломъ снѣ, а для Марьи вся ночь не во снѣ, а въ слезахъ прошла!

На другой день, Григорій на столько оправился, что пошелъ на кузницу и засталъ тамъ Николая.

— „А уговоръ-то нашъ?" сказалъ тотъ, „смотри, братъ, подтяни-ка себя, пока еще не сшибло тебя съ ногъ вино!"

Григорій ничего не отвѣчалъ, но принялся за работу очень усердно а Николай, глядя на него, говорилъ самъ себѣ: „подождемъ, посмотримъ что будетъ, авось еще поправится".

Но, вечеромъ, когда работа кончилась, и Григорій отправился домой, онъ питейнаго дома не миновалъ: жажда-ли на него такая напала, или какая-нибудь другая была тому причина,—неизвѣстно.

„Опять затвердѣло, опять почернѣло желѣзо", говорилъ самъ себѣ Иванъ Петровичъ, и приходилъ онъ въ кузницу уговаривать Григорія, приходилъ Марью утѣшать и просилъ Николая: „потерпи, ради Христа, еще хоть недѣльку,—можетъ быть онъ образумится".

Дастъ-ли лукавый образумиться тому, кто, своей доброй волей, запутался въ его сѣти!..

Прошла недѣля. Григорій сталъ въ кузницу опаздывать, сталъ работать плохо, на замѣчанія Николая отвѣчалъ грубо и наконецъ довелъ дѣло до того, что тотъ ему отказалъ отъ должности.

— „Жаль мнѣ тебя, да дѣлать нечего", сказалъ онъ печально, качая головой, „не хочешь уговоръ нашъ соблюдать, не хочешь по Божьему жить, такъ я тебя держать не могу".

Иванъ Петровичъ пересталъ за Григорія просить, пересталъ его самаго уговаривать — увидалъ что напрасно; а зато Марьѣ и дѣткамъ ея частенько отъ своего недостатка то чаю, то крупы на кашу удѣлялъ.

Зима настала. Глубокій снѣгъ лежитъ на землѣ, мужики шубъ не снимаютъ, бабы и ребята цѣлыми часами на теплой печкѣ грѣются. Сидитъ бѣдная, больная женщина въ нетопленной избѣ; некому изъ лѣсу дровъ привезти, а шуба старая не грѣетъ больше. Изъ оконъ дуетъ, рамы плохія, стекла разбитыя бумагой заклеены. Мальчикъ лѣтъ восьми сидитъ пригорюнившись на лавкѣ, завернувшись въ изорванный полушубокъ; маленькая дѣвочка, вся посинѣвши отъ холода, жмется къ матери и грызетъ черствый кусочекъ хлѣба.

— „Мама", говоритъ Вася, „кабы я былъ большой, я-бы въ лѣсу дровъ нарубилъ. Лошадку-бы кто-нибудь далъ дрова привезти и мы бы печь истопили".

— „Богъ дастъ, помогутъ добрые люди", отвѣчала мать, „кузнецъ Николай, дай Богъ ему здоровья, обѣщалъ завтра утромъ дровецъ прислать. А ты теперь, зажги-ка лучинку — я васъ хоть холодными щами накормлю".

Вспыхнула лучинка и свѣтъ отъ нея упалъ на лицо матери. Неужели это наша Марья? И узнать нельзя: чуть жива стала. Поставила на столъ горшокъ и краюху сухаго хлѣба, поданнаго Христа ради. Принялись дѣтки кушать, а щи точно вода мутная.

— „Мама, что-жъ это у насъ Иванъ Петровичъ давно не бывалъ?"

— „Нездоровъ онъ, батюшка", отвѣчаетъ Марья, „только вчера полегче стало, говорятъ. Какъ поправится, такъ придетъ — незабудетъ насъ бѣдныхъ, а онъ не придетъ, такъ Господь не оставитъ".

Марья закашлялась и кашляла такъ долго, что даже посинѣла въ лицѣ. Васѣ жаль стало, онъ началъ ласкать ее, спрашивалъ: „скоро-ли здорова будешь?" говорилъ: „скучно мнѣ, мама, что ты больна".

Марья гладила его по головкѣ, потомъ сказала: „возьми-ка, покачай Дуню, у меня руки устали."

Вася сталъ качать ребенка и напѣвалъ что-то тихимъ голоскомъ, а Марья шептала: „дѣтки вы мои бѣдныя, холодомъ да голодомъ ростить васъ приходится. На Господа Одного надежда".

Выбилась бѣдная женщина изъ послѣднихъ силъ и довела себя до того, что теперь и на ногахъ едва стоитъ. Ткала она холстъ день и ночь, продавала его въ городѣ, чтобы было на что хлѣба купить, и все таки пришлось сперва лошадку, потомъ и коровушку сбыть на оброкъ; теперь и работать уже не можетъ, и кормиться, кромѣ милостыни, нечѣмъ.

А Григорій умеръ развѣ? Ахъ, его громкій, рѣзкій голосъ раздается по прежнему, только Марья ужъ его давно не слыхала: Григорій ушелъ въ городъ; иной разъ находитъ себѣ тамъ кое-какую поденную работу, но домой онъ денегъ не посылаетъ, а что добудетъ, то и пропьетъ. Часто цѣлую недѣлю шатается безъ дѣла, но онъ объ этомъ мало тужитъ,—опустился совсѣмъ; дома, безъ хлѣба сидятъ, одеждой обносились а ему и горя мало.

Крѣпко, крѣпко затвердѣло желѣзо, такъ, что его, какъ кажется,

никакимъ молотомъ не пробьешь! Впрочемъ, Григорій къ празднику Рождества посулился въ деревню. Марья ждетъ, но съ унылымъ сердцемъ.

Григорій ѣдетъ домой. Принесли ему на прошедшей недѣлѣ вѣсть, что жена очень плоха и дѣти голодаютъ. Стало ему какъ-то неловко на душѣ, онъ нанялся дрова пилить, чтобы не съ пустыми руками домой пріѣхать, купилъ Васѣ поясъ и дочкѣ платочекъ и проѣхавъ часа четыре, наконецъ добрался до своей избы. Входитъ, а тамъ народу много, точно плачутъ; громче всѣхъ голоситъ Вася. Григорій двинулся впередъ. бабы разступились—на лавкѣ, въ переднемъ углу, лежитъ Марья, бездыханная, руки сложены на груди. Бабушка Ѳеодора на рукахъ качаетъ Дуню, а Вася сидитъ около умершей матери и громко, громко плачетъ. Григорій совсѣмъ остолбенѣлъ, зашатался и бросился къ Марьѣ, — Марью уже ни горемъ, ни радостью земною не пробудишь!..

Схоронили бѣдную страдалицу. Григорій, держа Васю за ручку, шелъ за гробомъ и горько плакалъ; за нимъ шелъ Иванъ Петровичъ, опустивъ сѣдую голову. Какъ тяжело было старику!

Чужая нужда, чужое горе и слезы давно уже стали ему не чужими: онъ привыкъ съ другими и радоваться и горевать, но тутъ не только нужда и горе, — тутъ тяжелый грѣхъ, который тому причиной и этотъ грѣхъ давитъ сердце старика. Онъ тоже плачетъ, но больше надъ Григоріемъ, чѣмъ надъ Марьей.

„Марья успокоилась“, думаетъ онъ, „царство ей небесное, вмѣсто земной тоски, а онъ“?.. Иванъ Петровичъ видитъ, какъ Григорій рукавомъ вытираетъ слезы, и опять вспоминаетъ кузницу и раскаленное желѣзо.

„Еще разъ,—Боже мой, неужели въ послѣдній разъ,—лежитъ желѣзо на наковальнѣ! Неужели въ послѣдній разъ охватываетъ его пламя скорби, послѣдній разъ ударяетъ его молотъ, и оно, раскаленное на время, наконецъ, ожесточится на всегда“!

За Иваномъ Петровичемъ шли деревенскія бабы, разговаривая между собою, и многія слова ихъ долетали до Григорія.

„Бѣдняжка, вотъ маялась-то вотъ мучилась-то, такъ не дай Богъ!

А все до конца была такая кроткая, терпѣливая, все Бога на сердцѣ держала. „Господь приметъ меня грѣшную“, говорила, „проститъ мое великое согрѣшеніе и дѣтокъ моихъ не оставитъ“.

„Дня за два до смерти, я зашла къ ней“, подхватила другая баба, „а она, голубушка, на колѣнкахъ стоитъ и молится, какъ молится! точно всю душу Богу изливаетъ! Потомъ, какъ встала, лицо такое покойное было. Про мужа никому дурного слова сказать не позволяла, все заступалась за него, а какъ стала помирать, дѣтей поцѣловала и говоритъ: „дѣтушки, милыя, Бога не забывайте, Онъ вамъ вмѣсто отца и матери будетъ“!

Марьюшка, Марьюшка, извела тебя печаль, не долго ты пожила на бѣломъ свѣтѣ“!

Григорій все это слышалъ и каково ему было!.. Горько, стыдно, тяжело на душѣ; онъ зналъ, что отъ него пришла та печаль, которая свела Марью въ могилу, и плакалъ онъ;—да въ однѣхъ слезахъ, безъ искренняго раскаянія, безъ сердечной, смиренной мольбы къ Богу, безъ твердой рѣшимости бросить грѣхъ,—что пользы?..

Послѣ похоронъ, Иванъ Петровичъ позвалъ Григорія къ себѣ, а Васю съ Дуней покуда пріютилъ дядя, въ сосѣдней деревнѣ.

Всю душу свою, всю жалость своего сердца вложилъ старикъ въ бесѣду свою съ Григоріемъ, призывая его обратиться къ Спасителю грѣшниковъ и, съ помощью Его, начать новую жизнь.

Григорій говорилъ: „да, конечно, надо о Богѣ подумать“.

— „Не медли, Гриша“, настаивалъ Иванъ Петровичъ, „Господь говоритъ: сколько разъ хотѣлъ Я укрыть тебя подъ крылья Свои и ты не захотѣлъ“! Врагъ стережетъ тѣхъ, которые не укрылись подъ крылья Христовы и нападаетъ на беззащитныхъ. Ты думаешь, твое сердце теперь смирилось горемъ, и вправду оно какъ будто другое стало, да это не надолго: горе смягчаетъ на время, а потомъ горе забывается и сердце становится такое-же какъ было. Горе смягчаетъ на время; Господь, Одинъ, измѣняетъ сердце на всегда, такъ что бываетъ съ человѣкомъ, какъ сказано въ Писаніи: „кто во Христѣ, тотъ новая тварь, древнее прошло, теперь все новое“.

Иванъ Петровичъ читалъ Григорію про блуднаго сына и какъ дошелъ до того мѣста, гдѣ сынъ возвратился къ отцу, самъ заплакалъ и сказалъ:

„Ахъ, Гриша, кабы и съ тобою такъ было“!

— „Да, хорошо-бы,“ отвѣчалъ тотъ.

На другой день вечеромъ, Иванъ Петровичъ пошелъ провѣдать Григорія, хотѣлъ опять позвать его къ себѣ, чтобы ему не скучно было— Григорія не было дома.

„Вѣрно къ дѣтямъ пошелъ“, подумалъ старикъ.

Дѣйствительно, онъ къ дѣтямъ собрался, а по дорогѣ... по дорогѣ стояло искушенье, а силы противъ искушенія не было. Григорій передъ Богомъ не покаялся, на новую жизнь Божьей помощи не призвалъ, и вотъ онъ опять сидитъ у Прокофья и въ винѣ топитъ горе и заглушаетъ голосъ сердца и совѣсти.

Иванъ Петровичъ прошелъ въ ту сторону, и увидалъ его въ окошко, какъ, въ былое время, увидала его первый разъ Марья.

Старикъ вздохнулъ глубоко, съ

горестью, отвернулся и унылыми шагами повернулъ домой.

„Бѣдная Марья, сколько ты надъ этимъ слезъ проливала, а теперь ты, слава Богу, этого стыда и горя не видишь“!

„Стой, стой, держите его!..“ неистово кричалъ отчаянный голосъ, но уже было поздно. Ножъ сверкнулъ въ рукѣ и вонзился въ грудь противника.

Прежде чѣмъ присутствующіе успѣли опомниться и подать помощь, несчастный человѣкъ вскрикнулъ, повалился на полъ и потемнѣлъ въ лицѣ.

На столахъ стояли бутылки, недопитые стаканы, а тутъ,— кровь, стоны, ужасъ на всѣхъ лицахъ!

Прибѣжалъ хозяинъ трактира, сталъ толпиться народъ, черезъ нѣсколько минутъ, появилась полиція.

Неподвижно стоялъ только виновникъ преступленія. Лицо его худое, страшное; злобное, дикое выраженіе въ глазахъ, платье оборвано, какъ у нищаго. Марья, закрылись глаза твои для всего земнаго, не видишь ты теперь твоего несчастнаго мужа, не видишь, какъ его — убійцу, — подъ стражей, ведутъ въ тюрьму!

Поглядѣла-бы ты на него, вотъ ужъ наплакалась-бы! Возможно-ли сказать, что это тотъ самый человѣкъ, которымъ, нѣкогда, любовался Иванъ Петровичъ, проходя мимо кузницы? Всякое человѣческое чувство исчезло у него; въ городъ ушелъ, говоря, что наймется работать, а между тѣмъ, цѣлые дни въ буйствѣ, пьянствѣ проводилъ и наконецъ, до чего дошелъ!.. Другого человѣка жизни лишилъ!

Григорій просидѣлъ въ тюрьмѣ долго. Когда на судѣ дошла очередь до него, стали вызывать свидѣтелей, но ихъ показанія не убавили его вины. Онъ уже не разъ замѣченъ былъ въ дракахъ, не разъ грозилъ, что убьетъ того человѣка, котораго зарѣзалъ въ трактирѣ, судъ призналъ, что преступленіе не заслуживаетъ снисхожденія и присудилъ Григорія на каторгу.

Во все время заключенія своего, Григорій былъ безчувственъ и грубъ, не выказывалъ ни малѣйшаго раскаянія, какъ будто у него больше и души не было.

Узнали о томъ что случилось въ деревнѣ, и передъ тѣмъ, какъ Григорію отправляться, Иванъ Петровичъ повелъ дѣтей прощаться съ нимъ. Ихъ допустили въ камеру преступника, лицо старика было блѣдно отъ волненія и дѣти испуганными глазками смотрѣли на отца. Отецъ ихъ поцѣловалъ, но равнодушно, точно они ему чужіе, съ Иваномъ Петровичемъ почти не говорилъ.

„Васю дядя у себя оставляетъ“, сказалъ старикъ, „будетъего къ работѣ пріучать, а Дуню я къ себѣ возьму. Пока живъ, буду ее беречь и воспитывать“.

— „Ладно, такъ хорошо будетъ“, отвѣчалъ Григорій, но не выказалъ ни малѣйшаго чувства и не выразилъ благодарности. Иванъ Петровичъ увидалъ, что отъ него больше ничего не дождешься и повернулся уходить.

Когда дѣти вышли за дверь, онъ еще разъ вернулся къ Григорію, взялъ его за руку и сказалъ: „Помилуй тебя Господь“. Григорій поклонился, сказалъ: „прощайте“ и отвернулъ голову.

На слѣдующій день, онъ вмѣстѣ съ другими арестантами, отправился въ путь.

Вася живетъ у дяди, его тамъ берегутъ и жалѣютъ, потому что онъ мальчикъ послушный и на работу толковый. Дуня живетъ у Ивана Петровича, называетъ его дѣдушкой и всюду за нимъ бѣгаетъ. Онъ ее бережетъ и жалѣетъ, потому что Христосъ сказалъ: „кто приметъ сіе дитя во имя Мое, тотъ Меня принимаетъ“.

Люди сначала говорили ему: „вотъ-ужъ обузу навалили себѣ на плечи, вѣдь ребенка кормить надо“.

„Будетъ моя сиротка со мною сыта“, отвѣчалъ онъ, „Богъ насъ обоихъ прокормитъ“.

Часто играетъ старикъ съ дѣвочкой, слушаетъ ея дѣтскій лепетъ, смѣется съ нею, а иной разъ, глядя на нее, лицо его принимаетъ такое грустное, грустное выраженіе и, положивъ руку ей на головку, онъ шепчетъ: „Господи, помилуй Григорія“!....

ИЗЪ ТВОР. СВ. ТИХОНА ЗАДОНСКАГО.

ОСУЖДЕННЫЙ, И КАЗНЬ ЕГО СМЕРТНАЯ.

Бываетъ, что человѣкъ по заслугамъ своимъ и по законамъ осуждается на смертную казнь, и ведутъ его за городъ, и за нимъ слѣдуетъ множество народа, и тамъ, на мѣстѣ опредѣленномъ, принимаетъ казнь.

Отъ сего позорища обрати, христіанинъ, умъ твой и размышленіе къ страшному и ужасному спасительнаго Христова страданія позорищу! Такъ Христосъ, Сынъ Божій, судимъ и осужденъ былъ на смерть; но неправедно и неповинно веденъ былъ на смерть, какъ овца на закланіе, и „идяше въ слѣдъ Его народъ многъ людей“. (Лук. 23. 27). И внѣ града приведенъ былъ на мѣсто смерти, и тамъ, между двумя злодѣями, крестную и смертную казнь претерпѣлъ. Ужасное и умилительное позорище! Сынъ Божій и Господь Славы, какъ злодѣй, осужденъ и веденъ былъ на смерть, и смертную казнь принялъ! Отъ кого?.. Отъ злыхъ рабовъ Своихъ! За кого?... За непотребныхъ враговъ Своихъ! Рабы согрѣшили, и наказаніе претерпѣлъ Владыка! „Той язвенъ бысть за грѣхи наша и мучимъ за беззаконія наша“. (Исаіи 53. 5). Гдѣ?... Внѣ вратъ Іерусалимскихъ! Передъ кѣмъ?... Передъ очами Божіими, Ангельскими и человѣческими.

Видишь, Христіанинъ, страшное и ужасное позорище: смотри-же и разсуждай о причинѣ того. Причина тому—грѣхи наши. Такъ мои, и твои, и грѣхи всего міра очищались. Такъ правда Божія удовлетворялась, которая грѣхами міра раздражена была. Такъ Богъ міру примирялся, и міръ Богу. Такъ оправданіе намъ, грѣшнымъ, заслуживалось, и спасеніе вѣчное содѣлывалось. Такъ отъ плѣненія и власти діавольской, адскаго мученія и вѣчной смерти избавились мы. Такъ восходъ на небо уготовлялся намъ, и небесное Царствіе, грѣхами нашими затворенное отверзалось. И всѣ, во Адамѣ, мы діаволу и власти его темной подверглисъ; но черезъ Христово страданіе отъ того избавились. Въ Адамѣ, согрѣшили мы и клятвѣ подвержены сотворились; но черезъ Христово страданіе, оправданіе и благословеніе Божіе возвратились намъ. Въ Адамѣ, мы умерли и погибли; но Христовымъ страданіемъ, ожили и спаслись. Въ Адамѣ, мы отъ Бога удалились; но Христовымъ страданіемъ, къ Богу привелись. Въ Адамѣ, мы изъ рая изгнались, но Христовымъ страданіемъ, въ рай не земной, но небесный возвратились. Въ Адамѣ, обезчестились и посрамились мы; но черезъ Христово страданіе, почтились и прославились. Въ Адамѣ — всякаго добра лишились мы, и всякому бѣдствію и окаянству подпали, но Христовымъ страданіемъ всякое добро получили и отъ всякаго злополучія избавились. Итакъ, отъ Христова страданія, какъ отъ Источника спасенія, все наше благополучіе проистекаетъ. Его страданіе нашей отрады виновно; Его смерть нашей жизни виновна; Его судомъ и осужденіемъ мы отъ суда и осужденія вѣчнаго избавились; Его ранами мы исцѣлились; Его узы, которыми Онъ связанъ былъ, насъ отъ узъ грѣховныхъ разрѣшили, о чемъ поемъ Ему съ Пророкомъ: „растерзалъ еси узы моя. Тебѣ принесу жертву хвалы". (Псал. 115. 7, 8,). Отъ Его печали, скорби и туги, миръ и радость вѣчная намъ проистекли; Его милосердыми слезами отираются слезы очей нашихъ, и дѣйствительны передъ Отцемъ небеснымъ бываютъ; Божественнаго Его тѣла обнаженіе ризу — намъ спасенія и одежду веселія содѣлало, смиреніемъ и уничиженіемъ Его мы вознеслись; отъ поруганія и безчестія Его, вѣчная честь и слава послѣдовала намъ. Словомъ: все блаженство духовное и вѣчное отъ сего спасительнаго Источника проистекло намъ. О семъ Ему, Начальнику жизни нашей, съ Отцемъ и Святымъ Духомъ, возсылаемъ вѣчное благодареніе.

Поминай же, всегда Христіанинъ, то время, въ которое сіе наше блаженство устроилось; поминай то время, въ которое Богъ въ образѣ человѣческомъ, въ образѣ раба, насъ ради, на землѣ явился и пожилъ; между грѣшниками обращался, съ грѣшниками ѣлъ, пилъ и бесѣдовалъ; то время, въ которое хуленіе и гоненіе отъ злыхъ рабовъ Своихъ претерпѣлъ; то время, въ которое, ради грѣховъ нашихъ, скорбѣлъ, тужилъ, ужасался и кровавымъ потомъ обливался, — въ которое отъ льстиваго и неблагодарнаго ученика проданъ и преданъ и отъ прочихъ учениковъ оставленъ былъ,—въ которое связанъ, веденъ на судъ, судимъ и осужденъ былъ на смерть, поруганъ, оплеванъ и заушенъ былъ,—въ которое вопили на Него: „возьми, возьми, распни Его",—въ которое, со беззаконными смѣнился и, ради спасенія нашего, на крестѣ умеръ; и тщись Искупителю своему вѣрою, любовію, смиреніемъ, кротостью и терпѣніемъ послѣдовать и угождать, да и съ Нимъ вѣчно будешь царствовать.

НЕЗАБУДКА.

На склонѣ высокой горы, изъ нѣдръ земли, билъ источникъ. Тоненькой ниточкой сочился онъ по песку. Со всѣхъ сторонъ стекались къ нему притоки и струйка воды усилилась по мѣрѣ того, какъ онъ удалялся отъ мѣста своего рожденія.

Снѣга, лежащіе на вершинѣ горы, дожди, падавшіе на нее, посылали ему богатыя подкрѣпленія. Шумя, скакалъ онъ маленькимъ водопадомъ со скалы на скалу, брызгая вокругъ себя влагою.

Быстро мчался онъ къ подошвѣ горы, куда онъ являлся уже значительнымъ ручьемъ.

„Скорѣй, скорѣй", повторялъ ручей, спѣша дальше, все дальше, черезъ лѣса, черезъ равнины, поля и луга, увлекая въ своемъ неутомимомъ бѣгѣ все, что попадалось ему на пути.

Протекалъ онъ черезъ лѣсъ—онъ несъ съ собою, вертѣлъ и клубилъ сухіе листья. Проходилъ его путь по глинистой почвѣ — онъ тащилъ за собою поверхность своего русла и размокшая глина, подымаясь и расходясь въ немъ, мутила чистоту его воды. Случалось ли ему прорѣзать болото, слизистые слои тины тянулись по его дну, лѣниво лѣпясь вокругъ камней и берега. Да, даже цѣлые прутья и щепки тащилъ онъ на себѣ, этотъ неутомимый труженикъ.

На берегу его разцвѣтала незабудка. Полный думъ и чудныхъ предчувствій глядѣлъ молоденькій цвѣточекъ вокругъ себя своимъ довѣрчивымъ голубымъ глазкомъ.

— „Скажи, куда бѣжишь ты такъ быстро и неутомимо?" спрашивала незабудка у ручейка.

— „Дальше, дальше" журчалъ онъ, сердито наскакивая на лежащій на пути камень и злобно пѣнясь перескакивалъ черезъ него.

— „Но погоди же немножко, дай у тебя спросить, ты столько знаешь, скажи, куда, зачѣмъ бѣжишь ты"?

— „Куда—незнаю, зачѣмъ—незнаю, времени нѣтъ объ этомъ думать, спѣшу“, говорилъ ручеекъ и бѣжалъ дальше.

— „Скажи мнѣ только одно“, говорила любопытная незабудочка, „откуда берешь ты свои воды“?

— „Съ горы“, журчалъ мимоходомъ ручей.

— „О, постой же, скажи откуда беретъ ихъ гора“, просила неотступно она.

— „Съ неба, изъ тучъ“, и ручеекъ быстро увлекалъ съ собою большой кленовый листъ, на которомъ отчаянно суетился бѣдный муравей.

— „О, разскажи мнѣ про небо“, умоляла незабудочка, „про твою родину“!

— „Я ничего не знаю“, сердито возразилъ ручей, „мнѣ надо спѣшить, бѣжать, работать, мнѣ нѣкогда думать о небѣ“.

Незабудочка задумалась.

— „Ему нѣкогда думать о своей родинѣ, которая ему посылаетъ все новыя силы“! А ей такъ хотѣлось услыхать что нибудь объ этомъ голубомъ небѣ, которое такъ ровно и спокойно простиралось надъ нею. Она чувствовала какъ бы сродство какое-то между его голубой синевой и лазурнымъ цвѣтомъ ея лепесточковъ, между золотымъ солнцемъ и ея желтенькимъ сердечкомъ; только что глядя на безконечно великое небо, она смиренно чувствовала все ничтожество своей маленькой жизни и длинныя зеленыя ручки ея тянулись съ нѣжностью къ безпредѣльному пространству.

— „О, счастливый ручей, думала она, каждая капля его воды была на облакахъ, видѣла вблизи небо, а онъ, непонятно равнодушный, и не заботится объ этомъ!“

Къ полдню на небѣ стали ходить тучи. Онѣ росли, распространялись и скоро заволокли всю синеву.

Но маленькая незабудочка не смущалась этимъ.

Она продолжала жадно вглядываться, тихо говоря про себя:

— „О, я знаю, я навѣрно знаю, что за этими тучами все еще стоитъ твердо и постоянно мое милое, чудесное, синее небо.

Стоитъ раздвинуться тучамъ немного, и я опять увижу его“.

Но онѣ не раздвигались, все темнѣе, тѣснѣе собирались онѣ; наконецъ, блеснула молнія, раздались грозные раскаты грома и полилъ на землю обильный дождь.

Незабудка стояла все по прежнему, всѣмъ своимъ глазкомъ глядя наверхъ, чтобъ увидать любимое ею голубое небо, съ твердою увѣренностію, что оно тамъ, за черными тучами, стоитъ незыблемое и вотъ-вотъ опять выглянетъ изъ за нихъ.

Капля дождя упала прямо въ ея чашечку. Она схватила и бережно обняла лепестками даръ прекраснаго неба, хотя она еще не знала, что съ нимъ будетъ дѣлать.

Гроза прошла, небо расчистилось и опять засіяло своей чистой синевой, отражаясь въ блестящей каплѣ, лежащей въ сердцѣ голубаго цвѣтка.

Незабудка была совсѣмъ счастлива.

Ея желаніе исполнилось, она видѣла небо вблизи—она даже держала его въ своей маленькой, вѣрующей чашечкѣ.

Возлюбленные! если такъ возлюбилъ насъ Богъ, то и мы должны любить другъ друга.

Дѣти мои! станемъ любить не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною.

(1 Іоан. 4. 11. 3. 18).

Условія подписки: «Русскій Рабочій» выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ. Подписка принимается въ конторѣ Редакціи Журнала (Сергіевская ул., д. № 20, кв. 7) отъ 9 до 12 час. утра. Цѣна годовой подп. безъ достав. 60 к., съ дост. въ Спб. 75 к., съ перес. иног. 1 р.

Редакторъ-Издательница А. И. Пейкеръ.

Дозволено цензурою, Спб., 14 декабря, 1883 года.

Типографія И. Н. Скороходова, Надеждинская, 39.

№ 12. 1883 г. РУССКІЙ РАБОЧІЙ. Цѣна 5 коп.

БѢГСТВО ВЪ ЕГИПЕТЪ.

„РУССКІЙ РАБОЧІЙ"

будетъ издаваться и въ будущемъ 1884 году, на прежнихъ условіяхъ.

ГОДОВАЯ ЦѢНА:

Съ пересылкою иногороднимъ	1 р. — к.
Съ доставкою, въ С.-Петербургѣ.	— „ 75 „
Безъ доставки.	— „ 60 „

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторѣ редакціи на Сергіевской улицѣ, д. № 20, кв. 7. С.-Петербургъ.

Со всѣми письмами и требованіями по журналу просятъ обращаться туда-же.

Редакція проситъ читателей, сочувствующихъ изданію, содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, его распространенію.

БѢГСТВО ВЪ ЕГИПЕТЪ.

Дивный, божественный Младенецъ,—недавній Жилецъ на грѣшной землѣ,—вотъ Ты уже и Изгнанникъ! Нѣтъ Тебѣ пристанища и защиты на земной родинѣ Твоей, приходится покидать ее ночью, тайно, и укрываться отъ злобы людской на чужой сторонѣ.

Архангелъ возвѣстилъ о чудномъ рожденіи Твоемъ, безгрѣшные Ангелы, радостнымъ пѣніемъ, провозгласили, что къ грѣшнымъ людямъ пришелъ Спаситель, — тѣ самые Ангелы, которые и теперь приносятъ Тебѣ за совершенное спасеніе непрестанную хвалу, говоря: „достоинъ Агнецъ закланный принять силу, и богатство, и премудрость, и крѣпость, и честь, и славу, и благословеніе";—а сами люди Тебя отвергли!

Небесный Младенецъ, гонятъ Тебя люди! лишь только Ты появился на землѣ, — возгорѣлась злоба ихъ; дѣтства Твоего они не пожалѣли; не перестали они гнать Тебя и впослѣдствіи. Кротость и смиреніе Твое ихъ не смягчили и по мѣрѣ того какъ возрасталъ Ты въ Премудрости и Любви, возрастала и ненависть ихъ къ Тебѣ, до той поры, когда она, наконецъ, разразилась воплями изступленія. За что? За то, что Ты, безвинный, принялъ на Себя все осужденіе и позорную казнь, ихъ грѣхомъ заслуженныя!

Читатель, подумай, что лишь только отдалъ Богъ Сына Своего людямъ, пришлось Ему послать съ небесъ Ангела предостеречь, что люди этого Сына хотятъ убить! И далѣе, было то же самое. Очи Отца устремлены были на тотъ міръ, гдѣ Возлюбленный Его совершалъ трудный подвигъ Свой и Онъ видѣлъ, какъ обошлись съ Нимъ тѣ, которыхъ Онъ пришелъ спасти, видѣлъ, какъ священная Глава Его склонилась до земли подъ гнетомъ тяжкаго грѣха человѣческаго; слышалъ, какъ раздавались неистовые крики: „распни Его!" Но, Отецъ не послалъ легіоны Ангеловъ, чтобы защитить Его; нѣтъ, и Отецъ, и Сынъ довершили Свою жертву до конца!

Читатель, ты вспоминаешь, теперь, Христа—Младенцемъ; вспоминаешь то время, когда **начато** было спасеніе твое, которое **совершилось** на крестѣ, когда „сидящимъ въ странѣ и тѣни смертной возсіялъ **свѣтъ**". Радуется ли твое сердце тому, что родился Спаситель, или ты принадлежишь къ числу тѣхъ, которые только тѣшатся увеселеніями праздника, а Спасителю въ сердцѣ своемъ мѣста не даютъ? Его гонятъ и теперь, въ этомъ мірѣ; многіе Его чуждаются, на Любовь Его отвѣчаютъ равнодушіемъ, святымъ Словамъ Его не вѣрятъ. А „ты, вѣруешь ли въ Сына Божія"? Скажешь: вѣрую, такъ дай же Ему мѣсто, дай Ему просторъ въ сердцѣ твоемъ; — убогое, недостойное оно для Него жилище, но Господь не презритъ его: „прійдетъ къ тебѣ и обитель **у тебя** сотворитъ", до той поры, когда перенесетъ тебя на вѣки въ **Свою** обитель на небесахъ.

ЧЕГО ТЫ ЖДЕШЬ?

Всякій человѣкъ чего-нибудь ждетъ. Дѣти ждутъ того времени, когда они станутъ взрослыми; взрослые люди, въ свою очередь, ждутъ чего нибудь: исполненія своихъ желаній или намѣреній, успѣха въ своихъ предпріятіяхъ, облегченія въ своихъ страданіяхъ, ждутъ перемѣны въ томъ или въ другомъ видѣ и мыслями безпрестанно переносятся въ будущее. Въ настоящее время, многіе люди ожидаютъ наступающаго Новаго года и спрашиваютъ себя: принесетъ-ли онъ имъ радость или горе? Годъ за годомъ, люди все чего-то ждутъ и какъ часто ихъ ожиданія бываютъ суетны, обманчивы и несбыточны.

Однакоже! Христіанинъ есть человѣкъ **ожидающій**—Самъ Господь возбуждаетъ и поддерживаетъ въ немъ это постоянное стремленіе души къ тому что впереди, и **вѣрно** обѣщаетъ ему, что **это** ожиданіе его не обманетъ, что та перемѣна, которой онъ жаждетъ, несомнѣнно, осуществится.

Чего-же ты ждешь, Христіанинъ? На земномъ-ли чемъ-нибудь основана та живая, твердая надежда, которая воодушевляетъ тебя, укрѣпляетъ тебя настолько, что ты, странникъ и пришелецъ, можешь, даже среди земныхъ скорбей, радоваться духомъ и славить Бога.

Нѣтъ, Господь уготовалъ тебѣ сокровище въ **другомъ** мірѣ и сердце твое призываетъ туда-же.

„Вотъ я творю новое небо и новую землю," говоритъ Онъ, „и прежнія уже не будутъ воспоминаемы, и не прійдутъ на сердце. А вы будете веселиться и радоваться во вѣки о томъ, что Я творю". [1])

Радость безконечную, полное удовлетвореніе души, миръ ничѣмъ ненарушимый готовитъ намъ Господь, и въ томъ-жъ пророчествѣ Онъ представлялъ намъ какъ-бы картину того совершеннаго согласія, въ которомъ утихнетъ всякая ненависть, прекратится всякое недовѣріе и отчужденіе, когда все то, что на прежней, грѣшной землѣ враждовало между собою, сольется на новой, безгрѣшной землѣ, въ одну всеобъемлющую любовь. „Тогда волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ ягненкомъ и барсъ будетъ вмѣстѣ съ козленкомъ; и теленокъ, и молодой левъ, и волъ будутъ вмѣстѣ, и малое дитя будетъ водить ихъ." [2])

Новое небо и новую землю обѣщаетъ Господь, и вѣрные слуги Его отвѣчаютъ: „мы, по обѣтованію Его,

[1]) Исаіи 65. 17—18. [2]) Исаіи 11. 6.

ожидаемъ новаго неба и новой земли, на которыхъ обитаетъ правда, и увѣщеваютъ другъ друга, говоря: „Итакъ, возлюбленные, **ожидая** сего, потщитесь явиться передъ Нимъ неоскверненными и непорочными, въ мирѣ.“ [3])

Мира и непорочности ищутъ сердца **ожидающія**, поэтому Господь и призываетъ къ этому, говоря: „будьте подобны людямъ **ожидающимъ**“.

„Какими должно быть въ святой жизни и благочестіи вамъ, **ожидающимъ** и желающимъ пришествія дня Божія, [4]) того дня, когда все старое уничтожится, когда возстановится то, что было разрушено грѣхомъ, когда рука Божія сотворитъ „**все новое**“ и мы увидимъ Господа нашего лицомъ къ лицу. „Всякій, имѣющій сію надежду на Него, очищаетъ, себя такъ какъ Онъ чистъ“, [5]) да, заранѣе уже уподобляется тому, чего онъ ожидаетъ, заранѣе предвкушаетъ обѣщанную радость и устремляетъ взоръ все пристальнѣе на то, что невидимо и вѣчно. [6]).

„Молитесь другъ за друга“, [7]) говоритъ Ап. Іаковъ; будемъ усердно молиться другъ за друга, — просить, чтобы въ наступающемъ, новомъ году, Господь даровалъ намъ быть непрестанно **ожидающими** и бодрствующими, — и возблагодаримъ Его за ту любовь, которая всѣхъ обнимаетъ, скрѣпляетъ всѣхъ вѣрующихъ во едино и соединяетъ ихъ **въ одномъ блаженномъ ожиданіи** „явленія славы великаго Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа“. [8]).

[3]) 2 Петр. 3. 12—14. [4]) 2 Петр. 3. 11. 12. [5]) 1 Іоан. 33.

[6]) 2 Кор. 4, 18. [7]) Іак. 5. 16.

[8]) Тит. 2. 13.

„Тогда волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ ягненкомъ;... и теленокъ, и молодой левъ и волъ будутъ вмѣстѣ, и малое дитя будетъ водить ихъ“.
(Исаіи 11. 6).

ВЫКУПЪ.

Въ маленькой деревнѣ, въ горахъ Іудейскихъ, жилъ благочестивый Еврей. У него было два сына, которыхъ онъ воспиталъ въ страхѣ Божіемъ и въ любви другъ къ другу. До глубокой старости его, они жили съ нимъ, и когда онъ умеръ, долго его оплакивали.

Послѣ смерти отца, младшій братъ, Веніаминъ, порѣшилъ заняться торговлей и отправился въ чужія страны, а старшій, Іонафанъ, остался дома, обработывать землю отцевъ своихъ. Хорошо было ему жить среди чудныхъ виноградниковъ, темнолиственныхъ маслинъ; передъ нимъ растилаются роскошныя поля и пастбища, и на нихъ пасется многочисленное стадо овецъ. Вполнѣ счастливъ былъ-бы Іонафанъ, если-бы не то горе, что единственный, любимый братъ уѣхалъ такъ далеко, и что нѣсколько лѣтъ уже о немъ нѣтъ никакихъ извѣстій.

Прошли годы и въ странѣ Іудейской насталъ голодъ. Отощали поля и луга, поблекли масличныя деревья, засохли виноградныя лозы и пали стада. Все имущество Іонафана исчезло; мѣсяцъ за мѣсяцемъ, продолжалась засуха и пришлось занять денегъ у богатаго сосѣда, на сѣмена для посѣва. Въ слѣдующую осень, жатва была такая скудная, что ее и собирать не стоило.

Іонафанъ продалъ сосѣду свою землю, но долгъ его этимъ не покрылся; перешло и родное жилище въ чужія руки. Іонафанъ сталъ слышать тамъ чужіе голоса и когда онъ проходилъ мимо, новый хозяинъ смотрѣлъ на него гордо и съ пренебреженіемъ.

Скоро онъ пересталъ и показываться около бывшаго своего дома, и бродилъ съ мѣста на мѣсто, нищій, голодный, ища себѣ пристанища, пробуя взяться за какое-нибудь дѣло, но ничто ему не удавалось; скитался долго, потомъ вернулся; нечѣмъ было долгъ уплатить, нечѣмъ жить;—онъ продалъ себя самаго, и сталъ рабомъ новаго владѣльца своего дома. Хозяинъ давалъ ему скудный кусокъ хлѣба, грубую одежду и уголокъ для ночлега, зато онъ принадлежалъ своему хозяину всецѣло, и впереди себя, кромѣ тяжкой неволи, ничего не видѣлъ.

Законъ дозволялъ ему выкупить себя, если-бы онъ имѣлъ на то средства, но какъ это было возможно? Онъ трудился съ утра и до позднаго вечера, трудился и въ зной, и въ холодъ для хозяина — не хватало ни силъ, ни времени, чтобы заработать еще что-нибудь для себя.

Въ законѣ еще сказано было, что если-бы какой-нибудь богатый родственникъ захотѣлъ его выкупить, онъ-бы могъ получить свободу. Іонафанъ это зналъ, но и это его не утѣшало. У него на родинѣ близкихъ родственниковъ не было, а Веніаминъ,—онъ-бы помогъ, — но онъ далеко, и о немъ уже долгое время ничего неизвѣстно. Уныло, безнадежно работаетъ бѣдный труженикъ, день за днемъ.

Далеко, очень далеко, на чужой сторонѣ, живетъ Веніаминъ. Онъ богатъ, торговля его процвѣтаетъ, у него нѣсколько своихъ кораблей, домъ его точно дворецъ, и многіе знатные люди ведутъ съ нимъ знакомство. Но Веніаминъ тоскуетъ, роскошное жилище, почести людскія, всѣ наслажденія жизни не тѣшатъ его. Почему такъ? Онъ видитъ какіе-то странные сны и эти сны ему не даютъ покоя.

Каждую ночь, снится ему все то-же самое: родная сторона, широкое поле и бѣдный рабъ, работающій подъ жгучими лучами палящаго солнца, и когда онъ всматривается пристально въ печальное, измученное лицо раба, онъ узнаетъ въ немъ своего брата. На что ему все это богатство, если братъ его дѣйствительно изнываетъ въ горькой долѣ раба! Снова и снова, все съ большею ясностью, повторяется тотъ-же сонъ. Веніаминъ не вытерпѣлъ—оставилъ свое роскошное жилище, и на одномъ изъ своихъ кораблей, отправился на родину. Путь былъ дальній и опасный, но Веніаминъ этого не страшился—онъ спѣшилъ къ брату. Наконецъ, пристаетъ онъ къ берегамъ своей родины и немедленно отправляется къ отцовскому дому. Вотъ онъ у него передъ глазами—тотъ-же самый; вотъ и знакомые виноградники и маслины, изъ дома слышатся дѣтскіе голоса. Онъ подходитъ къ двери и видитъ тамъ чужаго человѣка; это новый хозяинъ, ему принадлежитъ все наслѣдство двухъ братьевъ.

— „А тотъ, который раньше здѣсь былъ, гдѣ онъ“? спрашиваетъ у него Веніаминъ, въ сильномъ волненіи, „Іонафанъ, живъ-ли?“

— „Іонафанъ?“ сказалъ хозяинъ, да онъ живъ, но...

— „Слава Богу, слава Богу“, прервалъ его Веніаминъ.

— „Онъ впалъ въ крайнюю нужду, нищету,“ продолжалъ владѣлецъ дома, „и продалъ себя мнѣ. Теперь, онъ тамъ работаетъ у меня въ полѣ“.

— „Такъ я его и видѣлъ, въ снахъ моихъ“, вскричалъ Веніаминъ, „я поспѣшу къ нему, но прежде всего скажу вамъ, что я его братъ, и пріѣхалъ выкупить его“.

Онъ сдѣлалъ знакъ своимъ слугамъ, стоявшимъ поодаль и они поднесли ему большой ящикъ полный серебра. Хозяинъ не могъ противиться, долженъ былъ принять деньги и подписать бумагу. Іонафанъ былъ выкупленъ, между тѣмъ онъ этого еще не зналъ и, опустивъ голову, работалъ въ полѣ, какъ-будто не было въ цѣломъ мірѣ никого, кто бы о немъ позаботился.

— „Еще не кончено“, сказалъ Веніаминъ, „я желаю еще выкупить все имущество нашего отца“.

Опять сосчитали огромную сумму, опять уплочены были всѣ деньги и домъ, виноградники, поля,—были выкуплены.

— „Теперь“, сказалъ Веніаминъ, вставая съ мѣста, „я пойду, скажу ему объ этомъ“.

Онъ шелъ и плакалъ, не могъ удержать слезъ,—такъ переполнено было сердце. Приходитъ въ поле и видитъ тамъ жалкаго раба, именно того, который снился ему столько разъ: блѣдный, изнуренный, съ печальнымъ, состарѣвшимся лицомъ и ветхой одеждой, которая едва прикрывала его исхудалое тѣло.

Неужели это въ самомъ дѣлѣ братъ его! онъ подошелъ къ нему съ замирающимъ сердцемъ и спросилъ:

— „Іонафанъ. узнаешь-ли ты меня“?

Невольникъ поднялъ глаза на минуту, и грустно покачалъ головою. Всякая надежда погасла въ душѣ его уже давно!

— „Я Веніаминъ, твой братъ, и я выкупилъ тебя“ вскричалъ тотъ; онъ бросился на шею бѣдному рабу, крѣпко его обнималъ, цѣловалъ и плакалъ надъ нимъ.

— „Выкупилъ меня“, повторилъ Іонафанъ въ смущеніи, „ты Веніаминъ и ты меня выкупилъ, можетъ-ли быть“?

— „Да, братъ мой дорогой, слава Богу, ты теперь уже не рабъ, и отцовскій домъ, отцовская земля,—все опять твое“.

Іонафанъ долго не могъ придти въ себя, но наконецъ, когда созналъ свою свободу, первый разъ, послѣ многихъ лѣтъ, поднялъ голову; потомъ, опять склонилъ ее къ брату на грудь и рыдалъ, повторяя: „онъ выкупилъ меня, все заплатилъ,—я теперь свободенъ“. Да, Іонафанъ былъ выкупленный, свободный человѣкъ, онъ навсегда простился съ рабской долей, сбросилъ съ себя лохмотья и одѣлся въ раскошное платье, привезенное братомъ. Онъ возвратился въ домъ отца своего, поднялъ взоръ на родные поля и виноградники и все это назвалъ своимъ. Какъ измѣнилась его жизнь съ того времени! Прежній хозяинъ не имѣлъ болѣе права распоряжаться имъ и гнать его на работу. „Я уже вамъ не слуга“, отвѣтилъ-бы ему Іонафанъ, „долго томился—подъ игомъ неволи, но мой братъ выкупилъ меня“. А желѣзную цѣпь на рукѣ,—знакъ его рабскаго положенія,—станетъ-ли онъ еще носить ее?

Нѣтъ, не только исчезло все это, но и самъ онъ сталъ совсѣмъ другой: видъ бодрый, поступь твердая, голосъ твердый, звонкій, въ глазахъ сіяетъ радость. А къ Веніамину какое чувство въ сердцѣ? Благодарность, безпредѣльная, любовь заглушающая всякое другое чувство, любовь, которая только одного и ищетъ: чѣмъ-бы послужить брату, такъ много возлюбившему.

Читатель, что скажешь ты на это? Скажешь: такъ и слѣдуетъ. Да, дѣйствительно, такъ и слѣдуетъ, чтобы жизнь такъ измѣнилась, чтобы сердце такъ чувствовало, чтобы незабвенны стали ему и благодѣяніе, и благодѣтель.

Дорогой читатель, обратись ты на себя: не тебѣ ли оказано такое же благодѣяніе? Не твою ли душу, грѣшную, выкупилъ Спаситель твой отъ власти грѣха и смерти, не тебѣ ли пріобрѣлъ Онъ, дорогою цѣною, вѣчное наслѣдіе? Ты скажешь: я это знаю. И что-же? Покинулъ ты рабскую долю? Пересталъ служить грѣху? Переселенъ ты душою въ Отцовскій домъ? Сердце твое горитъ ли любовью къ Искупившему тебя кровію Своею Благодѣтелю и желаніемъ любовію твоею послужить Ему?

Остановись, подумай, дай самъ себѣ передъ Богомъ чистосердечный отвѣтъ... Вопросъ очень важный; отъ рѣшенія его зависитъ для тебя вся вѣчность; остановись и подумай...

КУДА УХОДЯТЪ ДЕНЬГИ?

— „Яковъ“, сказала Прасковья мужу своему, „у Кати совсѣмъ изорвались башмаки, надо-бы ей новую пару купить“.

— „Какъ, опять новую пару, давно-ли я купилъ башмаки“!

— „Давно, Яковъ, ужъ мѣсяца три будетъ, я ихъ отдавала въ починку нѣсколько разъ, а теперь больше и чинить нельзя“.

— „Ну, ужъ на этой недѣлѣ мнѣ не до башмаковъ будетъ“ отвѣчалъ Яковъ угрюмо, „у меня даже и копѣйки въ корманѣ нѣтъ“.

— „Жаль, дѣвочкѣ придется безъ воздуху дома сидѣть, выйти не въ чѣмъ, а погода хорошая“, сказала Прасковья, печально.— „Куда-же ты деньги дѣваешь, Яковъ“?—спросила она черезъ нѣсколько минутъ.

— „Я и самъ не знаю, куда онѣ пропадаютъ“, отвѣчалъ мужъ, „должно быть ты слишкомъ много на хозяйство тратишь“.

— „Я могу показать тебѣ мой расходъ—у меня все записано и ты увидишь, есть-ли что нибудь лишнее“, отвѣчала жена кротко, „а ты, можешь-ли показать мнѣ, куда ты свою долю тратишь“? прибавила она.

— „Не много у меня грошей на рукахъ остается, Паша, и счета они никакого не стоятъ“.

„Однако-же, надо добиться толку, куда уходятъ деньги“, настаивала Прасковья, „хочешь, я сейчасъ покажу тебѣ расходную книжку, и ты самъ просмотришь мои счеты“.

Прасковья принесла книжку и положила ее передъ мужемъ на столѣ. Она была хозяйка хоть небогатая, но очень аккуратная и заботливая, такъ что ни въ счетахъ, ни въ расходахъ ея ошибки не нашлось“.

— „Все вѣрно, все вѣрно“,— качалъ головою Яковъ, „и расходъ не великъ по нашему семейству, нечего сказать; куда-же, въ

самомъ дѣлѣ, деньги дѣваются? А, вспомнилъ; — вотъ голова-то какая,—вѣдь у меня за Сизовымъ цѣлыхъ 8 рублей долгу; въ займы выпросилъ еще въ началѣ мѣсяца. Вотъ они и башмаки Катѣ готовы, да еще и тебѣ на обновку хватитъ,—сейчасъ пойду, стребую съ него долгъ, Сизовъ теперь денегъ много наживаетъ—онъ отдастъ".

Сизовъ былъ содержатель ближайшаго трактира, куда, къ сожалѣнію, частенько заглядывалъ Яковъ; онъ, дѣйствительно, выманилъ у Якова на какія-то свои надобности сперва 5, потомъ 3 рубля, говоря „ничего, свои люди—сочтемся".

— „Развязался-бы ты съ Сизовымъ", сказала Прасковья, услыхавъ его имя, „не будетъ тебѣ отъ него добра".

— „И зла особеннаго не будетъ", отвѣчалъ Яковъ, „выпить рюмочку иной разъ не мѣшаетъ, а тутъ кстати такъ близко, и Сизовъ, ничего себѣ, забавный малый, всегда о чемъ нибудь весело поговоритъ, такъ что всякую скуку разгонитъ".

Сказавъ это, Яковъ взялъ шапку и вышелъ, не желая дожидаться отъ Прасковьи отвѣта.

Онъ пошелъ прямо въ трактиръ. Хозяина не было дома, за прилавкомъ стояла хозяйка.

— „Дарья Ивановна", сказалъ онъ, „за вами есть должокъ, а мнѣ теперь деньги нужны — нельзя-ли бы намъ расчитаться"?

— „Съ удовольствіемъ", отвѣчала хозяйка, и раскрыла счетную книгу. „Да знаете что", сказала она, подводя итогъ какого-то длиннаго счета, „вѣдь долгу-то за нами почти нѣтъ".

— „Какъ нѣтъ", вскричалъ Яковъ, „развѣ вы не помните, что я вамъ въ займы 8 р. далъ?"

— „Помню, помню", отвѣчала Дарья Ивановна очень спокойно, „да вѣдь и за вами, по нашей книгѣ, долгъ числится, все по мелочамъ забирали, а всего 7 р. 85 к.; 15 к. сдачи и получите".

— „Пятнадцать копѣекъ, вмѣсто 8-ми рублей!"—Яковъ схватился за голову, — какъ это возможно! Угощался онъ правда, разъ-другой, то одинъ, то съ товарищами, не было при себѣ денегъ, и говорилъ: „запишите въ книгу," думалъ и на рубль расходу не выйдетъ, а тутъ 7 р. 85 коп.!

Якову стало стыдно. У Кати башмаковъ нѣтъ, Паша, бѣдная, бьется изо всѣхъ силъ, чтобы въ хозяйствѣ недостатка не было, а онъ тутъ—въ короткое время убилъ 7 р. 85 к. на вино!

— „Дайте мнѣ самому въ книжку посмотрѣть", сказалъ онъ, и смотрѣлъ долго, но это ничего не измѣнило.

Разсматривая счетъ, онъ сталъ припоминать, что дѣйствительно и въ понедѣльникъ онъ тутъ кузнеца Василія угощалъ, и во вторникъ зашелъ погрѣться, выпилъ рюмку-другую, и въ среду не миновалъ, и такъ ни одного дня не пропустилъ.

Не только стыдно, а горько, досадно, обидно стало Якову, тѣмъ болѣе обидно, что на себя одного приходилось пенять. Какъ-то онъ домой вернется, и доброй Пашѣ въ глаза посмотритъ? Она будетъ съ жалостью смотрѣть на Катины изорванные башмачки, а ему каково будетъ тогда?

— „Ты вѣдь не пьянствуешь, какъ другіе мужья, шепталъ ему какой-то внутренній голосъ. Чтожъ за бѣда, если ты и потѣшишься иной разъ съ товарищами. Самъ деньги добываешь, на себя воленъ ихъ и тратить".

Назойливо, но напрасно твердилъ это внутренній голосъ; — у Якова сердце еще было на мѣстѣ, онъ не затопилъ еще въ трактирѣ любовь къ семейству; его еще трогало сознаніе, что по его винѣ маленькая дѣвочка должна будетъ сидѣть дома въ тѣсной комнатѣ, пожалуй и въ комнатѣ простудится безъ обуви, что по его винѣ жена просидитъ до поздней ночи за иголкой, лишь-бы только на заработанныя деньги купить ребенку башмаки.

Яковъ вздыхалъ глубоко, глядя въ книгу.—„Вотъ вамъ еще и рюмочка вина вдобавокъ", прервала его размышленія хозяйка, „это вамъ угощеніе за то, что ссудили деньги, выпейте на здоровье и благодаримъ васъ за одолженіе".

— „И я радъ, что далъ вамъ эти деньги, это меня проучитъ, а то я, пожалуй, никогда-бы не спохватился, не узналъ, сколько у меня по мелочамъ выходитъ на вино. Спасибо, пить не буду", прибавилъ онъ, указывая на рюмку и вышелъ.

— „Проучитъ это тебя, Яковъ Семенычъ," твердилъ онъ самъ себѣ, дорогой, „не станешь ты больше трудовыя денежки въ винѣ топить. Семь рублей 85 коп.! И это въ одинъ мѣсяцъ! Если такимъ порядкомъ жить, такъ въ годъ не мало перейдетъ денегъ къ Сизову въ карманъ"! Яковъ сталъ считать сколько; насчиталъ безъ малаго сто рублей и испугался. — „Сберегать-бы эти денежки на черный день, вотъ это дѣло", думалъ онъ, „положимъ—я теперь молодъ и здоровъ и зарабатываю рубль съ четвертью въ день, а дальше-то что будетъ, Богъ знаетъ. Да; полно въ трактиръ ходить, Яковъ Семеновичъ, совсѣмъ бросить надо, за умъ надо взяться, дай-то Богъ, дай-то Богъ!"...

Вернувшись домой, Яковъ разсказалъ все, что съ нимъ было женѣ, и положивъ передъ нею 15 коп. сказалъ: „нечемъ хвастать, Паша, не хватитъ Катѣ на башмаки, но потерпи недѣльку, какъ отъ хозяина деньги получу, все принесу тебѣ до копѣйки".

— „А мнѣ кстати, сегодня работу дали", отвѣчала Паша, „такъ что у нашей Кати и раньше недѣли, пожалуй, башмаки заведутся".

— „Помоги тебѣ Богъ на добромъ началѣ", сказала она Якову, когда онъ сообщилъ ей о намѣреніи „взяться за умъ и бросить трактиръ".

Можетъ быть и дѣйствительно кстати было, что Пашѣ именно въ это время принесли работу: она, какъ Яковъ и предвидѣлъ, сидѣла за нею до поздней ночи, а ему это было на пользу. Когда онъ возвращался съ работы, она подавала ему ужинъ, потомъ сейчасъже опять садилась за шитье, сама худенькая, блѣдная и шила, шила, не разгибаясь, часъ за часомъ.

— „Полно шить, отдохни“, говорилъ мужъ.

— „Нельзя“, отвѣчала она, „работа срочная“, а Яковъ, глядя на нее, думалъ: „не растратилъ бы муженекъ деньги, не надо бы женѣ надъ срочной работой изнуряться“.

Первые дни, заходили за нимъ пріятели и, по старой привычкѣ, звали съ собой въ трактиръ, а передъ нимъ сидитъ Паша и шьетъ, и шьетъ, безъ остановки. Яковъ такъ рѣшительно отвѣчалъ, „не пойду“, что пріятели перестали заходить.

Къ концу недѣли, у Кати на ногахъ были новые башмачки, заработанные трудомъ матери, и когда Яковъ глядѣлъ на нихъ, ему становилось стыдно и онъ все болѣе твердо рѣшался въ трактиръ не заглядывать.

На слѣдующей недѣлѣ, онъ получилъ жалованье и когда принесъ его женѣ—все до копѣйки, — сказалъ: „Не будешь, Паша, брать больше срочной работы, довольно тебѣ дѣла съ хозяйствомъ и дѣтьми“.

И денегъ стало хватать, и на башмаки и на все, что требовалось, а дорожка въ трактиръ травою заросла.

Рабочій человѣкъ! Ты не только про Якова прочитай, но и на себя обернись.

Подведи счетъ тѣмъ копѣйкамъ, которыя у тебя уходятъ на вино, и подумай...

ИЗЪ ТВОР. СВ. ТИХОНА ЗАДОНСКАГО.

Переселенецъ.

Видимъ въ мірѣ, что люди съ мѣста на мѣсто, изъ веси въ другую весь, и изъ села въ другое село, и изъ града въ другой градъ переселяются и переходятъ жить, и все свое имѣніе движимое туда переносятъ, и называются переселенцами. Такъ истинные Христіане, которые живую вѣру, какъ свѣтильникъ, въ сердцахъ своихъ имѣютъ, сердцами и мыслями своими изъ міра сего въ тотъ вѣкъ переселяются; они въ мірѣ рождаются, но въ небесное Отечество переселяются. Объ этомъ Павелъ святой, избранный сосудъ Христовъ, со всѣми вѣрными глаголетъ: „наше житіе на небесѣхъ есть, отонудуже и Спасителя ждемъ Господа нашего Іисуса Христа (Филип. 3. 20). Т. е., мы тѣломъ на землѣ живемъ, но душою находимся на небесахъ. Туда пошелъ Христосъ Господь, Глава наша: туда спѣшимъ, стремимся и воздыхаемъ и мы, члены Его. Туда пошелъ Предтеча нашъ, Іисусъ Христосъ Господь: туда взираемъ и слѣдуемъ и мы.

Онъ насъ, какъ Своихъ, туда влечетъ. Тамъ наше Отечество, тамъ нашъ домъ, тамъ наше наслѣдіе, тамъ наше имѣніе, богатство, честь, слава, утѣшеніе, радость и все блаженство. Поэтому-то такіе люди ничего въ мірѣ этомъ, кромѣ нужнаго, не ищутъ; и ничто ихъ въ мірѣ этомъ не можетъ увеселять, что сыновъ вѣка этого увеселяетъ. Таковые „не сокрываютъ себѣ сокровищъ на землѣ, идѣже червь и тля тлитъ, и идѣже татіе подкопываютъ и крадутъ: но скрываютъ себѣ сокровище на небеси, идѣже ни червь, ни тля тлитъ, идѣже татіе не подкопываютъ, ни крадутъ“. (Матѳ. 6. 19 и 20). Нѣтъ у нихъ въ сердцахъ того, чтобы строить высокіе и красивые домы, прибавлять и умножать земли, вотчины, крестьянъ, получать высокую честь, славу и похвалу въ мірѣ семъ пріобрѣсти, и прочее, о чемъ сыны вѣка сего стараются и пекутся. Ибо гдѣ сокровище ихъ, тамъ и сердце ихъ. Сокровище ихъ на небеси, тамъ и сердце ихъ обращается. А мірскимъ и временнымъ, тѣмъ довольствуются, что имѣютъ, помышляя и глаголя съ Апостоломъ: „ничтоже внесохомъ въ міръ сей, явѣ, яко ниже изнести что можемъ; имѣюще-же пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ“. (Тимоѳ. 6. 7. 8). Сіи суть знаки и примѣты истиннаго Христіанина и вѣрнаго раба Христова! Таковый, хотя богатство имѣетъ, хотя честь и славу имѣетъ въ мірѣ семъ, однакожъ ничѣмъ не утѣшается; но всегда сердце его па небеси, гдѣ истинное Сокровище его. Такому вездѣ жить въ этомъ мірѣ равно, гдѣ-бы онъ ни жилъ; потому что житіе въ этомъ мірѣ для него ссылка и изгнаніе. Онъ вездѣ, гдѣ ни находится, къ любезному своему отечеству-небу плачущія свои возводитъ очи, и къ нему воздыхаетъ, въ жилище свое небесное облещися желая. (2 Корин. 5. 2) и со святымъ Пророкомъ сердечно восклицаетъ: „коль возлюбленна селенія Твоя, Господи силъ! желаетъ и скончавается душа моя во дворы Господни“, и пр. (Псал. 83. 2. 3). Христіанинъ! переселимся и мы сердцемъ нашимъ въ небесное наше отечество, и ничего въ мірѣ, кромѣ нужнаго не пожелаемъ и не поищемъ. Тамъ для насъ все уготовано небеснымъ нашимъ Отцомъ. Зачѣмъ ищемъ того, что не наше? Поищемъ того небеснаго Сокровища, которое истинно наше есть и съ нами во вѣки будетъ. Мірское все въ мірѣ оставимъ: а мы наги отыдемъ отъ міра; какъ и наги вошли въ міръ. „Не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ. (Евр. 13. 14.)

Редакторъ-Издательница А. И. Пейкеръ.

Дозволено цензурою, Спб., 20 декабря, 1883 года.

Типографія И. Н. Скороходова, Надеждинская, 39.